

МИНИСТЕРСТВО
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
«Российский государственный гуманитарный университет»
Историко-архивный институт
Исторический факультет
Кафедра истории и теории исторической науки

БУДУЩЕЕ
НАШЕГО ПРОШЛОГО – 8:
Империи в историческом дискурсе

Материалы
Всероссийской научной конференции

17 февраля 2023 г.

Москва 2023

УДК 930(063)
ББК 63.1я431
Б90

Редакционная коллегия

Е.В. Барышева (ответственный редактор)

С.С. Новосельский (ответственный секретарь)

К.А. Медведев (редактор)

Рецензент

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

Б90 **Будущее** нашего прошлого – 8: Империи в историческом дискурсе: Материалы Всероссийской научной конференции. 17 февраля 2023 г. М.: РГГУ, 2023.

1 файл PDF: 243 с. Текст: электронный

ISBN 978-5-7281-3354-4

В сборнике представлены материалы всероссийской научной конференции «Будущее нашего прошлого – 8: Империи в историческом дискурсе», которая состоялась 17 февраля 2023 г. в РГГУ. Статьи посвящены широкому кругу вопросов и проблем, связанных с теоретическим осмыслением империй в современной историографии, взаимодействием власти и общества в империях, истории империй в свете национально-культурного и конфессионального многообразия, рождением и распадом империй.

Для специалистов в области исторического знания и всех интересующихся историей.

УДК 930(063)
ББК 63.1я431

ISBN 978-5-7281-3354-4

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2023

Содержание

От редколлегии.....	6
<i>Ермолова И.Е.</i> Взаимодействие власти и общества в поздней Римской империи.....	8
<i>Старостин Д.Н.</i> Священная история и календарь: проблемы становления христианской хронологии.....	18
<i>Глухова А.С.</i> Осмысление феномена имперского рыцарства в современной историографии.....	35
<i>Павлов К.В.</i> Максимилиан I Габсбург во флорентийском историописании эпохи Итальянских войн: император или король?.....	45
<i>Лимонова А.Л.</i> Концепт Католической монархии в имперской политике Филиппа II Габсбурга.....	57
<i>Раттур М.В.</i> Шведское великодержавие и Российская империя: историко-правовой анализ взаимовлияния (1611–1809 гг.)	65
<i>Гафуров С.О.</i> Монаршая миссия как имперский концепт в международных отношениях первой половины XVII в.	77
<i>Чернова М.В.</i> Участие Российской империи в первом разделе Речи Посполитой в трактовке русскоязычного сегмента YouTube	87
<i>Батиев М.В.</i> Память о русских императорах XVIII в. в эпистолярном наследии П.А. Вяземского и А.И. Тургенева.....	95
<i>Селиверстова Н.М.</i> Официальный имперский дискурс в восприятии российского дворянина в середине XIX в.	103
<i>Моисеева О.А.</i> Политика Османской империи во второй половине XIX в. в отношении многонационального православного населения	114
<i>Шушкова М.Е.</i> «Православный вопрос» в Туркестанском крае.....	125

<i>Медоваров М.В.</i> Формирование общественного мнения в России в конце XIX – начале XX в. по вопросам взаимоотношений с соседними империями.....	134
<i>Сенин А.С.</i> Приамурское генерал-губернаторство в начале XX в. Деятельность генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера	149
<i>Кузнецова С.В.</i> Отношение В.И. Ленина и других большевиков к Австро-Венгрии накануне и в первые месяцы Первой мировой войны (1912–1914 гг.)	163
<i>Стогов Д.И.</i> Правомонархические салоны и Государственная дума Российской империи: некоторые аспекты взаимоотношений...171	
<i>Суздальцев И.А.</i> Падение Российской империи: Февральская революция в оценках современных англоязычных историков.....	182
<i>Михин О.В.</i> Травелогии об африканских странах в пропаганде строительства польской морской империи. 1920–1930-е гг.	190
<i>Беневаденская Е.Н.</i> Проект советской идентичности и практики комсомольской организации Алтая (1945–1955 гг.)....	201
<i>Филимонов И.Н.</i> Экономическая «империя»: Саймон Кузнец об аккумуляции экономических ресурсов.....	208
<i>Мозговая О.С.</i> Проблема Западного Берлина в контексте советской внешнеполитической доктрины (1958 г.).....	216
<i>Гузельбаева И.А.</i> «Четвертая власть» в Республике Татарстан в преддверии распада СССР.....	223
<i>Максимова И.В.</i> К вопросу об особенностях использования интернет-ресурсов в изучении и популяризации дореволюционного прошлого российских городов.....	234

От редколлегии

Сборник, представленный вниманию читателей, содержит материалы Всероссийской научной конференции «Будущее нашего прошлого-8: империи в историческом дискурсе», которая состоялась в Российском государственном гуманитарном университете 17 февраля 2023 г. По традиции организатором научного форума стала кафедра истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института РГГУ.

В конференции приняли участие 69 исследователей, 23 из которых представляли РГГУ. Наряду с ними с докладами выступили ученые из 15 городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Томска, Красноярска, Волгограда, Нижнего Новгорода, Великого Новгорода, Ярославля, Воронежа, Саратова, Барнаула и Луганска.

Программа конференции оказалась насыщенной. Она включала в себя работу пленарного и шести секционных заседаний.

В ходе пленарного заседания прозвучали доклады, посвященные осмыслению империи в современном историографическом дискурсе, рассмотрению Российской империи второй половины XIX – начала XX в. как особой формы политики, а также проблеме поиска идеологической составляющей государственности Российской Федерации.

Работа секции «Рождение империй: Античность и Средневековье» включала в себя выступления, посвященные обширной и разнообразной проблематике изучения истории Римской, Каролингской, Священной Римской и Тюдорской империй.

На секции «Расцвет империй: Европа и Америка Нового и Новейшего времени» были представлены доклады, посвященные изучению классических империй периода Модерн, в первую очередь – Британской

и Германской империй, а также проблем империализма в международной политике XX в.

Доклады, прозвучавшие на секции «Рождение и становление российской империи» затрагивали как сюжеты, связанные с возникновением Российской империи при Петре I, так и широкий круг вопросов и проблем социальной истории России XIX столетия.

Участники секции «Российская империя начала XX в.» выступили с докладами, посвященными проблемам внешней политики, имперского управления в условиях революционного кризиса, окраинной политике Российской империи, а также истории политической мысли и общественных движений в России до 1917 г.

На секции «Имперский дискурс в советской и постсоветской России» прозвучали доклады, посвященные различным сюжетам, связанным с конструированием советской идентичности, поисками идеологических оснований государственного строительства в СССР и Российской Федерации, а также трансформации образа Российской империи в современном медиа пространстве.

По традиции представительным оказался состав секции молодых ученых. В ее работе приняли участие магистранты ведущих российских вузов: РГГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, Казанского (Приволжского) федерального университета и Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

С.С. Новосельский
*ответственный секретарь
редакционной коллегии*

Взаимодействие власти и общества в поздней Римской империи

*И.Е. Ермолова*¹

Жизнеспособность Римской империи в значительной степени основывалась на сочетании централизованной монархической власти и полисной организации общества. В разные периоды существования империи их соотношение было различным. Если на ранних этапах развития империи города и общины сохраняли в большой мере самостоятельность во внутренних делах, то с течением времени положение изменялось, самоуправление на местах все более уходило в прошлое. Эта тенденция усиления государственного контроля над городами едва ли не старше самой империи, но особенно заметной она становится в эпоху поздней античности. Ранее в историографии преобладало мнение, что центральная власть в данный период чуть ли не целенаправленно разрушала полисные структуры, подчиняя города государственным чиновникам, убивая саму идею самоуправления². Современные исследователи, не отрицая заметного ухудшения состояния городов в указанное время, приходят к иным выводам, считая, что империя из объединения полисов, осуществлявших на своих территориях значительную часть управленческих функций, постепенно превращалась в гораздо более сложное территориальное объединение, в котором весьма большой процент составляли владения, не находящиеся под контролем органов полисного самоуправления, что требовало усиления прямого административного управления, то есть строй

© Ермолова И.Е., 2023

¹ *Ермолова Ирина Евгеньевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

² См.: *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 461.*

позднеантичной монархии – это прямое порождение упадка античного полиса. Государство по мере усиления этого процесса брало на себя те функции, которые полис не мог уже выполнять. Полис оказался поставленным под более жесткий государственный контроль, но, в том числе, и ради сохранения его самого¹.

Важно проследить, как конкретно относилась императорская власть к городам в период становления домината, во время правления прежде всего Диоклетиана (284–305) и Константина I (306–337), политика которых в обобщающих трудах рассматривается как единое целое.

Рассмотрение этой проблемы затрудняется недостатком источников. По существу, приходится опираться в основном на те данные, которые сохранились в более поздних законодательных памятниках, кодексах Феодосия и Юстиниана. И, хотя законодательство может дать более «сгущенную картину»² состояния городов, тем не менее анализ юридических документов помогает выявить тенденции его развития.

Наиболее важную и самостоятельную роль в городских делах в Римской империи играло сословие декурионов или куриалов, членов городского совета, поэтому большинство императорских конституций, касающихся городов, посвящено регламентации положения и состава этого привилегированного слоя.

Издавна избрание в курию считалось весьма почетным, претендовать на него могли только богатые граждане-землевладельцы, принимавшие на себя *honores et munera* в пользу города. Со времени правления Октавиана Августа декурионы несли ответственность за свои общины перед центральной властью, в частности, за своевременный и полный сбор

¹ См.: Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С.41; 6; Уильямс Ст. Диоклетиан: Реставратор Римской империи. СПб., М., 2014. С. 148.

² Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). М., 1980. С. 132.

налогов с городской округи. Постепенно почетные должности становились для куриалов все более обременительными, повинности – все более многочисленными, привилегии – все менее ощутимыми. Коренное ухудшение положения куриалов в историографии обычно связывают с прикреплением их к своему сословию и, соответственно, своим обязанностям Диоклетианом и затем Константином. Даже после дарования эдиктом Каракаллы римского гражданства почти всему свободному населению государства юридическим основанием того или иного статуса жителя империи оставалось гражданство местное. Принадлежность к курии определялась происхождением – *origo*, местом жительства – *incolatus* и владельческим положением – *possidendi condicio* (СTh. XII.1.5)¹. Законодательство первых императоров поздней античности, действительно, особое внимание уделяет фиксации *origo* куриалов. Одно из сохранившихся постановлений Диоклетиана подчеркивает: «Очевидно, что никто не может по собственному желанию избавиться от своего происхождения» (СJ.Х.39.4)². Но эта норма действовала и гораздо раньше. Выдержка из сочинения Ульпиана гласит: «Наместник провинции должен заботиться о том, чтобы декурионы, которые, как оказалось, покинув место жительства в гражданской общине, к которой они относились, переехали в другие места, были возвращены ими на отеческую землю и исполняли там соответствующие повинности» (Dig.L.2.1)³. Данное требование, видимо, нельзя считать новшеством и для III в. М. Аврелий и Л. Вер разъясняли, что лица, сделанные магистратами по принуждению, несут не меньшую

¹ См.: Codex Theodosianus // Theodosiani libri XVI / Ed. by Th. Mommsen et P.M. Meyer. Vol. 1–2. Berlin, 1905.

² См.: Codex Justinianus // Corpus juris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. 2. В., 1906: *Origine propria neminem posse voluntate sua eximimantum est (перевод автора)*.

³ См.: Digesta Iustiniani. Vol. Septimum. Pars secunda. Libri XLVIII–L. М., 2005: *Decuriones, quos sedibus civitatis, ad quam pertinent, relictis in alia loca transmigrasse probabitur, praeses provinciae in patriam solum revocare et muneribus congruentibus fungi curet* / Пер. Л.Л. Кофанова по изд.: Дигесты Юстиниана. Т. VII. П/т. 2. Книги XLVIII–L. М., 2005.

ответственность, чем те, кто согласился на это добровольно (Dig.L.1.38.6). Следовательно, по крайней мере, к концу II в. уже ощущался недостаток желающих нести декурионат, и императоры стремятся пополнить их ряды принудительно¹.

Стремление сохранить курии, не в последнюю очередь, в качестве коллективных ответственных в системе налогообложения побуждало центральную власть расширять круг лиц, которых можно было привлечь к выполнению муниципальных повинностей, не только в конце III–IV в. Уже во II в. при недостатке кандидатов в городские магистраты разрешалось назначать таковыми тех, кто в силу каких-либо причин имел освобождение (Dig.L.4.11.2). Позднее эта проблема становится более актуальной в связи с растущими государственными расходами и обеднением большинства населения Римской империи в период кризиса III в. Гражданские обязанности делились в Риме на подати, связанные с владением наследственными имениями (*tunera patrimoniorum*), и личные повинности (*tunera personalia*), весьма разнообразные и многочисленные (Dig. L.4.1.1–18). Законодательных оснований для освобождения от *tunera patrimoniorum* не было (Dig. L.4.6.4; CJ.X.42.10), и давалось оно крайне редко². При Диоклетиане было подтверждено, что декурионат является пожизненным (CJ. X.32.3). Избавление от него возможно только в случае передачи состояния, например, сыну (CJ. X.52.4). Получить разрешение не выполнять *tunera personalia* издавна можно было по причинам различного характера. Обычно оказывали снисхождение слишком юным и старым, куриалам со слабым здоровьем, многодетным, попавшим в сложное семейное положение, лишившимся состояния, жрецам местных

¹ См.: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 91; *MacMullen R.* Roman Government's Response to Crisis, A.D. 235–337. New Haven, L., 1976. P. 166.

² См.: *Kubler B.* Munus // Pauly A.F. Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1933. H/b 31. Sp. 647.

культов и тем профессионалам (врачам, грамматикам, риторам), в деятельности которых был заинтересован город.

В этой области Диоклетиан и Константин проводили единую политику, сужая сферу применения привилегий. Если при Диоклетиане был оставлен без изменения обычный¹ возраст для вступления в курию сыновей декурионов – 25 лет (СЖ. X.50.1), правда, с оговоркой: «*si civium non est inopia*»², то отдохнуть от *munera personalia* можно было только после 70 лет (СЖ. X.32.10), а не 50 лет, как раньше (СЖ. X.32.13). При Константине приступать к ним приходилось уже в 18 лет (СTh. XII.1.7). Теперь далеко не все болезни считались основанием для облегчения обязанностей (СЖ. X.51.2;3;32.13), а болезнь отца – тем более (СЖ. X.51.4); братья, имеющие общее имущество, несут повинности каждый в отдельности (СЖ. X.32.7); чтобы получить освобождение в связи с уменьшившимся цензом, нужно было это оскудение еще доказать (СTh. XII.17.1.1). Меры эти, видимо, не приносили желаемых результатов, людей в городских советах не хватало, судя по многочисленным уверениям Диоклетиана, что наместники провинций не допустят многократного исполнения повинностей одними и теми же лицами и переобременения их гражданскими обязанностями (СЖ. X.41.3.1;43.3;4;65.3). Требовалось найти новые источники пополнения курии. Рескриптами Диоклетиана, вопреки традиции (СЖ. IV.26.1;X.62.1), разрешается привлекать *ad munera seu honores* сыновей, еще остававшихся под властью отца, без согласия последнего (СЖ. IV.13.3;X.32.5;62.4.1), а если их избирали магистратами, то приказано их эманципировать, «так как кажется весьма несправедливым для таких повинностей назначать двоих из одной и той же семьи и дома»³;

¹ См.: *Chastagnol A. L'evolution politique, sociale et economique du monde romain de Diocletien a Julien. P., 1982. P. 283.*

² СЖ. X.50.2: «если нет недостатка в гражданах» (*перевод автора*).

³ СЖ. X.62.3: «...cum ex eadem familia ac domo duos ad ista obsequia destinari periniquum videatur» (*перевод автора*).

попутно рекомендовалось в список декурионов, в первую очередь, вносить тех, кто имеет сыновей, а не бездетных (CJ. X.32.9). Конституции конца III – начала IV вв. разрешают членство в курии неграмотным (CJ. X.32.6), вольноотпущенникам (CJ. X.58.1), плебейам, обладающим достаточным имуществом (CTh. XII.1.13). Особо разъясняется, что лица, уронившие свое достоинство (*infames*), хотя и теряют право занимать почетные должности, но из сословия декурионов не исключаются и в полной мере должны выполнять гражданские и муниципальные повинности (CJ. X.32.12;59.1; IX.22.21). Одновременно всемерно ограничиваются возможности выхода из курии путем изменения сферы профессиональной деятельности, ибо таковой считается и звание декуриона. В ответ на стремление одного из них стать философом Диоклетиан заявляет: «*Professio et desiderium tuum inter se discrepant*»¹, видимо, верно усматривая в этом попытку уйти от *munera patrimoniorum*. Практически недоступной стала для куриалов и их сыновей военная карьера (CJ.XII.33.2; X.32.17), гражданско-административное поприще (CJ.X.32.15;16), переход в сенаторское сословие (CTh.XII.1.14;18).

Константин, главным образом, продолжал политику Диоклетиана по отношению к городам и городской верхушке. Но в его действиях появились и отличия, противоречившие избранному курсу.

Традиционные привилегии ветеранам, ставшим куриалами (Dig.L.5.7), предоставлялись Диоклетианом в зависимости от срока службы и рода войск (CJ.X.55.2–3). Константин данное правило подтверждает (CTh.VII.20.4). Этим императором, также как впоследствии Валентом и Валентинианом, ветеранам посвящено очень много законов², они освобождаются от всех *honores et munera*, кроме партимониальных,

¹ CJ. X.42.6: «Профессия и твое желание противоречат друг другу» (*перевод автора*).

² См.: Лебедева Г.Е. Ранневизантийское законодательство о ветеранах // Византийские очерки. М., 1977. С. 150.

при условии обязательной военной службы их детей (CTh.XII.1.15;VII.22.5;22), получают еще множество льгот, в частности торговых (CJ. XII.46.1.1–6), а также юридическую защиту от возможных посягательств на их права (CJ. XII.46.2). Характерна такая фраза в конституции 320 г.: «quiete post labores suos perenniter perfruantur»¹.

Вероятно, военные потребности во время правления Константина настолько возросли, что император вынужден был делать военную службу как можно более привлекательной, хотя бы ослабляя курии. Также при Константине в гораздо больших масштабах, чем при Диоклетиане, практикуется освобождение от муниципальных повинностей представителей бюрократического аппарата. Если в период правления Диоклетиана льготы получали (во всяком случае, по данным сохранившихся конституций) должностные лица только высокого ранга (CJ. X.48.2), то его преемник поощрял и чиновников канцелярий, различных дворцовых служащих, их сыновей и внуков (CJ. XII.28.1;2). Констанций II еще расширил их круг, включив в число привилегированных многих из тех, кто так или иначе обслуживал императорский двор и дворец (CJ. X.48.7;71.1). Систематическое предоставление Константином и затем Констанцием привилегий дворцовой бюрократии в ущерб сословию куриалов отвечало сильному стремлению к централизации власти вокруг императора². Таким образом, политика, если не расширения, то сохранения курий в городах, проводившаяся Константином, далеко не всегда была последовательной, отступая перед потребностями централизации.

Гораздо больший урон был нанесен куриям при Константине и Констанции массовыми конфискациями общественных земель³,

¹ CJ.XII.46.1.5: «Пусть они постоянно наслаждаются отдыхом после своих трудов» (перевод автора).

² См.: Vogler Ch. Constance II et l'administration imperiale. Strasburg, 1979. P. 169.

³ См.: Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971. С.174; Он же.

являвшихся основным источником дохода для городов (*Lib. Or. XXXI.16; L.5*)¹. Городские земли, конечно, переходили в частные руки и во II, и в III в. (*Dig. L.10.51;8.11.2; XXXI.78*), но не в таких масштабах и не по инициативе государства. Даже если треть податей с общественных земель, перешедших в государственный фонд, а не к частным лицам, по-прежнему шла на удовлетворение нужд города², то тем не менее материальное положение курий этими изъятиями было сильно подорвано.

Очень серьезные последствия имело для городов изменение Константином религиозной политики. После придания христианству статуса государственной религии клирики были освобождены от декурионата и всех других общественных обязанностей (*СTh. XVI.2.2; Eus. H.E.X.7.1*)³. Дарование иммунитета христианским священнослужителям повлекло за собой столь массовое бегство из курий и потерю налогоплательщиков, что вскоре император существенно ограничил декурионам доступ в это формирующееся сословие. Законом 320 г. только тот, кто был слишком беден для выполнения муниципальных повинностей, мог претендовать на место священнослужителя, и лишь освободившееся в связи со смертью предшественника (*СTh. XVI.2.3*). Поскольку преимущества клириков были велики, а при Констанции II еще расширены (*СTh. XVI.2.9; CJ. I.3.1–3*), многие, вероятно, стремились получить сан в обход законов и избавиться от муниципальных повинностей. Поэтому Констанций обязал имущество тех, кто сделал это тайно, передавать сыновьям для несения *munera*, или, если таковых

Ранневизантийские портреты... С. 268; *Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв. СПб., 2018. С. 176.

¹ См.: *Libanii Orationes // Libanii Opera.* / Ed. R. Foerster. Leipzig, 1903–1906. Vol. 1–3.

² См.: *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в ранней Византии (IV–VI вв.) // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство. Л., 1986. С. 116.

³ См.: *Eusebii Pamphili. Historiae Ecclesiasticae libri X* / Ed. F. Heinichen. Lipsiae, 1868; *Eusebius. Vita Constantini // Eusebius. Werke* / Hrsg. von F. Winkelmann. Bd. 1. Berlin, 1991.

не было, две трети его – ближайшему родственнику, либо непосредственно курии (СTh. XII.1.49.1), поскольку последние все более оскудевали.

Разорение курий при Константине было многократно ускорено изъятием у городов богатств, принадлежавших языческим храмам (*Lib. Or.* XX.6;37;LXII.8; *Sozom.* II,5)¹, органической и весьма значительной части общественной собственности. Констанций усиливает этот процесс тем, что под страхом смерти запрещает жертвоприношения языческим богам, а сами храмы закрывает (СJ. I.11.1)². Многие из храмовых имуществ и конфискованных земель не остается в государственном фонде, а переходит в частные руки (*Lib. Or.* VII. 10;XVII.7;38) и особенно – в собственность христианской церкви³, то есть выводится из распоряжения курий. К тому же Константин вменяет в обязанность ослабленным городам содержать на свои средства клиры всех христианских церквей (*Sozom.* V.5.186; *Theodr.* H.E. IV.4)⁴. При содействии императорской власти в собственность христианской церкви переходило не только общинное достояние: частным лицам законодательно было разрешено делать завещания в ее пользу (СJ. I.2.1), что вместе с распродажами земельных владений куриалов, задолжавших фиску (СTh.XI.7.4), существенно ухудшало экономическое положение курий.

Таким образом, не прикрепление куриалов к месту рождения и своему сословию сыграло ведущую роль в упадке полисной организации, тем более, что в этих нормах не было ничего необычного и для предшествующего периода. На фоне постоянно растущего в течение

¹ См.: *Sozomenus Hermias*. Kirchengeschichte / Hrsg. von J. Bidez. Berlin, 1960.

² В историографии господствует мнение, что сообщения церковных авторов о том, что такие законы издал еще Константин (*Eus.* V.C.II.45; *Sozom.* V.5), либо не соответствуют действительности, либо не выполнялись. См.: *Holsapple L.* Constantine the Great. N.Y., 1942. P. 362.

³ См.: *Eus.* V.C.I.42; *Libri pontificales* // Monumenta Germaniae Historica. Gestorum pontificum Romanorum. Vol.I, p.1. Berlin, 1898. P. 48–71.

⁴ См.: *Theodoretus Cyrrhensis* episcopus. Historia ecclesiastica // Migne J-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 82. Paris, 1859.

IV в. налогового гнета, осложнения внешнеполитического положения Римской империи, в результате новых, неизвестных для правления Диоклетиана, мер в социальной и особенно экономической области, предпринятых императором Константином и продолженных Констанцием II (предоставление освобождения от муниципальных повинностей чиновникам и клирикам, конфискации городских земель и храмовых имуществ, изъятие частных имений куриалов за долги фиску и разрешение завещать их христианской церкви), находившиеся ранее в более или менее благополучном состоянии городские курии (*Lib. Or. XLIX. 2*) были чрезвычайно ослаблены, а оставшиеся их члены пытались любыми способами, в том числе и бегством, спастись от непосильного бремени *honores et munera*. Если после строжайшего розыска беглецов не находили, все, что они имели, надлежало передать назначенным вместо них городским должностным лицам (CTh. XII.1.16).

Священная история и календарь:
проблемы становления христианской хронологии

*Д.Н. Старостин*¹

Исследования проблем становления христианской хронологии, проводившиеся европейскими учеными начиная с трактата Иозефа Юстуса Скалигера (1540–1606) *De novo emendatione temporum* (1583) и со времени реформы календаря Григория XIII (1502–1585) в 1582 г., можно в целом разделить на три группы начиная с XX в. С одной стороны, в силу прорывов в области начиная с открытий Иоганна Кеплера (1571–1630), Исаака Ньютона (1642–1726/7) и др. исследователей ученые начали оказывать больше внимания взаимосвязи между историческими событиями и астрономическими событиями, выстроив каноническую систему солнечных и лунных затмений с учетом достижений палеоастрономии. Одновременно, в трудах комментаторов позднеантичной и раннесредневековой историографии стали появляться консервативные оценки астрономических знаний историков: в частности, главным тезисом исследователей было утверждение о традиционности их знаний и их полном соответствии тем представлениям, которые можно найти у Эратосфена, Гиппарха, Птолемея, Плиния Старшего, Макробия и других авторов². В этом контексте авторы исследований позднеантичных исторических сочинений стали развивать тему преемственности,

© Старостин Д.Н., 2023

¹ *Старостин Дмитрий Николаевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

² См.: *Szidat J.* Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus Buch XX–XXI. Teil I. Die Erhebung Julians. Wiesbaden, 1977. (Historia Einzelschriften; 31); *Neugebauer O.* History of Ancient Mathematical Astronomy: In 3 vols. New York, 1975.

подчеркивая сглаженность развития в рамках ветхозаветной хронологии от сотворения мира новой хронологии от рождества Христова¹. В конце XX в. появилось третье направление исследования, в рамках которого Р. Ландес обратил внимание на то, что эсхатологические ожидания существенно повлияли на временные рамки христианских хронологических систем, потому что историки постепенно сдвинули рождество Христа с 5508 или 5492 г. (Панодор, Кирилл Александрийский) от сотворения мира на 5199 г. (Григорий Турский и Беда Достопочтенный)². Как будет показано в этой статье, последнюю точку зрения можно не только учитывать как важнейшую, но и развивать дальше: проблемы развития христианского календаря сильно проявились в IV–V вв., потому что система Земля-Луна действительно имеет в качестве одного из очевидно наблюдаемых для людей цикл около 500 лет. В настоящей работе будет показано, что V в. был действительно ключевой

¹ См.: *Wacholder B.Z. Biblical Chronology in the Hellenistic World Chronicles // The Harvard Theological Review. 1968. Vol. 61, no. 3. P. 451–452; Wacholder B.Z., Weisberg D.B. Visibility of the New Moon in Cuneiform and Rabbinic Sources // Hebrew Union College Annual. Vol. 42. P. 227–242; Bickerman E.J., Schmidt J.D. Calendar III: Ancient Near Eastern Calendar Systems // Encyclopedia Britannica. 15th ed. 1974; Bickerman E. Chronology of the Ancient World. 2nd ed. Ithaca, 1980; Bickerman E.J. Calendars and Chronology // The Cambridge History of Judaism. Vol. 1. Introduction; The Persian Period. Cambridge, 1984. P. 60–69; Declercq G. Anno Domini: The origins of the Christian era. Turnhout, 2000; Кузенков П.В. Христианские хронологические системы: История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014; Mosshammer A. The Christian Era of Julius Africanus: With an Excursus on Olympiad Chronology // Julius Africanus und die christliche Weltchronistik / hrsg. von M. Wallraff. Berlin, 2006. S. 83–112; Mosshammer A.A. The Easter computus and the origins of the Christian era. Oxford, 2008. (Oxford early Christian studies); Mosshammer A. The Computus of 455 and the Laterculus of Augustalis, with an appendix on the fractional method of Agriustia // The Easter Controversy of Late Antiquity and the Early Middle Ages. Its Manuscripts, Texts, and Tables. Proceedings of the 2nd International Conference on the Science of Computus, Galway, 18–20 July, 2008 / ed. by I. Warntjes, D. ó Cróinín. Turnhout: Brepols, 2011. P. 21–47.*

² См.: *Landes R. Lest the Millennium Be Fulfilled: Apocalyptic Expectations and the Pattern of Western Chronography, 100–800 C. E. // The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages / ed. by W. Verbeke. Louvain, 1988. P. 141–211; Landes R. “Millenarismus absconditus”: L’historiographie augustiniennne et le millénarisme du haut Moyen Age jusqu’à l’an Mil // Le Moyen Age. 1992. T. 98. № 3/4. P. 355–377; Landes R. Sur la traces du Millenium: la “via negative” // Le Moyen Age. 1993. T. 99. № 1. P. 5–26.*

проблемной эпохой для ветхозаветного и христианского солнечно-лунного календарей.

В рамках этого периода параметры опережения лунной фазы особо заметны в 251 г. и около 476/483 г., и они поддаются наблюдению. В 251 г. сдвиг календаря стал особо виден по следующей причине. 251 г. был 4 годом пасхального цикла с эпактом XIV в день весеннего равноденствия. То есть полнолуние наступало в день или ночь дня весеннего равноденствия, что делало этот год критически важным, потому что именно тогда можно было определить, соответствует ли движение Луны расчетам или нет. Главным вопросом было, можно ли назначать Пасху в ближайшее воскресенье, или нет. 4-му году соответствовали в целом очень ранние Пасхи, начиная с 23 марта. То есть он соответствовал 4 г. н. э. Но если посмотреть, насколько положение Луны соответствовало ее положению в 1 г. до н. э., то можно заметить интересную тенденцию. В 1 г. до н. э. полнолуние пришлось на 23:16 8 марта. Если мы используем современные данные о циклах обращения Земли и Луны, то получается, что в терминах звездного года в 4 г. н. э. Луна пришла позже относительно 1 г. до н. э. на 14 дней, что полностью соответствует расчетным ожиданиям. То есть полнолуние наступило практически в день весеннего равноденствия. В целом эта особенность 4 года лунного цикла вела к очень ранним пасхам в конце марта. В 232 г. н. э. (если использовать звездный календарь) она пришла позже 1 г. н. э. на 15 дней и около 12 часов (23 марта в 23:08). То есть, говоря теоретически, вместо полудня, полнолуние было практически в полночь через 15 дней, и это еще можно было легко согласовать с длительностью лунного месяца. Однако в 251 г. Луна пришла на 16 дней и ок. 12 часов позже, чем в 1 г. н. э. (24 марта в 23:43), и эту разницу уже было сложно согласовать. Относительно 23 марта 232 г. н. э. Луна задерживалась на сутки. То есть несмотря на то, что и 232 и 251 гг. были 4-м годом 19-летнего цикла, христианам нужно было отнимать эпакт

из-за неточности лунного календаря. Можно отметить, что имела место 275-летняя ошибка Юлианского календаря, потому что, например, в 24 г. до н. э. полнолуние было в 20:59 23 марта, то есть в 251 г., через 275 лет, Луна пришла позже на один день относительно солнечного календаря. Это происходило потому, что египетский и Юлианский календари не учитывали, что астрономический солнечный год был короче на 5 минут общеизвестной цифры в 365 дней и 6 часов. То есть если 24 марта 251 г. считать 23-м марта, то никакой «прецессии» не было бы. Поэтому несмотря на то, что 24 марта было понедельником, христиане той эпохи все-таки отпраздновали пасху 23 марта, хотя полнолуние наступило позже. Более того, в 251 г. было два солнечных затмения, видимых в Риме, 9 января и 6 июля. В дополнение к этому, было неполное лунное затмение 20 июля. Это довольно много для одного года. Поэтому комбинация этих факторов, возможно, обратила на себя внимание историков и привела к описанию истории Римской империи, как будто это была еще ветхозаветная история избранного народа, осажденного в провинциях хаотическими отрядами варваров (Aurelius Victor, *De Caesaribus* par. 29.4–5)¹. Таким образом, введение христианского календаря в пользование после 222 г. н. э. привело к 251 г. к весьма сложной проблеме его видимого сдвига и очевидной «неточности» («вариации» в терминах астрономов XVIII–XX вв.).

Далее циклы наслаиваются друг на друга и предсказывать сдвиг календаря из-за его неточности и прецессию Луны становится крайне сложно. Но у древних астрономов было понимание того, что цикл в 1000 лет существует, потому что после этого периода и планеты и Луна занимали (в 1000 и 1007 гг. соответственно) то же самое положение на небосклоне, которое они занимали в начале отсчета, в 1 г. до н. э. Соответственно, для историков особенно может быть интересно то, что

¹ См.: *Wolfram H. Die Goten. München, 1990. S. 128 ; Heather P. Empires and Barbarians: The Fall of Rome and the Birth of Europe. New York, 2010. P. 109–120.*

такими временами совпадения движения различных астрономических тел был период в конце V в., что имеет определенную корреляцию со свидетельствами источников о распаде Западной римской империи.

Исследователи недавно подчеркнули, что у античных авторов описание захвата Рима очень сильно разнится¹. Очень показательное описание вторжения варваров и захвата ими Рима у Идация в сравнении с Орозием. Во-первых, у Идация описывается солнечное затмение 402 г., что одновременно соответствует году, когда Руфин Аквилейский закончил свое продолжение «Церковной истории». В этом смысле можно считать Идация историком, уже включенным в сообщество людей, знакомых со сложной небесной механикой христианского календаря. Но отметим ряд странностей в его изложении. По 406 г. году у Идация нет никакой информации, возможно потому, что он находился в дальней провинции и эта информация, по-видимому, до него не дошла. Но у испанца Орозия есть зато дата 408 г. («за два года до входа Алариха в Рим») как время вторжения свевов, аланов и вандалов, но не в Италию, а в Галлию, причем по совету Стилихона (Orosius. 7.40.3). Отметим, что поскольку для Орозия 6000 лет от сотворения мира закончилось в 382 г., с заключением федератского договора с варварами, победившими Римскую армию, то вторжение варваров совпадало со временем власти Антихриста, которым испанский автор видел Стилихона. Идаций же датировал появление свевов, аланов и вандалов в Испании 409 г. Он датировал вход Алариха в Рим 409 г., одновременно описывая, что многие римляне, собравшиеся под защиту стен, были перебиты. У него Аларих, а не Стилихон, был сродни Антихристу.

¹ См.: *Mathisen R. Roma a Gothis Alarico duce capta est // The Sack of Rome in 410 AD: The Event, Its Context and its Impact. Proceedings of the Conference held at the German Archaeological Institute at Rome, 4–6 November 2010 / Ed. by J. Lipps, C. Machado, P. von Rummel. Wiesbaden, 2013. P. 88–89.*

На 410 г. у Идация падала чума и голод, а на 411 г. раздел земель в Испании. Из эпитомы, которой затем стал его текст, непонятно, получили ли Вандалы Бетику или Галисию. Проспер и Кассиодор отмечают, что вандалы и аланы вошли в Галлию через Рейн в 406 г., а не в 408 г., как об этом писал Орозий. На 410 г. Проспер и Кассиодор ставят захват Аларихом Рима, но отмечают его милосердие. На 414 г., по версии эпитомы, приходилось появление Атаульфа и Галлы Плацидии в качестве его супруги в Нарбонне, что выполняло пророчество книги пророка Даниила, что дочь правителя юга будет отдана в жены правителю севера (что автоматически предполагало конец царства Антихриста). В 412 г. готы Атаульфа вторглись в Нарбоннскую Галлию, а в 413 г. бургунды из-за Рейна захватили часть Галлии. Только Гальская хроника сообщала, что в 405 г. в Италию, в дополнение к Алариху (540), вторгся еще и Радагайс с 20000 воинов, который был разбит Стилихоном (OL 296, 50, 52). Автор Гальской хроники обратил внимание на то, что в 452 г. было солнечное затмение (544), что своеобразно определило время испытаний для Римской империи, с 402 по 452 г.

Рассмотрим различия в описании позднеантичными авторами взятия Рима¹. Идаций писал, однако, что в 410 г. н. э. Аларих вошел в Рим (*Romat ingressus*). Орозий, тоже будучи из Испании, считал, что вторжение свевов, аланов и вандалов пришлось на 408 г. н. э. «за два года до входа Алариха в Рим». Но он утверждал, что варвары вторглись в Галлию, а не в Рим, и что причиной был совет Стилихона (Orosius. 7.40.3). Орозий писал о том, что взятие Рима готами были частью долгой истории: 1. взятие Рима галлами в 390 г., 2. пожар 53 г. до н. э., 3. большой пожар Нерона в 64 г. н. э., 4. в 410 г. н. э. пожар, как подчеркивал Орозий, начался из-за молнии, а не из-за готов или Алариха (7.39.15-17). Позже Иордан писал, что Аларих

¹ См.: *Mathisen R.* Op. cit. P. 88–89.

разрешил готам взять добычу, но он особо оговорил, что город не должен сгореть (Iord. Getica. 156). Отметим, что для Орозия 6000 г. от сотворения мира, то есть время краткого прихода Антихриста и установления после этого 1000-летнего царства приходилось на 382 г. н. э., а роль Антихриста мог вполне играть Аларих из-за проигрыша римской армии Валента (364–378) готам. Для Орозия Аларих вовсе не был милосердным, потому что он воплощал мир, в котором добро и зло поменялись местами (Orosius 7.38: «*turbat inrumpit. Adest Alaricus, trepidam Romam obsidet*»). В своем письме Иероним писал, что город погиб от меча, и мало было можно найти тех, кто выжил (Hier. Epistolae no. 127, 12: “Rumor afertur, obsideri Romam <...> capitur urbs <...> imo fame perit antequam gladio, et vix pauci qui caperentur, inventi sunt”). Идаций, с другой стороны, датировал взятие Рима Аларихом 409 г. н. э. К 455 г., когда Проспер Аквитанский заканчивал свою хронику, Аларих уже стал для него символом милосердия варваров (MGH AA 11, 154: Prosper. Chronicon. s. a. 410: «Roma a Gothis Alarico duce capta est, ubi clementer usi victoria sunt»). Галльская хроника 511 г. н. э. еще более снижала роль Алариха в разграблении Рима и списывала всю вину на Радагайса, который вошел в Италию в 405 г. с 20000 воинов, но был разгромлен «спасителем» Стилихоном (OL 296, 50, 52). Кассиодор согласился с версией о милосердии Алариха (Cassiodorus Chronicon s. a. 410: “His. cons. Roma a Gothis Halarico duce capta est, ubi clementer usi victoria sunt”). Но в VI в. Прокопий Кесарийский предлагал две версии взятия Рима, ни в одной из которых готы не были ответственны за поджог Рима. В «Войне с вандалами» 1.2 он писал, что ответственными за взятие Рима были 300 «троянских коней», то есть молодых воинов-готов (не они ли назывались *wittiscalci* в Бургундской правде?), которых Аларих оставил якобы для парада в Риме. Во второй версии Проба, женщина сенаторского статуса, открыла ворота города, чтобы прекратить страдания горожан. В версию о «милосердии Алариха» не до конца верил Григорий Турский

(Gregorius Turonensis, *Historiarum libri decem*. 2, 9: “Romam <...> captam atque subversam”). Но Исидор Севильский в VII в. уже не давал никаких комментариев (Isidore of Seville, *Hist. Goth.* 9: MGH AA 11, 273: “obsessam urbem capit”). Таким образом, история падения Рима распадается на четыре хронологических слоя: Орозия и Идация, Проспера и Кассиодора, Галльской хроники 511 г. и Прокопия Кесарийского, и Григория Турского и Исидора Севильского.

Заметим, что эти свидетельства нужно разделить по времени их появления, так как тогда картина развития истории о вторжении варваров становится лучше понятной. Для ранних историков, как то Орозия, неорганизованное вторжение народов без явно известных лидеров, явно имевшее черты библейского описания Гога и Магога, не затронуло Рима, а только Галлию и Испанию. А вот Рим брал Аларих, который на тот момент уже был связан федератским договором 382 г. с империей (заключенным с готами генералом Сатурнином от имени императора Феодосия I на расселение во Фракии и Мезии). Но для него Аларих не был милосердным, так как Орозий как более старший по возрасту, понимал нелегитимность Алариха вне отведенных ему провинций. Ему надо было отодвинуть дату вторжения 406 г. (года, который был похож на 2 г. до н. э.) на 408 г. (который был 407 г. от момента, когда Христос уже родился), чтобы теоретически предполагаемая власть Алариха I над варварскими отрядами была видна в контексте уже христианского времени. Вероятно, договоренности о совместных действиях отрядов работали в рамках двух лет. Идаций еще более придвинул вторжение свевов и аланов к 410 г., потому что этот год напоминал то время, когда Христа еще не было, таким образом сделав их реальными ветхозаветными Гогом и Магогом. Тем самым он создал впечатление входа готских отрядов в Рим с минимальными потерями для города и хаоса в Испании. Аларих тем самым стал подобен одному из ветхозаветных варварских правителей типа

Эсархаддона, которых авторы книги Ездры хвалили за помощь в построении стен Иерусалима. Заметим, что вина по разграблению римской территории касалась свевов, аланов и вандалов только в смысле прохода их отрядов через Галлию и Испанию, но не в отношении Рима, который на время стал пятном на биографии Алариха. Это тоже была в каком-то смысле ссылка на общую тему Книги Царей и книги Ездры о том, что сакральный центр иудеев Иерусалим уступал только сильным правителям, но не ордам варваров. А вот к 455 г., с приходом нового солнечного затмения, Просперу уже была понятна надежность готских отрядов (которые, по описаниям Сидония Аполлинария, оказались не жадными и не претендовавшими на земли галло-римских аристократов), а тем более на Рим. Поэтому он и избавил их от ответственности за ущерб Риму. Но надо было все-таки найти виновника, и ко времени написания Галльской хроники 511 г. этими виновниками пожаров в окрестностях Рима стали воины Радагайса, с которыми, как считалось, разобрался еще Стилихон.

Посмотрим на это с точки зрения сходимости астрономического календаря. Учитывая, что христианские историки и компутисты (специалисты по вычислению даты Пасхи) уже умели хорошо учитывать разницу в днях, посмотрим, сколько времени в часах у них оставалось неучтенным.

1. Разница в часах между реальной фазой Луны и вычисленной на основе Юлианского календаря, если в качестве точки отсчета брался 1 г. до н. э., была наименьшей (около 1.5 часов) для 408 г. н. э., для даты, которая поддержана информацией из Орозия.

2. В окрестности 410 г. н. э. только 405, 408, 412, 413 и 417 гг. н. э. имели расхождение между реальной фазой Луны и вычисленной на основе пасхального календаря длительностью меньше 2 часов.

3. В 410 СЕ полнолуние пришло позже относительно расчетного времени на 19 часов.

4. Но поскольку 407 г. был 11 годом от конца цикла и поэтому от ожидаемой фазы Луны нужно было отнять один день, то полнолуние в 410 г. приходило не на 19 часов позже, но на 2 часа раньше того, когда оно было в 1 г. до н. э.

5. Но тогда в 412 г. н. э. нужно было прибавить (а не отнять) 22 часа к фазе Луны, то есть фактически прибавить 1 день (а если считать, что *saltus lunae* был введен, то нужно было прибавить 2 дня к расчетным данным относительно 1 г. до н. э.

6. То есть, как на это жаловался потом Беда Достопочтенный, Луна приходила то на 1 день раньше, то на 1 день позже.

7. В 410 г. (11 год лунного цикла) реальная фаза Луны отставала от расчетной (от 1 г. до н. э.) на 7 дней и 19 часов, то есть разница была ощутима больше одной четверти лунного месяца.

8. Но в 391 г. (тоже 11 г. лунного цикла) разница была меньше суток.

9. В 412 г., однако, если *saltus lunae* не вводился, реальная фаза Луны опережала расчетную на чуть меньше, чем неделю.

10. 412 г. н. э. был 13 годом лунного цикла, также как и 222 г. н. э., однако для 222 г. разница между реальной фазой Луны и ожидаемой по отношению к 1 г. до н. э. была всего 4 с половиной дня в плюс (то есть фаза достигалась раньше, чем ожидалось). Если счет шел в соответствии с таблицей Ипполита Римского (222 г.), то фактически, можно было говорить о потере одного эпакта, если учитывать разницу не в днях, а в часах.

Суммируя, можно отметить следующее. Солнечный и лунный календари сходились на 408, а не на 406 г. В 408 г. Луна приходила позже расчетной даты на полтора часа, в 410 г. на 19 часов позже (то есть фактически нужно было убрать один эпакт), а в 412 раньше на 22 часа.

Следует учесть, что на 407 г., который был 8 годом цикла, падал *saltus lunae*, то есть следовало вычесть один эпакт. Тогда в 410 г. счет срабатывал, но в 412 г. пришлось бы добавить 1 эпакт. Если же пропустить этот вычет, то тогда разница, которая набиралась в 410 г., к 412 г. компенсировалась, но Луна приходила позже на примерно 2 часа. В данном случае расчет данных для лунного цикла с помощью *saltus lunae* конфликтовал с реальным циклом Луны, отсчитывавшимся от 1 г. до н. э., и если *saltus lunae* не вводился, то к 412 г., а особенно к 417 г. календарь сходился с точностью до часа. В краткосрочной перспективе такая модель работала, хотя на более долгих сроках возникала проблема.

Таким образом, к 410 г. общая сумма неточностей в вычислении движения Луны стала слишком большой для того, чтобы ее можно было вычислить по пасхальным таблицам. Это связано с тем, что, как писал Леонард Эйлер, циклы лунного движения именно между 300 и 476/483 г. наихудшим образом поддавались вычислениям и прибавлениям с помощью простых методов¹. Таким образом, описанное историками взятие Рима пришлось на время, лунный календарь должен был, потеряв один лунный день, снова получить его обратно в 412 г. Введение *saltus lunae* в 407 г. только портило ситуацию, потому что тогда в 412 г., после уже сделанного вычета, оказывалось, что таким образом уточненный счет лунных дней начинал опаздывать на 1 день. «Разорение» Рима (*depraedatio*) приходилось на годы значительных проблем с вычислением даты Пасхи теми простыми методами, которые часто использовались астрономами и компутистами того времени: 19-летний и 95-летний циклы стали

¹ См.: Euler L. Theoria motuum lunae, novo metodo pertractata una cum tabulis astronomicis, unde ad quodvis tempus loca lunae expedite computari possunt incredibile studio atque indefesso labore trium academicorum: Johannis Alberti Euler, Wolffgangi Ludovici Krafft, Johannis Andreae Lexell. Opus dirigente Leonardo Eulero acad. scient. Borussicae direttore vicennali et socio acad. Petrop. Parisin. et Lond. [E418]. Petropoli, 1772. P. 400.

рассогласованы с долгим циклом в 350–480 лет. Может быть, взятие Рима в глазах историков и приходилось на один «потерянный» день, а свобода Рима от варваров должна была придти «завтра», когда в календаре был уже лишний день?

Дат, когда даже с учетом правил составления 19-летнего и 95-летнего календарей один эпакт, лунный день, терялся, было в период до 6000 г. всего 5. Таких дат с разными условиями в период до 1000 года было несколько, но с учетом реальной практики счета с помощью 19-летнего цикла всего одна из них давала четкий сдвиг на один эпакт назад. Это был 483 год, упоминаемый как особый в книге пророка Даниила. В настоящей статье мы не будем заниматься проблемой 451 г., хорошо исследованной на данный момент в ряде статей, потому что с точки зрения пасхального календаря, проблемы в этом году не было и не могло быть¹. По-видимому, Проспер Аквитанский просто выдумал ее, не вникнув в сложности астрономии и христианского календаря. Полнолуние в 1 г. до н. э. было 8 марта, а в 483 г. оно сместилось на 10 марта. Даже если учесть, что 483 г. был 8 годом 19-летнего лунного цикла и при этом следовало отнять 1 эпакт, второй лунный день оставался и даже с учетом *salus lunae* Луна достигала фазы полнолуния на 1 день позже, чем должна была. Например, в 259 г. день Пасхи приходился на 27 марта при эпакте 12 на день весеннего равноденствия, но в 742 г. (одной из возможных дат Рождения Карла Великого) на 1 апреля при эпакте 11 на день весеннего равноденствия. Более того, в 483 г. малое неучтенное время в 0.03 дня за лунный месяц (43 минуты) накапливалось и давало один лишний лунный месяц.

¹ См.: Грацианский М. В., Кузенков П. В. Папа Лев Великий и пасхалистические споры середины V в. в контексте межцерковных и церковно-государственных отношений // Византийский Временник. 2018. Т. 102. С. 71–75. Полнолуние в 451 г. н. э. пришлось на 2 апреля, понедельник, поэтому Пасха могла падать только на 8 апреля, но никак не на 15-е. Эпакт IV, который приводится для этого года похож на ошибку, потому что 25 марта, Речь могла быть о том, что кто-то предполагал отпраздновать Пасху 1 апреля в воскресенье, но вот это как раз было невозможно.

То есть без интеркаляции нисан пришел бы ровно на один месяц позже, на апрель. То есть с учетом необходимости учитывать високосный год, цикл в 483 года был единственным в рамках периода длительностью в 1000 лет, когда при использовании достаточно неточного солнечного календаря, дававшего ошибку в 1 день за 275 лет, лунный календарь предсказуемо опаздывал на один эпакт назад. Отметим, что если посчитать, насколько сдвигались солнечный и лунный календарь относительно 1-го года шкалы времени, то оказывается, что этот год был уникален в рамках 1000 лет: по отношению к 1 г. до н. э. эпакт сдвигался на полный лунный день назад, но с учетом дня недели полнолуние наступало не в четверг, а в понедельник. Более того, именно такой сдвиг эпакта на один день назад в 483 г. мог иметь также и эсхатологическую интерпретацию: Луна достигала полнолуния на один день позже относительно математически просчитанного дня весеннего равноденствия (который, однако, нельзя было установить точно имевшимися на время методами). Это могло интерпретироваться как задержка, торможение времени с соответствующими интерпретацией: либо это было указание на начало новой эпохи, потому что появлялся дополнительный день в лунном цикле, либо наоборот.

Для компутистов, использовавших 95-летний цикл (состоявший из пяти 19-летних циклов) 483 год представлял собой особую точку. Проблемой пасхального трактата по названию *Laterculus Augustalis*, который возник именно около 455 г. (483 г. от установления Октавианом Августом египетского календаря в 30–22 гг. до н. э.), занимались А. Моссхаммер, П.В. Кузенков и М.В. Грацианский¹. Однако ни один из авторов не учел ни особенностей астрономических расчетов, ни имеющихся в прямом доступе сведений о фазах Луны на сайтах

¹ См.: *Mosshammer A.A. Easter computus...* P. 59; *Mosshammer A.A. The Computus of 455...* P. 21–47; *Грацианский М.В., Кузенков П.В. Папа Лев Великий...* С. 71–75.

космических агенств разных стран. Непрямым доказательством значимости проблемы периода длительностью в 483 г. служит интерес автора текста из рукописи Vallicelliana E 26, в котором упоминается письмо епископа Александрии Протера папе Льву о праздновании Пасхи в 455 г. в XV календы мая с фазой Луны 14 в воскресенье¹. Если учесть 483-летний и 28-летний цикл, то подобное требование праздновать Пасху в 14 день лунного месяца понятно. Дело было в том, что если считать от последнего перед Воплощением 28-летнего цикла, 28 г. до н. э., 455 г. был именно 483. То есть эпакт, наблюдавшийся в 24 г. до н. э., к 455 н. э. сдвинулся назад на 1 день (потому что солнечный календарь давал ошибку вперед на один день). Вот поэтому он падал не на *luna* 15, а на *luna* 14! Вспомним также, что Проспер Аквитанский закончил свою хронику именно в 455 г.² С другой стороны вспомним также и то, что в Египте в 51 г. до н. э. в одном из папирусов явно прозвучало упоминание 30-летнего цикла³. А становление эры Августа в Египте как раз происходило в период с 30 г. до н. э. по 23 г. до н. э.⁴ Именно поэтому, вероятно, и потребовался обмен письмами между патриархом Александрии и папой Львом I для внесения необходимых поправок. Проблема же состояла на тот момент

¹ См.: *Chambert-Protat P.* Des computistes au travail sous Agobard: Pour une “archéologie” de la vie intellectuelle dans le Lyon carolingien // *Lyon carolingien. Autour d’Agobard (816–840). Actes du colloque des 15–17 septembre 2016* / ed. F. Bougard, A. Charansonnet, M.-C. Isäia. Turnhout, 2019. P. 6; *Krusch B.* Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie: Der 84-jährige Osterzyklus und seine Quellen. Leipzig, 1880. S. 274.

² См.: *Brooks D.* Prosper’s Chronicle: A Critical Edition and Translation of the Edition of 445: PhD thesis / Brooks Deanna. Ottawa: University of Ottawa, 2014; *Humphries M.* Chronicle and Chronology: Prosper of Aquitaine, his methods and the development of early medieval chronography // *Early Medieval Europe*. 1996. Vol. 5. P. 155–175; *Burgess R., Kulikowski M.* Mosaics of Time: The Latin Chronicle Traditions from the First Century BC to the Sixth Century AD. Turnhout, 2013; *Burgess R.* Chronicles, Consuls, and Coins: Historiography and History in the Later Roman Empire // London, 2011.

³ *Skeat T.C.* Notes on Ptolemaic Chronology: I. “The last year, which is also the first” // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1960. Vol. 1946. P. 92.

⁴ См.: *Skeat T.C.* The Augustan Era in Egypt: A Note on P.Oxy. XII. 1453 // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 241–244. Vol. 53; *Skeat T.C.* The Egyptian Calendar under Augustus // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2001. Vol. 135. P. 153–156.

в том, что наиболее часто использовавшийся производный цикл в 95 лет не был циклом в полном понимании этого слова. Дело в том, что в рамках 95-летнего цикла один день из лунного календаря отнимался для синхронизации. За пять 95-летних циклов отнималось пять дней. Но общий сдвиг за 483 года составлял 6 дней, если считать отдельно високосные и обычные годы. Поэтому в 483 году эпакт автоматически сдвигался назад, если только его проверяли визуально. Отсюда и получалось, что это был год, который поддавался вычислению, только если вычисление велось не 95-летними циклами, а напрямую на 1000 лет вперед. Отсюда и актуальность переписки Протера Александрийского и папы Льва I. Только тогда можно было увидеть набегание одного дополнительного лунного дня за тысячелетие.

Таким образом, время с 408 по 483 г. было тем периодом, когда все счета с историей должны были быть сведены. Пропуск скачка эпакта в 410 г. в любом случае компенсировался наблюдаемым положением Луны в 483 г., который требовал убрать один эпакт в дополнение ко всем остальным манипуляциям в рамках 19-летних и 95-летних циклов. Этот феномен мог быть пропущен, но поскольку он был важен для христиан при расчетах даты Пасхи, можно быть практически уверенным, что епископат внимательно прислушивался к мнению патриарха Александрийского и папы Римского. Поэтому это и было время, когда можно было ожидать нестроения, когда любые движения варваров воспринимались как знак конца истории. Но после 483 г. ситуация могла успокоиться, потому что историкам не надо было больше заботиться о соблюдении порядка в календаре и в его совпадении с движениями небесных тел. Правление Зенона (475–491 гг.) отмечалось внутренними конфликтами, но варварские вторжения у не могли привлечь внимание историков, даже если они были. Проблемы улеглись и варвары стали казаться милосердными. Но только оставался вопрос, кто же был

виновником вторжения, из-за которого сгорели укрытия и дома у стен Рима, о которых писал Орозий. Вспомним, что только Гальская хроника сообщает что в 405 г. в Италию, в дополнение к Алариху (540), вторгся еще и Радагайс с 20 000 воинов, который был разбит Стилихоном (OL 296, 50, 52). Отметим, что 405 г. был также хорошо верифицируем, потому что для него тоже был характерен синхронизм расчетных и наблюдаемых дат. Это, как мне представляется, и было ключевым моментом развития историографии варварских вторжений с учетом христианского календаря. Главными виновниками оказались не ранее действовавшие лица и народы, а варвары Радагайса, ранее в этих источниках не упоминавшиеся.

Уже ко времени Орозия (ок. 418 г. н. э.) беспорядок в христианском календаре, особенно заметный между 406 и 417 гг. н. э., начал исчезать и счет времени стал приходить в порядок. Ко времени Прокопия Кесарийского календарь восстановил свои ритмы, потому что несколько циклов движения Луны полностью закончились и начались заново. Это были: 1. Большой цикл Дионисия Малого длительностью 532 года (19 лет лунного цикла помноженные на 28 лет солнечного цикла). 2. 483-летний цикл (или 476-летний цикл Л. Эйлера), который требовал отнимать один эпакт от лунного календаря. 3. Египетский солнечный календарь, который терял 1 день за 275 лет (потому что египтяне не учитывали ок. 300 секунд, которых не хватало до года длиной ровно в 365 и одна четверть дня) и 1 день за 483 года. 4. 72-летний цикл прецессии Луны. Через 72 года Луна приходила позже на 6 часов, чем это позволял рассчитать юлианский календарь. Если последняя синхронизация была сделана в 451 г. н. э. (Халкедонский собор, то к 523 г. н. э. полнолуние наступало на 6 часов позже, то есть глубокой ночью или утром.

Таким образом, именно V в., когда после ручной интеркаляции календаря в 251 г. н. э. на 1 эпакт назад ожидалась и произошла еще одна интеркаляция на 1 эпакт назад, стал эпохой, когда историки и специалисты

по церковному календарю способствовали его распространению к началу VI в. Это был конец апокалиптических ожиданий, и возобновление традиционного хода истории.

Осмысление феномена имперского рыцарства
в современной историографии

А.С. Глухова¹

Священная Римская империя – специфическое государственное образование, представлявшее собой сложный механизм, целью которого являлся не только контроль над огромной раздробленной территорией самой империи, но и распространение собственного имперского влияния за пределами своей основной территории. Реализация этой идеи происходила, в том числе и с помощью политических средств. Средоточием политической власти Священной Римской империи был, безусловно, император², но не он один. Территориальная раздробленность, присущая данному государству, способствовала росту и усложнению бюрократического аппарата, а также сосредоточиванию власти в руках местной знати. Таким образом, одной из важнейших проблем в свете анализа специфики политической организации Священной Римской империи становится проблема вовлеченности в имперский дискурс знати государства, в частности, имперского рыцарства, имевшего особый статус. Имперская идея в Священной Римской империи не была статична и трансформировалась на всем протяжении существования государства, что отражалось, в частности, на положении его элит. Территории государства были крайне раздробленными, и каждая имела, до определенной степени, свою социальную, культурную и даже

© Глухова А.С., 2023

¹ Глухова Анастасия Сергеевна, студентка 1-го курса магистратуры, программа «Историческая империология», Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета.

² См.: Балакин В.Д. Идея империи и имперская традиция в раннем Средневековье // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 79.

политическую специфику. Императору в этих условиях было необходимо не только управлять огромной территорией, но и контролировать политические элиты, которые имели собственные представления о политическом значении их «центров». Подобная ситуация сказывалась и на положении знати империи, не имевшей прямого политического влияния. Рыцари регионов имели разное положение и разную организацию, так, положение рыцарей северной и южной Италии¹ значительно отличалось от положения рыцарей в немецкоязычных городах², имевших специфические привилегии и особое влияние. В условиях территориальной раздробленности и высоких амбиций местных правителей, императору было необходимо личное войско, на которое он мог опереться в стремлении ограничить притязания территориальной знати. Имперская армия³ не позволяла полностью решить эти вопросы, поскольку она не была постоянной, призывалась только с одобрения Рейхстага и была лояльна местным князьям. Позже Габсбурги учредили императорскую армию⁴, которая подчинялась лично императору и принимала участие в решении междоусобных конфликтов, но не локальных проблем, связанных с притязаниями местных элит.

Рыцарство, включенное в систему вассально-ленных отношений, также не могло ограничить претензии местных князей, поскольку находилось в зависимости от последних. Однако трансформация рыцарства, его стремление к обособлению от местной княжеской власти, являющееся следствием стремления княжеских элит расширить контроль над рыцарством, чтобы оттеснить центральную власть от принятия

¹ См.: *Stacey R.* Nobles and knights. Cambridge. 2009. P. 21.

² *Ibid.* P. 19.

³ См.: *Neuhaus H.* Das Reich im Kampf gegen Friedrich den Großen – Reichsarmee und Reichskriegführung im Siebenjährigen Krieg. Europa im Zeitalter Friedrichs des Großen – Wirtschaft, Gesellschaft, Kriege. München, 1989. P. 213–243.

⁴ См.: *Allmayer-Beck J.C.* Das Heer unter dem Doppeladler. Habsburgs Armeen 1718–1848. München, 1981. P. 263.

политических решений, приводила к ситуациям, в которых рыцари стремились продемонстрировать собственную самостоятельность. Например, они устраивали турниры¹, на которые князья не могли оказывать влияния². Маркграфы, имея совершенно другие цели, в частности повышение своего влияния, создали идеологию³ для трансформирующегося рыцарства. В конечном счете новая форма рыцарства, именуемая имперским, закрепились юридически и отныне они не зависели от местных князей, а их сеньором стал первый человек в государстве, а учитывая и идеологическое обоснование, главная политическая персона в христианском мире – император Священной Римской империи⁴. Имперское рыцарство, которое формировалось вплоть до XVI в., стремилось добиться официального признания. Как социально-политический институт оно отвечало имперскому запросу⁵ на создание собственной военно-политической опоры в борьбе с амбициями местной знати.

В современной историографии проблема влияния имперского рыцарства на политическую систему Священной Римской империи изучена довольно мало. Роль имперского рыцарства в политической системе Священной Римской империи не становилась еще объектом комплексного исторического исследования. В немецкой и английской историографии, данный феномен рассматривается, преимущественно, локально, с привязкой к определенной территории внутри государства (что связано со значительной территориальной раздробленностью самой Священной

¹ См.: *Moritz T.G.* The Tournaments of the Four Lands// *Medieval Warfare// Tournaments and jousting in the Middle Ages (1000–1559)*. Vol. 7. № 3. 2017. P 13–17.

² См.: *Rüxner G.* Von wann vnd vmb welcher vrsachen willen das loblich ritterspil des turniers erdacht. Augspurg, 1518. P. 27.

³ См.: *Zmora H.* The Formation of the Imperial Knighthood in Franconia: A Comparative European Perspective. Oxford. 2011. P. 283.

⁴ *Ibid.* P. 292.

⁵ См.: *Арджакова Л.В., Барышников В.Н.* Академический словарь теории и истории империй. СПб., 2012. С. 417.

Римской империи). В связи с чем возникает необходимость анализа, с одной стороны, общих тенденций в изучении феномена имперского рыцарства в историографии и, с другой стороны, его места в современном имперском дискурсе.

Прежде, чем говорить о современном осмыслении феномена, необходимо обратиться к истории осмысления имперского рыцарства.

К исследованию места и роли имперского рыцарства в системе Священной римской империи начинают обращаться уже современники этого феномена в XVIII в. Среди них Иоганн Мадер¹, Иоганн Георг Кернер², которые рассматривали преимущественно изменения в юридическом статусе имперского рыцарства в контексте экономического положения мелкого дворянства Священной Римской империи.

В XIX в. продолжается осмысление данного феномена именно в юридическом контексте. Закрепляется представление о том, что положение имперских рыцарей на разных территориях Священной Римской империи было неодинаково. В связи с этим во второй половине XIX в. Карл фон Роттек³, Карл Теодор Велькер⁴, Карл Х. Рот фон Шрекенштейн⁵ (1859) исследовали имперское рыцарство локально, исходя из его положения на определенных территориях.

В XX в. историки в основном продолжили традицию локального рассмотрения положения имперского рыцарства. Наиболее весомый вклад и исследование данной проблематики внес Фолькер Пресс, один из самых

¹ См.: *Mader J.* Reichsritterschaftliches Magazin, Frankfurt und Leipzig. В. 1–13. 1780–1790.

² См.: *Kerner J.G.* Allgemeines positives Staatsrecht der unmittelbaren freien Reichsritterschaft in Schwaben und am Rhein. Bd. 1–3, 1786–1789.

³ *Rotteck K.* Allgemeine Weltgeschichte für alle Stände, von den frühesten Zeiten bis zum J. 1840. Bd. 1–5. Stuttgart, 1846.

⁴ См.: *Klüber J.L.* Wichtige Urkunden für den Rechtszustand der deutschen Nation. Mit eigenhändigen Anmerkungen. Aus seinen Papieren mitgeteilt und erläutert von Karl Theodor Welcker, 2 Aufl., Mannheim, 1845.

⁵ *Schreckenstein R.* Geschichte der ehemaligen freien Reichsritterschaft in Schwaben, Franken und am Rheinstrome. Bd. 1–2. Tübingen, 1859–1871.

влиятельных историков раннего Нового времени. Он был одним из основоположников «нового образа Старой империи», положительно оценивавшего Священную Римскую империю германской нации до 1800 г. Его особое исследовательское внимание было сосредоточено на Верхней Германии и имперском рыцарстве. Ключевыми его работами, посвященными имперскому рыцарству стали «Имперское рыцарство» (1976)¹ и «Имперское дворянство»². Нововведением Пресса стало то, что он начал рассматривать феномен имперского рыцарства не только с экономической, но и с социальной точки зрения.

При этом, несмотря на фундаментальное исследование Volker Press (1939–1993), которое в основном было опубликовано в виде статей в различных исторических журналах, исторический феномен “Reichsritterschaft” (имперского рыцарства) до сих пор изучен мало. Так, по сей день являются предметом споров происхождение и основы свободного имперского рыцарства.

В современной историографии в основном переосмысляются уже существующие идеи. В XXI в. работы исследователей на тему имперского рыцарства можно разделить на две группы. К первой группе относятся работы, в которых феномен имперского рыцарства раскрывается с опорой на уже существующую исследовательскую традицию. Здесь акцент делается на юридическом положении имперских рыцарей в различных областях Священной Римской империи. Ко второй группе можно отнести исследования, в которых имперское рыцарство рассматривается как особый социальный институт, в том числе и политический.

¹ См.: Press V. Reichsritterschaft. // Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte// Hrsg. Erler A. Bd. 4, Berlin, 1990, P. 743–748.

² См.: Press V. Adel im Alten Reich. Gesammelte Vorträge und Aufsätze// Frühneuzeit-Forschungen. B. 4. Herausgegeben von Brendle F., Schindling A. Tübingen, 1998. P. 461.

Наиболее важными для первой группы являются, например, труды профессора Йельского университета Роберта Стейси¹. В сферу интересов ученого входит средневековая английская история XI–XIV вв.; еврейская история; политическая, конституционная и экономическая история. В 2009 г. вышла его статья «Дворяне и рыцари». В ней Роберт Стейси описывает процессы, происходящие с рыцарством в целом в XII–XIV вв., то есть от формирования феномена к его расцвету. Он уделяет внимание специфическим чертам французского², английского³, испанского⁴, немецкого и итальянского⁵ рыцарства и другим локальным проявлениям этого феномена. В статье выделяются общие тенденции развития рыцарской организации, затрагиваются представления о рыцарстве, его иерархия, и, в частности, рыцарство Священной Римской империи.

Автор подчеркивает, что несвобода мелких рыцарей, вытекающая из сеньориально-вассальных отношений (брачные ограничения, ограничения, связанные с собственностью, соблюдение определенных статусных правил) в большей мере носила формальный характер, в реальности же существовало множество путей обхода таких ограничений (например, земельная компенсация)⁶. Стейси описывает две волны появления больших масс свободных рыцарей, связывая с этим тенденцию к обособлению рыцарей⁷, которая позже оформится в феномен имперского рыцарства. Исследователь, в целом, характеризует рыцарство Священной Римской империи исходя из общеевропейских тенденций развития феномена, исключительность которого проявляется, скорее, через фактор географического положения, чем через влияния такого политического

¹ См.: *Stacey R. Nobles and knights*. Cambridge. 2009. P. 11–25.

² *Ibid.* P. 12–16.

³ *Ibid.* P. 16–18.

⁴ *Ibid.* P. 23–25.

⁵ *Ibid.* P. 18–23.

⁶ *Ibid.* P. 20.

⁷ *Ibid.* P. 21–22.

конструкта как «империя» (хотя политическая специфика учитывается в примерах рыцарства Франции и Англии).

Другим важнейшим исследованием, которое необходимо отметить, стала монография Поупа «Отношения между горожанами и сельскими дворянами в позднесредневековой Германии»¹. Автор работы утверждает, что имперскому рыцарству (многие представители которого имели небольшие владения) было необходимо повысить свой статус для свободного вступления в браки с лицами, более высокого положения², поэтому они и стремятся выстроить идеологические отношения с императором³. Несмотря на то, что повествование в исследовании выстраивается на основе анализа соперничества городов и сельской местности, а также в тексте отсутствует разделение на классическое и имперское рыцарство (все категории именуются просто рыцарями), в монографии прослеживается идея, что рыцари, находясь в состоянии трансформации, не имели реального интереса к политической деятельности в масштабах всей империи, в связи с чем приняли условия, по которым их политическое влияние распространялось исключительно на рыцарские округа.

Одной из ключевых работ второй группы стало исследование профессора Венского университета, специалиста по истории Габсбургской монархии Вильяма Годси⁴. В 2004 г. под его авторством выходит статья по истории имперского рыцарства XVIII–XIX вв. В ней не затрагиваются вопросы происхождения имперского рыцарства, его положения или политической роли до заявленных в названии хронологических границ,

¹ См.: *Pope B.J.* Relations between Townspeople and Rural Nobles in late medieval Germany: A Study of Nuremberg in the 1440. Durham, 2016. P. 341.

² Ibid. P. 34.

³ Ibid. P. 22.

⁴ См.: *William D.G.* Nobles and nation in central Europe. Free Imperial Knights in the Age of Revolution, 1750–1850. Cambridge, 2004. P. 320.

следовательно, фактически, не рассматривает трансформация данного феномена на начальных этапах его существования. Имперское рыцарство рассматривается здесь с точки зрения его экономического положения и сопутствующих ему юридических аспектов. При этом, некоторые идеологические и политические особенности статуса имперского рыцарства все же затрагиваются, но только относительно XVIII–XIX вв.

В работе Годси рыцари представляются своего рода космополитами¹ с отсутствием преданности к императору и империи. Автор отмечает практически бесправное положение имперского рыцарства в империи (отсутствие права голоса и места в имперских собраниях), которое балансируется (во избежание конфликтов) расширенными полномочиями внутри собственной организации². Однако, исследователь приводит и исключения, например, свободные имперские рыцари Майнца имели по соборному капитулу политическое влияние³. Особенно важно подчеркнуть наличие в данной монографии, пусть и опосредовано, попытки анализа рычагов политического влияния присущих имперскому рыцарству.

Еще одно заслуживающее особого внимания исследование – это работа профессора Бен-Гурионского университета в Негеве, специалиста по истории Германии периода Позднего Средневековья и Нового времени Хиллая Змора⁴. В 2011 г. профессор публикует статью «Формирование имперского рыцарства во Франконии», которая является своеобразным дайджестом идей, содержащихся в его предыдущих работах («Государство и дворянство в Германии раннего Нового времени», 2003 г.; «Вражда в Германии раннего Нового времени» 2011 г; «Княжеское

¹ См.: *William D.G.* Op. cit. P. 3.

² Ibid. P. 15.

³ Ibid. P. 23.

⁴ См.: *Zmora H.* The Formation of the Imperial Knighthood in Franconia: A Comparative European Perspective. Oxford, 2011. P. 283–302.

государственное строительство и «кризис аристократии» в позднесредневековой Германии» 1996 г. и др.), но единственная полностью сосредоточившая внимание на имперском рыцарстве.

Автор описывает причины трансформации классического рыцарства в имперское рыцарство, в том числе и с точки зрения географического детерминизма – рыцарская организация развивалась в зонах, которые были политически сильно фрагментированы, поскольку у дворян было достаточно промежуточного пространства между отдельными территориями, чтобы развивать и поддерживать свою независимость от каждой из соперничающих сил¹. По мнению исследователя, немецкие дворяне осознанно приступили к реализации проекта конституционного отделения от княжеств². Автор анализирует положение рыцарей до их юридического обособления и выявляет причины их сепарации (многие из которых, в частности, не наблюдались во Франции³). Главным же проявлением сепарации профессор Змора видит рыцарские турниры конца XV в. и маркграфскую идею о «свободных Франконцах»⁴. Автор статьи отмечает также добровольное, целенаправленное формирование имперского рыцарства, необходимость в котором осмысливается односторонне (самими рыцарями) и официально закрепляется императором.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение имперского рыцарства в современном имперском дискурсе занимает не центральную роль, но имеет определенную нишу. Современные исследователи продолжают традицию рассмотрения социально-экономического положения имперских рыцарей в зависимости от региона их проживания, сложившуюся еще в XIX в. Однако сегодня появляются работы, в которых,

¹ Ibid. P. 284.

² Ibid. P. 283.

³ Ibid. P. 290.

⁴ Ibid. P. 292.

пусть и опосредованно, затрагиваются вопросы политического значения данного феномена. Роль имперского рыцарства в политической системе Священной Римской империи, ранее не признававшаяся, в современной историографии постепенно выделяется.

Максимилиан I Габсбург во флорентийском историописании
эпохи Итальянских войн: император или король?

К.В. Павлов¹

В рамках итальянского направления своей политики, соперничество на котором Империи Габсбургов с Францией и Испанией явилось ключевым военно-дипломатическим процессом европейской истории «переходного» периода, Максимилиан I Габсбург – император Священной Римской Империи германской нации рубежа XV–XVI вв. – имел множество проектов, либо оставшихся незавершенными, либо – завершившимися его наследником Карлом V². В определенном смысле, в Итальянских войнах Максимилиан поставил «на карту» военно-дипломатического противостояния с испанским и французским домами статус своего дома – дома Габсбургов – как императорского, или «над-королевского». В этой связи, возможно ли, исходя из лишь частичной реализации итальянских планов Максимилиана, говорить о том, что современники войн на Апеннинах воспринимали его как фигуру, равнозначную монархам Испании и Франции, попросту говоря – королем, а не императором? Для ответа на данный вопрос, представляется логичным обратиться к источникам, происходящим из «ядра противоречий» – образцам итальянского историописания эпохи войн на Апеннинах. Фундаментальными его памятниками являются сочинения флорентийских авторов, рассматривавших войны на Апеннинах целостно и в контексте их

© Павлов К.В., 2023

¹ Павлов Кирилл Владимирович, выпускник магистратуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (2022).

² Итальянские войны 1494–1559 гг. практически совпали с императорским правлением Максимилиана по избранию на правление (1493–1519 гг.) и Карла, унаследовавшего титул от Максимилиана и умершего в 1558 г.

связей: Никколо Макиавелли, Франческо Гвиччардини и Франческо Веттори. Исторические сочинения за авторством Макиавелли и Гвиччардини, по весьма точному наблюдению американского исследователя Марка Филипса, явили собой переходный этап флорентийской традиции историописания¹. Так, Филипс отмечает, что в этих сочинениях произошел переход от интереса к истории Флоренции как «вещи в себе» (в контексте шедшей от хроник Джованни Виллани и Маркьонне ди Коппо Стефани вернакулярной историографии²) к встраиванию флорентийской (у Макиавелли) и общеитальянской (у Гвиччардини) истории в русло современных им международных событий³. Разделяя точку зрения Филипса об интегральном характере исторических сочинений Макиавелли и Гвиччардини, отметим в контексте флорентийского историописания эпохи Итальянских войн также фигуру Франческо Веттори. Его сочинение «Изложение истории Италии 1511–1527 гг.» (*Sommario della Istoria d'Italia (1511–1527)*)⁴ примечательно попыткой соединить вернакулярную традицию флорентийского историописания с зарождавшейся формой обращения к истории Флоренции как «частного в целом» в истории Европы. В том числе, в контексте описания Веттори отношений Флоренции и других городов-государств Италии с Империей Габсбургов, послом тосканской республики в которой он служил. Кроме того, Флоренция длительное время в ходе войн на Апеннинах оставалась единственным крупным городом-государством

¹ См.: *Phillips M. Machiavelli, Guicciardini, and the Tradition of Vernacular Historiography in Florence // The American Historical Review. Feb. 1979. Vol. 84. №. 1. P. 86.*

² Буквальный перевод понятия “vernacular” – «туземный» – в каком-то смысле, также отражает точку зрения американского исследователя. Однако Филипс имел в виду под вернакулярной литературой скорее ту литературную традицию ренессансной Флоренции, которая создавалась на тосканском диалекте как «вещь в себе» и противопоставлялась латинской литературе; см.: *Phillips M. Op. cit. P. 89–92.*

³ *Ibid. P. 105.*

⁴ См.: *Vettori F. Sommario della Istoria d'Italia (1511–1527) // Francesco Vettori. Scritti storici e politici. Bari, 1972. P. 133–246.*

Италии, не имевшим с Империей Габсбургов прямого конфликта интересов (что позволяет считать флорентийское историописание эпохи в известной степени «нейтральным» по отношению к Империи)¹. Вместе с тем перед непосредственным анализом проблемы репрезентации власти Максимилиана I Габсбурга в сочинениях флорентийских авторов эпохи Итальянских войн, необходимо кратко обозначить основные этапы институциональной эволюции имперской власти применительно к итальянской территории с тем, чтобы определить предметно-итальянскую специфику противоречия «император – король» в отношении фигуры германского императора.

Как указывает оксфордский исследователь истории Германской Империи И. Уэйли, итальянское направление власти германского императора приобрело институциональное облачение еще в XI в., когда император из Салической династии Генрих IV принял титул “*Rex Romanorum*” – «римский король» или «король римских народов»². Обратим внимание, что в связи с новой титулатурой германских императоров, в рамках Салических законов империи был выработан специальный церемониал коронации императора в Риме, содержащий восемь положений³. При этом в контексте символического восприятия имперской власти наиболее важны первые два положения, а также четвертое:

Режим коронации императора в Риме.

(1) В соответствующее время императорской коронации в Риме император облачается в шелковую мантию, переплетенную золотом и драгоценными камнями, на руках у него две шелковые перчатки;

¹ См.: *Najemy J.* A History of Florence 1200–1575. Oxford, 2006. P. 375–446.

² *Whaley J.* Germany and the Holy Roman Empire. Vol. I: From Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648. Oxford, 2012. P. 17.

³ См.: *Leuschner J.* Das Reich Des Mittelalters. Quellen- und Arbeitshefte zur Geschichte und Gemeinschaftskunde. Stuttgart, 1963. S. 13.

(он надевает) меч, опоясанный кушаком, и золотые шпоры. На голове у него диадема, в правой руке скипетр и на одном пальце епископский перстень, в левой руке – золотая сфера.

(2) Затем папа поддерживает императора справа, а архиепископ Милана – слева; затем перед императором несут крест с древком креста Христова внутри и копье святого Маврикия, и так император идет в церковь, где он должен быть коронован. Начинается месса, и перед Евангелием император помазывается и освящается.

4) На следующий день папа берет римскую корону с алтаря Святого Петра и возлагает ее на голову императора, а сам направляется к ступеням лестницы, на которой стоит сенат¹.

Весьма характерно присутствие в церемониале архиепископа Милана, стоящего на противоположной стороне от папы – подобным образом германский император демонстрировал границы своей власти «римского короля» над всей Италией, поскольку Милан воспринимался как своего рода «ворота Италии»², а Рим – как ее «ядро»³. С точки зрения И. Уэйли, крайне показательно, что представители последующих имперских династий не только не отказались от титула «римского короля», но и сохранили действовавший церемониал имперской коронации: тем самым, идея «трансляции империи» – “*translatio imperii*” – поддерживалась ими на протяжении долгих веков: от Салических императоров – к Гогенштауфенам; от Гогенштауфенов – к Габсбургам⁴. Именно с церемониалом коронации императора и «дополненным» внутри него титулом «римского короля», что примечательно, связано и противоречие

¹ Ibid.

² Sella B. Milan // *Medieval Italy: An Encyclopedia*. New-York/London, 2004. P. 2348–2353.

³ Rehberg A. Rome // Ibid. P. 3194–3205.

⁴ См.: Whaley J. *Germany and the Holy Roman Empire*. Vol.I: From Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648. Oxford, 2012. P. 17–18.

восприятия власти Максимилиана I Габсбурга во флорентийском историописании эпохи Итальянских войн.

Следует отметить, однако, что более раннее упоминание Максимилиана как «римского короля» в историописании рассматриваемого периода относится не к флорентийской традиции, а к мемуарам французского дипломата Филиппа де Коммина¹. Описывая сражение при Форново, относящееся к первой итальянской кампании французского короля Карла VIII, де Коммин свидетельствует о противостоянии французским войскам совместных войск миланского герцога Лодовико Моро и «римского короля» Максимилиана². Характерно, что сражение при Форново состоялось в 1495 г., тогда как утверждение Максимилиана императором на рейхстаге – в 1493 г.³ При этом де Коммин ранее намекает на утверждение Максимилиана общим правителем «исторических германских земель» под несколькими титулами несколькими же способами. Так, если Австрийское герцогство Максимилиан унаследовал, то Бургундию присоединил к владениям Габсбургов посредством династического брака⁴. Тем самым, французский дипломат указывает на сложность определения действительной границы титулатур Габсбурга – исторически оправданной и приобретенной. Соответственно, у де Коммина нет оснований придавать военно-дипломатическую коннотацию и положению Максимилиана как избранного императора. В Италии Максимилиан ведет войну именно как «римский король»⁵, но не как император немецких земель. Указание де Коммина в контексте последующего анализа нами оценок флорентийских авторов ценно, исходя из определенного родства взглядов

¹ См.: *де Коммин Ф.* Мемуары. М., 1986.

² Там же. С. 343.

³ См.: *Грессинг З.* Максимилиан I. М., 2005. С. 114.

⁴ См.: *де Коммин Ф.* Указ. соч. С. 184.

⁵ Там же. С. 343.

французского дипломата с рассуждениями крупнейшего флорентийского историописца эпохи войн на Апеннинах – автора «Истории Италии» (*Storia d'Italia*) Франческо Гвиччардини. Однако де Коммин писал и завершил свои мемуары при жизни Максимилиана и в период трансформации франко-имперских отношений в войнах: от вражды Максимилиана с Карлом VIII Валуа на начальном этапе войн на Апеннинах (1494–1498 гг.) до установления их союза в рамках Камбрейской лиги (1508 г.)¹. Гвиччардини же, как полагает греческий исследователь А. Мулакис, свою «Историю Италии» лишь начал писать уже после смерти Максимилиана, пребывая в вынужденном административно-политическом бездействии в период понтификата Адриана VI².

При этом в концепции Гвиччардини, Максимилиан поименован «римским королем» лишь в контексте дипломатической подготовки итальянских кампаний французской стороной. Так, Гвиччардини называет Максимилиана «римским королем» («re de' romani») лишь до 1493 г.,³ после упоминания его имперского избрания на рейхстаге после смерти Фридриха III, флорентинец, в свою очередь, начинает называть «римским королем» уже сына Максимилиана – Филиппа Красивого, унаследовавшего от своей матери Марии Бургундское герцогство⁴. Тем самым, Гвиччардини демонстрирует тонкое понимание трансляции имперских титулатур: оба перехода – от «римского короля» к «императору» и от герцога Бургундского к «римскому королю» – обозначают уровни формирующейся иерархии имперских структур. То есть титул «римского короля» для Максимилиана и его сына, с точки зрения флорентийского

¹ См.: *Малинин Ю.П.* Филипп де Коммин и его мемуары // *де Коммин Ф.* Указ. соч. С. 384–438.

² См.: *Moulakis A.* Republican Realism in Renaissance Florence: Francesco Guicciardini's Discorso di Logrogno. Oxford, 1998. P. 94-95.

³ См.: *Guicciardini F.* Storia d'Italia // *Opere di Francesco Guicciardini.* In 3 vol. Vol. 2. Torino, 1981. P. 114–115.

⁴ Ibid. P. 415.

историописца, носит уже характер внутриимперской институции. Однако применительно к итальянскому направлению имперской политики, в отношении Максимилиана флорентинец использует определение «кесарь» (“Cesare”)¹, имея в виду, прежде всего, церемониальную несостоятельность его притязаний на итальянскую власть, а именно – отсутствие церемонии коронации папой. Характерно, что понятие «император» – “imperadore” – при этом относится у Гвиччардини, в отличие от де Коммина, не только к внутривосточным полномочиям Максимилиана в немецких землях, но и к военной политике Габсбурга, однако – не на итальянском направлении. Так, Гвиччардини обозначает Максимилиана «императором» как предводителя Швабского союза 1499 г. в обосновывавшейся этнополитической спецификой устройства Империи Габсбургов войне со швейцарцами – «...нареченными повстанцами против империи» (“dichiaratigli ribelli dello imperio”)², – имея в виду подчиненность союза как ассоциативного объединения внутри империи центру таковой. Однако при описании «итальянской карты» в военной политике Максимилиана, применительно к событиям того же 1499 г. у Гвиччардини вновь присутствует термин «кесарь»³. Этим же термином флорентинец определяет Максимилиана в контексте его итальянских кампаний вплоть до начала 1508 г., когда упоминает о подготовке символического обряда коронации императора в Тренто: «С начала того же года кесарь, стремясь более не оттягивать начало войны, послал в Верону герольда с уведомлением, что ему необходимо идти в Италию за императорской короной, и просьбой разместить четыре тысячи всадников. На это веронские ректоры, предварительно спросив совета у Венеции, дали ответ, что приняли бы его со всеми почестями, если бы он отправлялся только

¹ Ibid. P. 344–347.

² Ibid. P. 438.

³ Ibid. P. 450–451.

на коронацию, но на деле все обстоит иначе, ибо он подтянул на границу крупное войско и артиллерию. Поэтому Максимилиан прибыл в Тренто для начала военных действий и третьего февраля устроил торжественное шествие, лично его возглавив с обнаженным имперским мечом в руке и с имперскими герольдами впереди; во время этого шествия его секретарь Маттеус Ланг, в будущем ставший епископом Гуркским, поднялся на возвышенный помост и провозгласил об устремлении кесаря вторгнуться в Италию с войском, именуя его теперь не римским королем, а избранным императором, как это отмечено для римских королей, отправляющихся за короной¹. Понятие «избранный император» (“*eletto imperadore*”)² в отношении Максимилиана, тем самым, приобретает для Гвиччардини характер самоопределения: несмотря на то, что церемониал состоялся в Тренто, а не в Риме (как то было установлено еще Салическими законами XI в.), а также несмотря на отсутствие в процедуре церемониала необходимых символов института папства, Габсбург обозначил свои имперские претензии на обладание Италией.

В этой связи, весьма характерно, что в следующем за Гвиччардини опыте флорентийского историописания эпохи войн на Апеннинах – сочинении Франческо Веттори «Изложение истории Италии 1511–1527 гг.» – Максимилиан упоминается только как «император» (“*Imperatore*”) и только – в контексте проводимой им международной политики³. Однако сомнению Веттори подвергается происхождение его имперской власти, причем в весьма любопытном отступлении от изложения событий Итальянских войн к римской истории и ее влиянию на «эволюцию» имперской власти: «Сулла и Марий, предводители армии против внешних врагов, стали настраивать свои силы друг против друга;

¹ Ibid. P.720.

² Ibid.

³ См.: *Vettori F.* Op.cit. P. 139–185.

последний сохранил превосходство и занял город силой, сколько пожелал. Цезарь также стал диктатором и правителем Рима, и так последовали императоры, о которых мы читаем. И, отказавшись от римского владычества, поскольку Константин перенес резиденцию империи в Византию, многие князья поднялись в Италии, в зависимости от случая. А чтобы лучше прикрыть имя княжества, они подчинили себя инвеституре императора, который находился в Германии, и у которого не было другого основания на имя римского императора, кроме тщеславия»¹. Таким образом, Веттори считает взаимозависимыми и нелегитимными основания как титулатуры германских императоров в качестве «римских королей», так и князей Италии, присвоивших себе «имя княжества» - “*il nome del principato*”² – в качестве структурного элемента их международного влияния. В этом отношении упоминание Максимилиана как императора для Веттори носит чисто «механический» характер: если для Гвиччардини, самоопределение власти Габсбурга как имперской сугубо персонифицировано, то для Веттори, это самоопределение проистекает из глубины противоречия власти германских императоров как условных правопреемников Рима.

В свою очередь, говоря о репрезентации власти Максимилиана I в историографических сочинениях Никколо Макиавелли, отметим, что, как и в случае с Франческо Веттори, важную роль в конструировании им подобной репрезентации играла его дипломатическая деятельность. Не являясь официальным послом или советником флорентийского руководства в Империи Габсбургов, Макиавелли, тем не менее, совершил две миссии ко двору Максимилиана (в том числе – совместно с Веттори, при назначении последнего послом Флорентийской республики

¹ Ibid. P. 146.

² Ibid.

в Империи)¹. Макиавеллевский образ Максимилиана, как отмечал издатель сочинений флорентинца М. Бонфантини, анализируя его историко-аналитическое сочинение «О положении дел в Германии» (*Ritratto delle cose della Magna*)², напрямую черпается им из опыта дипломатического диалога с императором³.

Весьма характерно, что в сочинении «О положении дел в Германии» Макиавелли анализирует различный спектр проблем истории Империи периода правления Максимилиана: этнополитические проблемы (войну Швабского союза со швейцарцами)⁴, внутривосточные («реанимацию» Максимилианом института имперских рейхстагов)⁵ и военно-дипломатические (итальянские кампании императора)⁶. Вместе с тем, с нашей точки зрения, не следует в этой связи полагать, что Макиавелли подходит в этом своем сочинении к более масштабному протонациональному (или даже протоголобалистскому) нарративу (признаки какового исследователи его трудов имеют обыкновение выделять при анализе знаменитого «Государя»)⁷. Как минимум, подобное предположение «разбивается» о краткость данного сочинения: так, в рукописном издании сочинений Макиавелли в венецианской рукописи

¹ См.: Павлов К.В. Переговоры Флоренции с Империей 1507–1508 годов: к вопросу о флорентийской политике нейтралитета в итальянских войнах // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Материалы XXXIX Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (11–13 ноября 2019 г.). СПб., 2020. С. 278–288.

² См.: Machiavelli N. *Ritratto delle cose della Magna* // Niccolo Machiavelli. Opere. Milano-Napoli, 1954. P. 487–492.

³ См.: Bonfantini M. Noti a «Ritratto delle cose della Magna» dell' Niccolo Machiavelli // Niccolo Machiavelli. Opere. Milano-Napoli, 1954. P. 487–492.

⁴ См.: Machiavelli N. Op. cit. P. 490–491.

⁵ Ibid. P. 489–490.

⁶ Ibid. P. 490.

⁷ См.: Scott J. *The Routledge Guidebook to Machiavelli's The Prince*. New-York/London, 2016. P. 219–238; Inglese G. 'Italia' come spazio politico in Machiavelli // *The Radical Machiavelli. Politics, Philosophy and Language*. Leiden/Boston, 2015. P. 73–80; D'Amato A. *The Relevance of Machiavelli to Contemporary World Politics // The Political Calculus. Essays on Machiavelli's Philosophy*. Toronto, 1972. P. 209–224.

1554 г. сочинение «О положении дел в Германии» занимает четыре листа¹ (для сравнения – аналогичная историко-публицистическая работа на предмет французской политики – «О положении дел во Франции» – девять листов)². Вместе с тем, именно в данном сочинении (а не в своде дипломатических реляций по ходу миссии в Империю 1507–1508 гг.) Макиавелли предлагает наиболее точное определение проблемы имперской власти Максимилиана. Императору нужен «союз внутри империи» (“*unione dello Imperio*”)³, затрудняющийся автономными внутренними объединениями региональных имперских элит, а также – незаинтересованностью определенной части этих элит в военных предприятиях императора (прежде всего, в итальянской кампании Максимилиана против Венеции, поскольку у германского купечества и бюргерства с Республикой св. Марка существовали давние и прочные торговые связи)⁴. Тем не менее, Никколо характеризует власть Максимилиана именно как имперскую, при этом делая парадоксальный вывод о том, что таковая для Максимилиана ярко проявляется в решениях в контексте военной дипломатии, но ограничена, собственно, внутри Империи отсутствием монолитного имперского пространства⁵.

Подводя итоги исследования, можно заключить: власть Максимилиана I как правителя Империи Габсбургов так или иначе воспринималась флорентийскими историописцами эпохи Итальянских войн в контексте его итальянских военных кампаний. При этом

¹ См.: *Ritratti delle cose dell' Alamagna composti per. Nicolo Machiavelli*. In *Vinegia per Domenico Giglio*. 1554. [Оцифровка рукописи] // Internet Archive: collection: European Libraries. URL: <https://ia600504.us.archive.org/15/items/ilprencipedinico00mach/ilprencipedinico00mach.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

² См.: *Ritratti delle cose della Francia composti per. Nicolo Machiavelli*. In *Vinegia per Domenico Giglio*. 1554... (дата обращения: 31.01.2022).

³ См.: *Machiavelli N. Ritratto delle cose della Magna* // Niccolo Machiavelli. *Opere*. Milano-Napoli, 1954. P. 489.

⁴ *Ibid.* P. 489–491.

⁵ *Ibid.* P. 489–492.

институционализация его имперской власти над итальянскими территориями подвергалась скепсису как в контексте «интегральной» репрезентации итальянской истории (у Гвиччардини), так и в отношении легитимности идеи “*translatio imperii*” (у Веттори), и в связи с не до конца очевидным внутренним устройством самой Империи (у Макиавелли). При этом степень скепсиса каждого флорентийского автора в конструируемом образе Максимилиана зависела, прежде всего, от наличия либо отсутствия опыта дипломатического диалога с Империей Габсбургов. Соответственно, Гвиччардини, не будучи связан подобным опытом, считает рациональным в контексте Итальянских войн не называть Максимилиана императором вовсе (в зависимости от контекста описываемых им событий, пользуясь терминами «кесарь» и (или) «римский король»). Тогда как Макиавелли и Веттори, как дипломаты Флоренции, имевшие опыт службы в Империи, описывая связанные с Габсбургом события истории Итальянских войн, соблюдая привычный дипломатический такт, склонны упоминать его имперскую титулатуру и в контексте итальянских кампаний, критически анализируя при этом саму Империю Габсбургов как попытку «регенерации» Рима.

Концепт Католической монархии
в имперской политике Филиппа II Габсбурга

*А.Л. Лимонова*¹

В 1580 г. первый министр и советник Филиппа II Гранвела сказал: «Мир, некогда разделенный между вашим прадедом королем Фердинандом Католиком и вашим дедом королем Португалии Мануэлем, теперь соединен в одно целое, поскольку вы владыка всего на Востоке и Западе»². А в 1583 г. латинская фраза «Non sufficit orbis» становится девизом Филиппа II, появляющимся на гербах и монетах³.

Так, с обретением Португалии и ее колоний, держава Филиппа II охватывала все двадцать четыре часовых пояса мира, что делало ее по признанию современников «величайшей империей, известной со времен сотворения мира» и делая своего суверена «главой самой обширной империи, которой когда-либо правил какой-либо король в мире»⁴.

Можно подумать, что в последней фразе улавливается некое противоречие, а именно – в дихотомии империя-король. И мы действительно можем утверждать, что композитарная монархия управляемая Филиппом II, обладала всеми функциональными характеристиками империи, однако институционально ей являться не могла.

© Лимонова А.Л., 2023

¹ Лимонова Амина Ленуровна, магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, кафедра археологии и всеобщей истории.

² Granvelle, *Papiers d'Etat du cardinal Granvelle*, publiés sous la direction de Ch. Weiss, “Collection de documents inédits sur l'histoire de France”. Paris, 1841–1852, 9 vol. 14.

³ См.: *Parker G. The Grand Strategy of Philip II*. New Haven-Londres, 1998. P. 13–14.

⁴ *Ibid.* P. 9.

Семейное соглашение 1551 г., едва достигнутое между двумя ветвями Габсбургов, положило конец мечте об универсальной вселенской монархии образца Карла V. Ф. Бродель писал: «Не обладая императорским титулом, Филипп II утратил то первенствующее положение в иерархии внешних почестей, которое подобало бы ему в христианском мире и которое никто не посмел бы оспаривать при жизни Карла V у его представителей»¹. При поистине имперских амбициях, ему катастрофически не хватало императорского титула².

Филипп II должен был продемонстрировать ономастическое изобретательство, чтобы лучше продвигать важный статус своего титула, и предпочел полагаться на единственное, что объединяет все его земли: религию. Этот гигантский политический ансамбль, присутствующий в четырех частях света, был назван католической монархией.

О католической монархии принято говорить как о династическом союзе (1580–1640 гг.) между королевствами Испании и Португалии, однако мы можем экстраполировать это понятие на всю огромную державу Филиппа II, за исключением разве что Соединенных провинций. Объединяющим звеном, является интегративная религиозная политика, а политическим центром выступает Мадрид.

В рамках размышлений об имперских практиках и пространствах возникают два вопроса: во-первых, как быть империей рядом с империей? Поскольку в христианском мире Рим является арбитром старшинства, какое место занимает Святой Престол в центре католической монархии?

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003. С. 468.

² См.: Письмо Э. де Мэсса королю, Венеция, 6 июня 1583 г., А.Е., Venise 81, P 28 v. Филипп II намеревался получить титул имперского викария в Италии, 12 февраля 1584 г., *Depeches diplomatiques de M. de Longlee, resident de France en Espagne, 1582–1590*, Albert Mousset. Paris, 1912. P. 19.

Титул «католический» исходит от папской буллы “*Si convenit*” 1496 г., которая предоставляет его государям Кастилии и Арагона. Имперская власть Карла V также исходила от папского признания. Наконец, все иберийские завоевания в Африке, Америке и Азии также требуют своего рода аутентификации со стороны Святейшего Престола, иллюстрирующей важную озабоченность по поводу юридического обоснования территорий, которые составляют эту империю¹. Подчеркивая это систематическое обращение христианских монархов к папской легализации, можно говорить о святом престоле как о легитимирующем органе европейского экспансионизма². Означает ли это, что именно Рим придает темп этому обширному территориальному сооружению, которым является католическая монархия?

Поскольку католицизм является единственным общим моментом, объясняется выбор настаивать на этом выражении «католической монархии». Это также напоминание о католических королях и, следовательно, о Реконкисте, а также о естественном стремлении к этому завоеванию через открытия в Новом Свете, в Африке и Азии. Наконец, эпитет «католический» заявляет о верности Риму в разгар Контрреформации – и Филипп II хотел бы видеть себя великим королем Контрреформации, особенно в то время, когда другой столп римского христианства, Христианнейший король, французский враг, был полностью монополизирован войной³. В то время как существование различных протестантских конфессий признано во многих государствах Европы, Филипп II рассматривает католическую религию как самое важное

¹ См.: *Jeanne B. Les sources latines de l'Amérique, au carrefour de l'histoire érudite et de l'anthropologie religieuse et sociale. Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée*, 2017. P. 41.

² См.: *Sloterdijk P. Globes. Sphères II, Paris, Maren Sell, 2010. P. 272.*

³ См.: *Fernandez Terricabras I. Philippe II et la Contre-Réforme. L'Église espagnole à l'heure du Concile de Trente. Paris, 2001. P. 113.*

связующее в своей огромной монархии, так как считает, что различные убеждения являются причинами восстания, беспорядков и предательства¹.

Мы должны начать с выяснения того, что придает единство этому политическому ансамблю. В контексте политической и социальной мысли нового времени, нет никаких трудностей в том, что суверен территории также является сувереном другой территории – это сам принцип сеньорской власти – но нет причин, по которым эти две территории одного и того же сеньора чувствуют себя близкими, дополняющими в политических вопросах².

Тогда как эта очень обширная «империя» балансирует политически? Политический проект Карла V является основой этого размышления, потому что если империя, на которой никогда не садилось солнце, была в конечном итоге менее обширной, чем католическая монархия, с другой стороны, последняя гораздо более управляема, о чем свидетельствует анализ регулирования 1555–1556 гг. и разделение между двумя ветвями Габсбургов. Это прагматичная реконфигурация владений Габсбургов, и наследие, оставленное Филиппу II, восходит к правлению католических королей, при этом Арагон повернулся к Средиземному морю, а Кастилия – к Атлантическому океану. К этому добавляются личные владения Филиппа II, такие как Милан и корона Португалии в 1580 г. В то время как проблемы протестантизма оставлены на усмотрение Австрийского дома. По крайней мере, это то, на что надеялся Карл V, потому что восстание в Нидерландах поставило Испанию перед лицом беспорядков, связанных с протестантизмом 1566 г. Отделение семи северных провинций Утрехтской унии в 1579 г. коренится в сильном сопротивлении интегративным желаниям империи Филиппа II, что свидетельствует о том,

¹ См.: Император Карл V. Воспоминания. Наставления принцу Филиппу. М., 2023. С. 228.

² См.: *Anderson M.S.* The Origins of the Modern European State System. 1494–1618. Londres, 1998. P. 96–97.

что северные владения не менее внимательны к своим привилегиям, чем иберийские владения¹. Однако, помимо Нидерландов, в католической монархии должна быть признана стабильность с 1580 по 1640 г.

Основные направления деятельности католической монархии известны: с одной стороны, уважение местных и фуэрских привилегий, которые король должен признать лично перед местными кортесами; с другой стороны, установка вице-королей, местных слушаний, а также соответствующих Советов в Мадриде. Что касается заморских владений, Casa de Contratación в Севилье продолжает заниматься исключительной торговлей с Вест-Индией, в то время как Лиссабонская буржуазия сохраняет свои позиции в торговле с Ост-Индией. Но с 1580 г. между двумя пространствами, которые всегда были историографически противоположны, завязывается тесное взаимодействие, что позволяет нам пересмотреть это слишком сильное разделение между испанскими и португальскими территориями. Серж Грузинский показал это, проанализировав движение администраторов, т.н. «глобализированных элит», вице-королей Вест-Индии (связанных с вице-королями Неаполя), а затем португальской Индии (Антонио де Мендосы, Луиса де Веласко, Франсиско де Толедо, президентов и судей аудитории Испанской империи, губернаторов Анголы², Анджела Ксавье описала строительство португальского вице-королевства Гоа и продемонстрировала, как его администраторы были вдохновлены Новой Испанией, прежде всего в ее религиозной организации)³.

Испания и Португалия учатся друг у друга административно, и эти иберийские связи педантично записаны Святым Престолом. Рим

¹ См.: *Elliott J.H.* Europe Divided 1559–1598. Londres, 1985. P. 102.

² См.: *Gruzinski S.* Les quatre parties du monde. Histoire d'une mondialisation, Paris, La Martinière, 2004. P. 206.

³ См.: *Xavier A.B.* A invenção de Goa. Poder imperial e conversões culturais nos séculos XVI e XVII. Lisbonne, Imprensa de Ciências Sociais, 2008.

внимательно наблюдает за объединением двух корон, это очень четко видно в распространении папских документов 1580 г. Филипп II даже пытается развить понятие «иберийской нации» в Риме, как Томас Данделет анализирует из статуты Братства Святейшего Воскресения, датированных 1580 г.¹: он принимает только представителей «испанской нации», то есть подданных короны Кастилии, Арагона, Португалии. С другой стороны, в то время как до 1580 г. у каждой нации была своя национальная церковь в Риме – Сантьяго для кастильцев, Сан-Антонио для португальцев и Санта-Мария-де-Монсеррат для каталонцев – после 1580 г. они становились открытыми для всех иберийцев.

Однако термин «католическая монархия» никогда не появляется в папских архивах², и, напротив, Филипп II подписывает документы подобным образом на португальском языке, подтверждая свои прерогативы как короля Португалии Святому Престолу. В свою очередь, это использование «католического» эпитета усиливает апостольское давление на Филиппа II, который более чем когда-либо должен быть королем контрреформации, чтобы его империя заслужила свой титул.

Кроме того, Филипп II очень тщательно выбирает прелатов в консистории для епископских назначений своих владений; мы очень хорошо видим это в отношении американских епархий. Более того, если он должен учитывать наставления Святого Престола при управлении епархиями Пиренейского полуострова, он никоим образом не обязан делать это в отношении Церквей Нового Света в силу *patronato ecclesiastico*³.

Различные уровни покровительства в соответствии с пространствами католической монархии вызывают широкий спектр дипломатических

¹ См.: *Dandeleth Th. J. Spanish Rome*. New Haven: Yale University Press, 2001. P. 112–119.

² Папская документация использует *Rex Hispaniarum*.

³ Церковное покровительство. См.: *Hermann Ch. L'Église d'Espagne sous le patronage royal (1476–1834)*. Essai d'ecclésiologie politique. Madrid, 1988. P. 59.

отношений между Испанией и Папской областью, анализ которых позволяет усовершенствовать подход к обозначению господства Филиппа II над его многочисленными территориями, а также и над самим Римом. Например, сильное присутствие Испании в Священной коллегии позволило в 1572 г. быстро избрать Григория XIII Бонкомпаньи, бывшего папского нунция в Мадриде. Подданные Филиппа II очень широко представлены в Курии, его интересы представлены на всех этапах сложного папского управления. Испанцы являются самой представленной нацией в Риме, опережая французов, как показал Жан Делюмо в своей «Экономической и социальной жизни в Риме», и как снова показывает «Испанский Рим» Томаса Данделе¹. Наконец, у порога Папской области испанское присутствие на Итальянском полуострове также утверждается с Неаполитанским Королевством и Миланским герцогством, а также Сицилией и Сардинией. Наконец, Папская область физически и политически заключена в католическую монархию, в то время как они юридически не являются частью этих территорий короны Филиппа II.

Таким образом, часть управления католической монархией разыгрывается в Риме: так, например, Рим пытается связать американские деньги и войну во Фландрии. В римском дипломатическом дискурсе именно за эту войну против ереси Бог заставил испанцев открыть для себя Америку и ее многочисленные ресурсы. Поэтому именно Рим приглашает Новый Свет принять участие во внутренних конфликтах Старого Света, что придало бы полный смысл понятию католической монархии, которой пользуется Филипп II.

Таким образом, беря за основу определение империи не только и не столько политический институт, сколько факт политического сознания, держава Филиппа II не что иное как империя. Но когда мы

¹ См.: *Dandelelet Th.J. Op. cit.; Delumeau J. Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVIe siècle. 2 vol. Paris, 1957–1959.*

говорим о новом времени, правовое облачение имеет первостепенное значение. Так, концепция католической монархии – концепция империи, которая должна обрести свою легитимность наряду со священной римской империей, объединив разрозненные пространства, сотрудничество которых не является естественным, а реализуется посредством религиозного оправдания. Рим не является частью территорий Филиппа II, но именно там монарх пытается объединить такие разнообразные пространства, утверждая понятие католической монархии.

Шведское великодержавие и Российская империя:
историко-правовой анализ взаимовлияния (1611–1809 гг.)

М.В. Раттур¹

Эпоха великодержавия в Швеции, начавшаяся в 1611 г, закончилась в 1721 г. заключением Ништадского мира с Россией. Швеция перестала быть империей, а Россия была ею провозглашена. Рассмотрение вопроса влияния империй друг на друга, как правило, осуществляется с позиции обнаружения заимствований, но при более внимательном рассмотрении можно убедиться в том, что русско-шведское взаимовлияние гораздо шире и глубже, чем кажется на первый взгляд.

На период имперских амбиций Швеции приходится Смутное время в российском государстве, включая интервенцию. В 1614 г. шведские войска штурмом взяли Великий Новгород, и это событие стало причиной появления в русском языке бранного слова, которое сохранилось и по сей день. Шваль – уважаемая профессия. Это портной. Но именно новгородский портной Иван Прокофьев открыл городские ворота Новгорода шведам. Именовали его горожане по роду занятий – Ивашка Шваль. Информация о его предательстве распространилась по всей России, и значение слова, обозначающего профессию превратилось в ругательство, которым и поныне обозначают отбросы общества.

Среди последствий заключения в 1617 г. Столбовского мира со Швецией следует отметить упоминание в тексте Оснабрюкского договора 1648 г. Московского государства как союзника Швеции. Настояла

© Раттур М.В., 2023

¹ *Раттур Мария Владимировна*, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института государства и права РАН.

на этом шведская королева Кристина. Этот договор стал одной из основ вестфальского миропорядка.

Образцом для целого ряда преобразований, осуществленных Петром I, являлись шведские государственно-правовые институты. Особого внимания заслуживают источники информации, которые использовал российский самодержец. Так, после полтавского триумфа «главный министр шведского короля граф Пиппер со всею королевскою канцелярией явился в Полтаву и сдался русским»¹, поэтому в распоряжении Петра оказались и документы, относящиеся к устройству коллегий. Другим источником сведений стали результаты командирования в 1716 г. в Швецию Георга Генриха Фика (перешедшего на русскую службу голштинского чиновника) для сбора дополнительного материала о коллегиях.

Царский Указ «Об устройстве Юстиц-коллегии согласно уложению и уставам шведским, но применительно к русским обычаям» увидел свет 9 мая 1718 г. Через месяц перед Сенатом стояла задача разработки регламента коллегий, используя шведские нормативно-правовые документы. При этом бездумного копирования удалось избежать, ведь целый ряд созданных коллегий (например, Вотчинная, Духовная, Малороссийская и др.) не имеют шведских аналогов.

А вот Сенат, появившийся в 1711 г. «для отлучек наших» в связи с Прутским походом, был аналогом шведской Королевской канцелярии. При этом, как отмечают исследователи, «осуществляя функции внешнего управления и суда, финансового и налогового контроля, обладая внешнеторговыми полномочиями, Правительствующий Сенат

¹ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 455.

в чрезвычайных ситуациях выступал и как нормотворческий, законодательный орган»¹.

При проведении реформы армии Петр активно использовал шведский опыт поселенной системы. Перенял он у шведов и наказание шпицрутенами, а также повелел «драгунские сапоги и солдатские башмаки делать на шведский манер».

Однако, когда у Фальконе возникла необходимость воплотить образ Петра в памятнике, то он «изобразил Петра в “русской” одежде, несмотря на то, что царь с ней боролся. Свой выбор он объяснял тем, что, избегая условностей, не хотел изображать Петра в той одежде, которую он никогда не носил. Скульптор не захотел одевать царя в доспех не только потому, что тот их не носил, но и потому, что представляет его не полководцем, не победителем Карла XII, а прежде всего реформатором, основателем, законодателем»². Так виделся император скульптору из Екатерининской России.

Основные черты реформы земского управления 1719 г. восходят к шведскому трехчленному местному управлению (приход – дистрикт – земля), но ее реализация по указанию Петра I «спускалась с русским обычаем» (с исключением шведского нижнего звена. Результатом обсуждения проекта реформы в Сенате стала резолюция Петра I: «Земское управление надлежит перво один уезд от мужика до правителя уезда, а потом до ландстевдинга, шведское с русским сложа...»³.

Централизация судебных органов Юстиц-коллегией, проведенная в ходе судебной реформы 1719 г., проводилась по шведскому образцу.

¹ Михайлик К.А., Тебиев Б.К. Правительствующий Сенат и сенаторские ревизии в России 1711–1917 гг.: Историко-правоведческое исследование. М., 2010. С.16.

² Мезин С.А. Дидро и цивилизация России. М., 2018. С. 156.

³ Методология инновационного развития основных направлений исторического образования в вузе / Н.В. Старостенков, Н.А. Печень, М.В. Раттур [и др.]. М., 2013. С. 31.

Невмешательство Церкви в государственные дела, введенное Петром I в ходе церковной реформы, также имеет шведское происхождение.

В 1719 г. в Швеции на фоне военных поражений от российской армии была принята новая форма правления, передающая управление государством в руки парламента. Этот акт для своего времени был, несомненно, революционным. Аристократия Швеции после смерти Карла XII сосредоточила власть в своих руках. Именно ради этой цели было решено изменить основной закон страны.

После подписания Фридрихом I новой Формы правления в 1723 г. в Швеции началась «Эра свобод». Королевская власть практически потеряла значение. Король был лишен прав назначения на военные и гражданские должности, расквартирования войск, управления финансами и т. д. Его обязали следовать мнению большинства Государственного Совета, исполнявшего требования партии большинства, во всех вопросах. Так, реальная власть в Швеции перешла к риксдагу, а королю достался лишь почетный титул. При оформлении решений по государственным вопросам не было необходимости даже в подписи короля. Чиновники по своему усмотрению пользовались штампом с именем монарха.

Под влиянием событий Северной войны в России происходит трансформация политики памяти в отношении А. Невского. Помимо переноса мощей в Александро-Невскую лавру следует отметить и изменение иконографии: из монаха-схимника А. Невский стал воином-защитником родной земли. Невский проспект Петербурга назван в честь святого, а не по названию реки. В 1725 г. Екатерина I, исполняя волю Петра, учредит орден А. Невского. Он и поныне входит в наградную систему страны, возрожденный в 1942 г.

Выступление Швеции против России в 1741 г., ставшее результатом влияния французской дипломатии, закончилось 7 (18) августа 1743 г.

заключением Абоского мира, который закрепил и частично расширил условия Ништадского мира¹. Реванш шведам не удался.

Сразу после его заключения Швеция попросила помощи у России из-за датской военной угрозы. Для поддержки буквально вчерашнего противника был направлен 10-тысячный корпус войск. Фридрих I публично выражал свой восторг такими словами: «Я очень доволен, что прежде смерти имею счастье видеть перед собою и под своей командою войска столь могущественной и славной императрицы, и в случае нужды я никому не уступлю чести командовать ими»². Как только Швеция перестала нуждаться в российской поддержке, и войска 10 (21) июля 1744 г. отправились на Родину, шведская политика вновь стремительно стала антироссийской.

После воцарения Екатерины II на российском престоле ею было буквально сразу проявлено внимание к бывшим шведским землям. В 1762 г. она учредила Коллегию лифляндских, эстляндских и финляндских дел. И только через год, в 1763 г., в стране появятся такие крайне важные учреждения как Коллегия экономики, Медицинская коллегия, Генеральный штаб в составе Военной коллегии³. Главная задача Коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел заключалась в обрусении этих земель. Следует отметить, что Коллегия в этом весьма преуспела. Так, Ф.Ф. Вигель, побывавший в Выборге в 1811 г., в своих Записках отмечал, что «на улицах встречал я почти один русский народ и слышал один русский язык. Так же как и в Нейшлоте, во всех других малых городах Старой

¹ См.: История дипломатии: В 3 т. Т. 1. М., 1941. С. 278.

² *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С. 249–250.

³ См.: *Макашов И.Н., Овчинникова Н.В.* Управленческая мысль России (IX – начало XXI в.). М., 2016. С. 327.

Финляндии, Карелии или Саволакса, все главные лица от купеческих и мещанских выборов были из русских»¹.

Другое важное событие произошло буквально спустя несколько недель царствования Екатерины II. Н.И. Панин, являвшийся воспитателем наследника Павла Петровича, представил ей проект по ограничению самодержавия, основанный на шведском опыте. Его суть – контроль за императорской властью со стороны «особого органа – императорского совета из шести – восьми человек, а также Сената». Н. Эйдельман отмечает, что «к концу августа 1762 г., казалось, вот-вот могла бы осуществиться реформа государственного управления: сохранилась рукопись манифеста, где только что возвращенный из ссылки канцлер А.П. Бестужев именуется «первым членом вновь учреждаемого при дворе императорского совета». Однако 31 августа в печатном тексте манифеста этих строк уже нет»². Манифест императрица подписала 28 декабря 1762 г., но в силу он не вступил, потому что был собственноручно надорван.

Екатерина отмечала в переписке, что Н.И. Панин – «самый искусный, самый смысленый, самый ревностный человек при моем дворе», но лично ему не доверяла и не любила его, считая его сторонником ограниченной формы правления³. Шведская «эра свободы» у нее ассоциировались с поражениями и бессилием.

Императрицу беспокоил тот факт, что наследник «столь чтит и уважает» воспитателя, прививающего ему идеи ограничения самодержавия. Вопрос влияния на Павла Петровича был «ахиллесовой пятой» Екатерины. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что на притязания датского двора участвовать в опеке над наследником она ответила буквально следующее: «Я императрица России, и худо оправдала

¹ Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Часть третья. М., 1892. С. 166.

² Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. М., 2010. С. 133.

³ См.: История дипломатии... С. 285.

бы надежды народа, если бы имела низость вручить опеку над моим сыном, наследником русского престола, иностранному государству, которое оскорбило меня и Россию своим необыкновенным поведением»¹.

Не случайно Ф.М. Гримм писал, что в беседах с императрицей Д. Дидро «ходил по краю пропасти». Ведь философ затрагивал и такие опасные темы, как «ограничение абсолютной власти монарха представительными учреждениями, которым следует передать законодательные функции; порядок наследования власти и “перевороты” которые сотрясают государство; воспитание наследника престола; освобождение крестьян; необходимость внушения нации духа свободы и формирования “третьего сословия”; свобода предпринимательства и веротерпимость»².

Вероятно, что военная и дипломатическая слабость Швеции при парламентском правлении повлияли на формирование убеждения Екатерины II в том, что «нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям»³, а для этого лучшим отечественным государственно-правовым устройством она считала самодержавие.

Удивительно созвучны мнению российской императрицы оказались соображения шведского короля. Обратившись к основным положениям Конституции Густава III, принятой в 1772 г., мы увидим, что, акцент в ней сделан на действиях парламентских группировок с 1719 по 1772 гг., свергнувших страну в хаос. При этом Швеции противопоставлены другие государства Европы, развивавшиеся и процветавшие под управлением монархов. Вывод сделан следующий: «...и так как мы находим при этом, что нынешнее положение страны требует для достижения упомянутой высокой полезной цели исправления Конституции...». Так, получился

¹ Там же.

² Мезин С.А. Указ. соч. С. 119.

³ Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 68.

своеобразный симбиоз власти парламента и короля. Документ предусматривал для монарха обширные полномочия. В статье 40 говорилось о том, что король имеет право законодательной инициативы.

Известно, что не только усиление королевской власти в Швеции беспокоило российскую императрицу. В Российской империи становились популярными масонские ложи шведской системы так называемого «строгого наблюдения», а Великим правящим мастером шведского масонства был король Густав III (с 1780 г. – его брат, герцог Карл)¹.

Масонское правление для лож шведской системы в России осуществлял «Капитул Феникса», специально созданный в феврале 1778 г. Таким образом, часть русской аристократии фактически оказалась в подчиненном состоянии. В своем исследовании Е.С. Шумигорский отмечает, что примерно в это же время был посвящен в масоны Великий князь Павел Петрович². Екатерина «почла весьма непристойным столь тесный союз подданных своих с принцем крови шведской»³.

В этих условиях король все более утверждался в идее реализации антирусской политики. Видя, что Россия поглощена событиями на турецком фронте, он решил, что нельзя упускать возможность вернуть земли, потерянные Швецией еще при Петре I. Летом 1788 г. им было принято решение о войне, которое прямо противоречило положению конституции, требовавшему согласия сословий на наступательную войну. Густав двинул войска по суше на Петербург, рассчитывая вскоре «отобедать в русской столице». Король поторопился и не учел, что русский флот, командированный в Средиземное море, все еще находился на Балтике. В июле 1788 г. оба флота сошлись в ожесточенном морском сражении у Гогланда. В результате шведский флот отошел в Свеаборг,

¹ См.: Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822 гг.). Пг., 1916. С. 9.

² См.: Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 55.

³ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 47.

высадка шведского десанта уже не угрожала Петербургу¹. При этом Османская империя всячески подстрекала Швецию к продолжению войны, подписав с ней в июле 1789 г. договор о финансировании военных действий. В июле 1790 г. Россия потерпела морское поражение от шведов, но и их потери были огромны. По условиям мирного договора, подписанного в Вереле (1790 г.), Швеция была вынуждена отказаться от какого-либо изменения границ. Его основой было признание status quo.

При этом шведская война во многом разрушила построенные «испанские замки» (так называла Екатерина свои амбициозные планы) в отношении Турции, потому что поход на Константинополь не мог состояться. Ясский мир 1791 г. только продвинул границы России до Днестра и утвердил односторонний акт о присоединении Крыма². Как справедливо отметил В.О. Ключевский, «вторая война (1787–1791), победоносная и страшно дорого стоившая людьми и деньгами, кончилась тем, чем должна была кончиться первая: удержанием Крыма и завоеванием Очакова со степью до Днестра, за Россией укреплялся северный берег Черного моря, без Дакии и без второго внука на константинопольском престоле»³.

Для Швеции последствия войны оказались крайне тяжелыми. Усугубила ситуацию сильнейшая инфляция. Сохранилась, став крылатой, фраза короля по этому поводу: «В Швеции есть еще бумажные фабрики». Обсуждение нового проекта конституции сформировало сильную оппозицию, которая не исключала приход к власти насильственным путем. Среди них был и бывший капитан лейб-гвардии Анкарстрём, уверенный, что во всех шведских бедах виноват король. В результате его выстрел

¹ См.: *Мадариага И.* Екатерина Великая и ее эпоха. М., 2006. С. 322.

² См.: *История дипломатии...* С. 291.

³ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 2004. С. 606.

на маскараде 16 марта 1792 г. король был тяжело ранен и скончался спустя две недели.

«Пренебрежение к шведу» сыграет злую шутку с императрицей Екатериной II буквально перед самой смертью, а, вполне вероятно, что и приблизит ее. Дело в том, что брак любимой внучки со шведским королем (сыном Густава III), казавшийся Екатерине делом решенным, расстроился в самый последний момент, несмотря на обещания королю ограничить российское влияние на шведскую политику и внутреннюю жизнь, а также выделить финансовые субсидии. Камнем преткновения явился вопрос о религии будущей шведской королевы, хотя еще Густавом III был принят закон, согласно которому «король Швеции мог жениться на избраннице, исповедующей другую религию»¹.

Интересен правовой аспект посещения шведским королем Петербурга, поскольку действующее шведское законодательство до совершеннолетия не позволяло ему посещать столицы иностранных государств. Однако, появление Густава Адольфа в российской столице в августе 1796 г. инкогнито в сопровождении дяди, являвшегося его опекуном, не было секретом ни для кого в Европе.

После того, как шведский посол, барон Стединг официально на торжественной аудиенции у императрицы попросил от имени Густава IV руки Александры Павловны, бабушка благословила Великую княжну. Помолвка была назначена на 24 сентября, но на нее король просто не явился. Курьеру, направленному в его гостевую резиденцию, он велел передать ожидающей в тронном зале Зимнего дворца Екатерине II, что не поставит подпись под брачным договором, содержащим следующий пункт: «Александра Павловна остается в православной вере и может иметь в Стокгольме свою капеллу»². Александра Павловна стала предметом

¹ Григорян В.Г. Русские жены европейских монархов. М., 2011. С. 72.

² Там же. С. 76.

всеобщей жалости, а российская императрица восприняла случившееся как личное оскорбление. В ноябре 1796 г. ее не стало.

Следующий этап взаимовлияния порожден инициированной Швецией войной с Россией, поражение королевства в которой зафиксировал Фридрихсгамский мирный договор. Еще до его заключения Александр I на финляндском сейме в Борго обещал сохранение конституции и коренных законов.

Это событие стало катализатором развития концепций обустройства государства на основе конституции в России. К ним мы можем отнести, например, проекты М.П. Бестужева-Рюмина, М.М. Сперанского, П.И. Пестеля, Н. Муравьева. Например, М.М. Сперанский в своем конституционном проекте неоднократно подчеркивал необходимость конституционного устройства и особой формы охраны закрепленных принципов.

Оно же породило политико-юридическую дискуссию о правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи во второй половине XIX в. В ней приняли участие ведущие отечественные правоведы: А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Н.С. Таганцев и др. Об актуальности финляндского вопроса не только в теории права, но и в практической плоскости свидетельствует тот факт, что в первом составе Временного правительства был министр по делам Финляндии юрист Ф.И. Родичев.

Свержение с престола Густава IV Адольфа в марте 1809 г. армейскими офицерами на фоне военного поражения от России и изгнание его из страны выглядит вполне закономерным в контексте историко-социологической модели войны-легитимности Р. Ханнемана. Она гласит,

что победы обеспечивают повышение уровня легитимности власти, а поражение – снижение¹.

Следует заметить, что конституция Швеции, которой страна и сегодня гордится как самой старой из действующих ныне письменных конституций Европы, стала одним из результатов поражения в войне с Россией в 1809 г. и необходимости осмысления его итогов. Таким образом, развитие шведской конституционно-правовой идентичности осуществлялось при косвенном влиянии Российской империи. Основным законом королевства был принят 6 июня 1809 г. и установил новый порядок наследования и форму правления. Конституция основывалась на принципе разделения власти. Несмотря на целый ряд существенных изменений, она до настоящего времени служит основой шведской государственной системы.

Таким образом, влияние России и Швеции было взаимным и сказалось на различных сторонах жизни и аспектах идентичности обеих стран, включая государственную и правовую систему.

¹ См.: Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2010. С. 67.

Монаршая миссия как имперский концепт
в международных отношениях первой половины XVII в.

*С.О. Гафуров*¹

Изучение феномена Империи в качестве самостоятельного исследовательского направления ведется уже достаточно давно. Почти сразу же обнаружилась проблема оформления предметного поля так называемой империологии, что затрудняло и затрудняет взаимодействие ученых в данной области. Так, П.Ф. Бэнг указывал на то, что в исследованиях империй установилось 4 основных дискурса: экономический (анализ систем перераспределения ресурсов на разных уровнях), политический (анализ отношений центра и элиты подчиненных территорий), идеологический (анализ имперского сознания) и военно-соревновательного (анализ международных отношений)². Такой подход к анализу исследований империй показывает, что самостоятельной научной проблематики империологии еще не сложилось. Скорее направление оформляется вокруг более обширных проблем, как, например, история международных отношений.

Зачастую ученые сознательно избегают формулировку «международные отношения» относительно раннего Нового времени, однако ее использование вполне оправдано. Говоря о международных отношениях, ученый подчеркивает связь исследований о природе

© Гафуров С.О., 2023

¹ Гафуров Сергей Олегович, магистрант Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета.

² См.: The Oxford World History of Empire. Vol. 1: The Imperial Experience / Ed. by P.F. Bang, C.A. Bayly, W. Scheidel. Oxford, 2021. P. 49.

отношений государственных образований. То есть можно сказать, что посредством использования понятия можно проблематизировать работу.

Следует также остановиться на остальных заявленных формулировках. В данной статье следует определять понятие монаршей миссии как общую цель правления монарха или смысл существования монарха/династии. Здесь также нужно отметить, что рассматривается именно внешний срез политической жизни Европы. Немаловажно в этом контексте также выделить С.Е. Федорова, так как он подчеркнул важность характера имперской идеи как миссии на материале XV–XVI вв.¹ Имперский концепт – ведущий замысел, конструктивный принцип имперской политики. Снова следует обратить внимание на то, что речь идет об этом в рамках межгосударственных военно-соревновательных отношений. В свою очередь, имперская политика в рамках военного соперничества – это достижение гегемонии (в очень близком значении к оригинальному греческому термину «ведущий за собой»).

Имперская политика первой половины XVII в. для многих исследователей истории международных отношений связана с идеей универсальной монархии. Дискуссия о роли универсалистской политики в эпоху Тридцатилетней войны ведется с 40–50 гг. XX в. Усилиями крупнейших ученых-международников Г. Моргентау, Х. Булла, Л. Гросса зародилась концепция Вестфальской системы, которая основывалась на противопоставлении универсалистской державы Габсбургов, намеревавшейся править Европой, и национальных государств Европы, которые сумели установить первую систему международных отношений².

¹ См.: Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 1. С. 77.

² См.: Morgenthau H.J. The Problem of Sovereignty Reconsidered. Columbia Law Review. NY, 1948. Vol. 48, № 3. P. 341; Bull H. The Anarchical Society A Study of Order in World Politics. N.Y., 2012. P. 31; Gross L. The Peace of Westphalia, 1648-1948 // The American Journal of International Law. 1948. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.

На рубеже XX–XXI вв. ряд исследователей раскритиковали положения Вестфальской системы, и тема получила новый угол зрения. Так, А. Осиандер и Р. Лесаффер обосновали свои выводы о несостоятельности Вестфальской концепции на основе анализа текста Мюнстерского и Оснабрюкского договоров¹. Б. Тешке интерпретировал международные отношения раннего Нового времени как систему, имеющую логику династических отношений, в которой универсализм был лишь инструментом легитимации экспансии². В некоторых случаях исследователи стали даже прямо говорить о незначительности универсалистской концепции в политической системе³. К изучению имперского сознания эпохи Тридцатилетней войны и универсализма с конца 1680-х гг. неоднократно обращались немецкие историки, а в последние 10 лет стали обращаться англоязычные⁴. Интересное видение, в каком-то смысле совместив противоположные позиции в упомянутой дискуссии, предложил Й. Буркхардт, который рассмотрел с точки зрения универсалистской концепции политику Швеции, Франции

¹ См.: *Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. Cambridge, 2001. Vol. 55. № 2. P. 268–272; Lesaffer R. The non-Westphalian Peace // Oxford Public International Law (OPIL). URL: <https://opil.oup.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwestphalian-peace> (дата обращения: 17.02.2023).*

² См.: *Teschke B. Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism // European Journal of International Relations. N. Y., 2002. P. 7.*

³ См.: *Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 44.*

⁴ См.: *Bosbach F. Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen, 1988; Burkhardt J. Deutsche Geschichte in der frühen Neuzeit. München, 2015. V. 2; Kessler J. Die Entwicklung der Universalmonarchie – Idee in der Frühen Neuzeit. München, 2010; Schröder P. The Concepts of Universal Monarchy & Balance of Power in the first Half of the Seventeenth Century // International Law and Empire: Historical Explorations. Oxford, 2016. P. 83–100; War, the State and International law in Seventeenth-Century Europe / Ed. by O. Asbach, P. Schröder. Farnham, 2010; Gelderen M. Universal Monarchy, the Rights of War and Peace and the Balance of Power. Europe's Quest for Civil Order // Reflections on Europe. Defining a Political Order in Time and Space. 2007. № 37. P. 49–71.*

и державы Габсбургов¹. Данный текст предполагается включить в рамки упомянутой дискуссии об истории международных отношениях первой половины XVII в. и роли имперских идей в ней.

В рамках настоящей работы под понятием универсализма подразумевается политическая концепция, разработанная на рубеже XV–XVI вв. императором Максимилианом I Габсбургом и канцлером императора Карла V Гаттинойой де Меркурино. Причем именно с фигурой Гаттинары связывают формирование универсалистского дискурса Габсбургов. По мысли канцлера, Вселенский монарх имел функцию верховного судьи христианского общества с целью сохранения мира, права и безопасности. Короли и князья должны были бы обращаться к его суду в спорах и войнах и под его верховным командованием выступить против Османов. Вселенский монарх должен был привести христианский мир к последней фазе истории перед концом света, победив османскую империю². Гаттинара в своей автобиографии писал: «Сам Всевышний, которому все подвластно, казалось, отдал власть над войной и миром в руки Императора. Это было сделано не для того, чтобы Император мог злоупотреблять всеми милостями, дарованными ему Богом, а для увеличения и возвышения христианской религии»³.

Монаршие миссии, которые в данном докладе определяются синонимично с имперскими идеями первой половины XVII в., имели схожую генеалогию и «пересобирались» в различных обстоятельствах. И наиболее важная из таких «наборов» была универсалистская концепция.

¹ См.: War, the State and International law in Seventeenth-Century Europe / Ed. by O. Asbach, P. Schröder. Farnham, 2010. P. 18–33.

² См.: *Bosbach F.* Die Habsburger und die Universalmonarchie im Dreißigjährigen Krieg // Las Relaciones entre la Monarquía Católica y el Imperio. Actas del Congreso Internacional. Madrid, 2011. P. 73.

³ *Gattinara M.* The Autobiography // Boone R. Mercurino di Gattinara and the Creation of the Spanish Empire. London, 2014. P. 112.

Для данной статьи было подобрано четыре примера монарших миссий: австрийские и испанские Габсбурги; Франция и Швеция. Данная выборка сложилось во многом из-за научных интересов автора, проработывавшего источники, преимущественно связанные с деятельностью императоров Священной Римской империи эпохи Тридцатилетней войны. Поэтому не рассматриваются, например, Англия, Речь Посполитая и Русское царство. Хотя еще Б.Ф. Поршнев указывал на то, что в парламенте кромвелевской Англии говорили о республике как о пятой монархии¹. Или как в случае с Польшей можно уверенно говорить об имперском проекте, основанном на династических притязаниях династии Ваза. Большим потенциалом в подобном рассмотрении обладает монаршая миссия Дании. Несмотря на то, что в исследованиях П.Д. Локкарта рассматривались правовые стороны интервенции короля Кристиана IV в Германию, тем не менее важных наблюдений в имперской проблематике сделано не было². В общем, список примеров должен лишь пополняться.

Универсалистский дискурс в качестве монаршей миссии в первую очередь конечно же использовался Габсбургами, хотя между ветвями династии были значительные различия. Структура универсализма с выраженным государственно-светским окрасом обнаруживается во французской риторике. Наконец, Швеция – единственная протестантская страна в этом списке – использующая достаточно самостоятельный нарратив.

Теперь кратко о специфике этих концептов. Наиболее последовательно основные знаки и последовательность универсалистского дискурса прослеживаются в политической риторике Австрийского дома.

¹ См.: Поршнев Б.Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1979. С. 144.

² См.: Lockhart P.D. Political Language and Wartime Propaganda in Denmark, 1625–1629 // European History Quarterly. 2001. № 31. P. 5–42.

Политика универсализма, наиболее актуальная в 1624–1627 гг., здесь связана с главой Тайного совета при Фердинанде II принцем Гансом Ульрихом фон Эггенбергом. Согласно Эггенбергу император благодаря своему статусу и праведности имеет право на то, чтобы установить арбитраж над всеми другими народами; император должен по своему статусу и по своей праведности защищать истинную веру, которая подвергалась нападкам; тем самым он сможет принести мир и процветание¹. При этом соседство с Османской империей делало особенно актуальной идею о крестовом походе против турок.

В первой половине XVII в. Испания была подвержена влиянию тенденций на продолжение политической традиции и вместе с этим благодаря первому советнику Филиппа III герцогу Лерма, фактически управлявшим монархией в 1599–1618 гг., возникали новые амбициозные проекты. Универсалистский дискурс в Испании проявлялся чаще всего в изображениях, картах². Характерные элементы воззрений Гаттинары продолжали проявляться: такие как ориентация на контроль Италии, непримиримое противостояние с Францией, освобождение восточнохристианского населения Османской империи и т.д. Однако универсализм стал в большей мере объектом обсуждений интеллектуалов³. Миссия монарха уже при Филиппе III оформлялась как борьба с соперничающими державами, в схватке с которыми с божьим проведением Габсбурги должны выстоять, не потеряв своих владений,

¹ См.: *Гафуров С.О.* Формирование внешнеполитической концепции австрийских Габсбургов в 20-е годы XVII века // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Сборник. СПб., 2023. С. 393–395.

² См.: *Imperium / Empire / Reich: Ein Konzept politischer Herrschaft im deutsch-britischen Vergleich* / F. Bosbach, H. Hiery (Herausgegeben). München; Saur, 1999. S. 61.

³ См.: *Bosbach F.* *Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit.* Göttingen, 1988. S. 9.

а в конечном итоге добиться подавления Англии и Франции и искоренить ереси¹.

Идея воссоединения христианства под французским началом впервые была сформулирована в трудах Жоашена Дю Белле². При Генрихе IV выразителями универсалистского дискурса были такие персонажи, как глава правительства с 1597–1611 гг. герцог Сюлли и герцог Анжуйский³. Наиболее важным документом, очевидно, является «Великий замысел» Сюлли. По его мысли задумывалось создать международную организацию, состоящую из более 15 держав Европы с доминирующими позициями короля Франции и папы римского⁴. Таким образом следовало решить проблему турецких завоеваний. Иными словами, планировалось уладить отношения между католиками и протестантами. В этой концепции важно подчеркнуть светский характер гегемонистского преобладания Франции в Европе, которое выражалось в судебных функциях короля Франции. Если говорить об имперских амбициях Ришелье, стоит обратиться к меморандуму 1632 г., в котором указано, что цель вмешательства Франции в Тридцатилетнюю войну – разрушить австрийский дом, извлечь выгоду из его расчленения и сделать французского короля главой католических монархов и властителем Европы. Сделать это нужно было с помощью шведов, которые впоследствии должны были подчиниться мощи французской монархии⁵.

Как писал Й. Буркхардт, шведская имперская идея периода Тридцатилетней войны – это идея о первом народе, законном наследнике

¹ См.: *Allen P.C. Philip III and the Pax Hispanica 1598-1621: The Failure of Grand Strategy.* Yale, 2000. pp. 240–244.

² См.: *Дю Белле Ж.* Защита и прославление французского языка // *Эстетика Ренессанса:* В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 236–307.

³ См.: *Bosbach F. Monarchia universalis...* S. 81.

⁴ См.: *Демичева Т.М.* «Великий проект» Генриха IV как средство предотвращения войн в Европе // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени.* СПб., 2015. № 14. С. 133.

⁵ См.: *Osiander A. Op. cit.* P. 260.

готов (Т. Карлсон использует понятие Готицизм)¹. При Густаве Адольфе идентичность Rex Gothorum в полной мере оформляла имперское сознание династии. В соответствии с книгой пророка Даниила шведская держава должна была осуществить функцию «перехода», как в свое время готы сменили римлян. При этом Король находился под влиянием последователей Парацельса Иохана Шютте и Иоганна Буреуса (наставник Густава Адольфа). Они продвигали идею о пророчестве, которое полностью изменит мир. Исполнение пророчества ожидалось после падения Австрийского дома. Самая важная часть пророчества также говорит, что в это же время с севера, земли полуночи, придет золотой Лев, и этот Лев, “Der Löwe aus der Mitternacht”, поколеблет Орла, то есть императора. Достаточно легко угадать, что миссия льва надлежало исполнить Густаву Адольфу².

В качестве выводов можно перечислить особо важные с точки зрения заявленной проблематики аспекты:

Пространство: здесь имеется ввиду пространство (определенное в конкретном случае), которое необходимо каким-то образом организовать для осуществления миссии/замысла. Причем в примере с Францией религиозный фактор играет значительно меньшую роль, чем в остальных случаях. С Австрийским домом использована формулировка Эггенберга: среди всех правителей и народов³. Испанская экспансия здесь очерчена прежде всего на период деятельности Графа герцога де Оливареса, когда представлялось, что доминирование монархии должно быть оформлено на европейском континенте⁴. В тех же пространственных рамках был

¹ См.: Imperium / Empire / Reich: Ein Konzept politischer Herrschaft im deutsch-britischen Vergleich / F. Bosbach, H. Hiery (Herausgegeben). München: Saur, 1999. S. 62.;

Карлссон Т. Адулруна. Готическая каббала. Домодедово, 2009. С. 20.

² См.: *Карлссон Т.* Адулруна. Готическая каббала. Домодедово, 2009. С. 25–27.

³ См.: *Гафуров С.О.* Указ. соч. С. 394.

⁴ См.: *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 461.

организован французский имперский концепт. Хотя также следует учитывать, что на это положение у разных деятелей были разные взгляды. Специфическая ситуация сложилась в Швеции, где, в частности, Буреус указывал на пророчества Парацельса и считал, что необходимо отыскать три скрытых сокровища, чтобы пророчество сбылось: первое сокровище спрятано в городе Вайда во Фриули, другое — между Швабией и Баварией в месте, которое он не хочет называть, чтобы избежать великого зла. Третье сокровище будет найдено между Испанией и Францией¹. По этим территориальным маркерам очерчивалось пространство имперского «готицизма».

Императорский статус: этот момент очень важен с учетом дипломатического дискурса этого периода, так как огромную роль играли монаршие списки, в которых обладание императорским титулом переводило монарха в иную категорию среди светских правителей, возвышающегося над всеми в иерархичной системе междинастических связей. Наиболее устойчивым статусом обладали правители Австрийского дома, которые наследовали титул императора Священной Римской империи. В среде испанских интеллектуалов испанский король считался императором, так как он исполнял функции императора. Также испанская линия Габсбургов претендовала на императорский титул Священной Римской империи с 1612 по 1617 г. Франция тоже предъявляла претензии на титулы римского короля и императора с 1641 по 1658 г.² Швеция — с 1630 по 1632 г., во время похода Густава Адольфа³. Примечательно здесь то, как хронологически пересекаются периоды геополитического преобладания с претензиями на императорскую корону.

¹ См.: Карлссон Т. Адулруна... С. 25.

² См.: Schmidt G. Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit; 1495–1806. München, 1999. S. 166.; Губер П. Мазарини. М., 2000. С. 433. Ивонина Л.И. Мазарини (ЖЗЛ). М., 2007. С. 257.

³ См.: Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война. М., 2012. С. 341.

Самоидентичность династии: несомненен также имперский атрибут, подчеркивающий суверенный, субъектный статус. Австрийские Габсбурги извлекали идентичность в первую очередь из императорского титула. Соперничающие Испания и Франция обладали уникальными титулами «Католический король» и «Христианнейший король». Шведская династия Ваза использовала формулу “*Rex Gothorum*”¹.

Правовые стороны имперских концептов. Наиболее важные юридические источники монарших миссий: римское право, пророчества Даниила, защита церкви. Придворной австрийской элите было свойственно находить аргументы для имперской идентичности в римском праве и в статусе защитника церкви. Испанские юристы также привлекали римское право и статус защитника веры, а также дополняли извлечениями из пророчеств Даниила. Причем, по мнению Ф. Босбаха, Испанию выделяло обращение к 5-ой монархии². Пророчества Даниила находили место и в трудах французских интеллектуалов³. Особо важное место в риторике Ришелье играла борьба Франции с беззаконной тиранией Габсбургов⁴. Также нужно снова отметить более светский характер французской легитимации имперского концепта. Династия Ваза по своему интерпретировала пророчества Даниила и создала протестантский аналог миссии защитника веры и соседей единоверцев⁵. Однако ключевой элемент шведской легитимации – пророчества Парацельса.

¹ См.: *Burkhardt J.* Deutsche Geschichte in der frühen Neuzeit. München, 2015. V. 2

² См.: *Bosbach F.* Monarchia universalis... S. 73–75.

³ Ibid. P. 73.

⁴ См.: Richelieu's reflections on French policy after 1630 // *Wilson P.H.* The Thirty Years War: A Sourcebook. London, 2010. P. 216.

⁵ См.: *Salvius J.A.* Ursachen, Warumb der der Durchläuchtigste vnd Großmächtigste Fürst vnd Herr, Herr GUSTAVUS ADOLPHVS Der Schweden, Gothen, vnd Wenden Königl. Großfürst in Finland, Hertzog zu Estonien vnd Carelien, Herr des Jngerman landes, Endlich genötiget ist, Mit einem Kriegs Heer auff den Deutscher Boden sich zu begeben. Stralsund, 1630.

Участие Российской империи в первом разделе Речи Посполитой
в трактовке русскоязычного сегмента YouTube

*М.В. Чернова*¹

В различных странах издано значительное количество монографий, архивно-документальных публикаций, посвященных вопросу падения Польского государства. Ученые выявили повторяемость и продолжительность тенденции разделов. События 1772, 1793 и 1795 гг. – это одно из проблемных полей европейской истории и российско-польских отношений². Отголоски русско-польского противостояния до сих пор дают о себе знать в исторической памяти³. В Новейшее время произошли определенные перемены в русско-польских взаимоотношениях и в трактовке истории польского вопроса⁴. В целом, история взаимоотношений России и Польши полна событий, вызывавших вооруженные столкновения, взаимные претензии, дискуссии, создававших отрицательные образы и стереотипы⁵. С другой стороны, на сегодняшний момент исторические исследования обогатили свои теоретические и методологические инструменты, началось изучение электронных ресурсов и интернет-источников. В 2022 г. исполнилась 250-летняя годовщина первого раздела

© Чернова М.В., 2023

¹ Чернова Мария Викторовна, магистрант 2-го курса исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета, историк-полонист. Область исследований: Интернет, историография и историческая память.

² См.: *Стегний П.В.* Разделы Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 3.

³ См.: *Горизонтов Л.Е.* Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

⁴ См.: *Аржакова Л.М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. С. 3.

⁵ См.: *Мусиенко С.Ф.* Имагология в научных трудах В.А. Хорева // День и вся жизнь: Светлой памяти Виктора Александровича Хорева посвящается: Сб. науч. работ. Гродно, 2013. С. 34.

Речи Посполитой. Это повлекло массовые обсуждения этого феномена, как в Польше, так и во многих других странах.

Видеоролики подразделяются на компьютерные, мультипликационные, игровые или их комбинации¹. Мы используем аудиовизуальные разнородные материалы как профессиональных историков, так и историко-развлекательных каналов и каналов, которые специализируются не только на историческом направлении.

Прежде всего, начнем с проблемы предпосылок и причин разделов Речи Посполитой. В отношении этого Youtube обладает определенным сходством с историографическими трактовками. В русскоязычном Youtube просматриваются идеи российской консервативной историографии XIX в.², а также мысли краковской школы об обстановке внутри самой Речи Посполитой накануне разделов. Их мнения также склонны к версии современных исследователей³. То есть, при выделении и внутренних, и внешних причин разделов, внутренние часто оказываются значимее и весомее. Иностранные государства, заключившие между собой договор, лишь использовали слабость Речи Посполитой в своих целях⁴.

Хотя есть и определенные исключения из этого правила, которые особое внимание обращают на внешнеполитическую активность России,

¹ См.: Видеоролик // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/18146> (дата обращения: 10.12.2022)

² См.: *Кручковский Т.Т.* Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. // *Славяноведение*. 1993. № 5. С. 76–77; *Аржакова Л.М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М, 2015. С. 23.

³ См.: *Бухарин С.Н.* Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. М, 2011. С. 50

⁴ См.: Первый раздел Речи Посполитой // Redroom URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GTG0EsScQyU> (дата обращения: 10.12.2022); История отношений России и Польши // Tamara Eidelman URL: https://www.youtube.com/watch?v=Q_aDQ1Y0t4g (дата обращения: 10.12.2022); Политический кризис Речи Посполитой и ее разделы // Одиссея URL: https://www.youtube.com/watch?v=-HxY1_PGIWI (дата обращения: 10.12.2022).

Австрии и Пруссии и демонстрируют Речь Посполитую жертвой интриги трех государств¹.

Исторический этап, который переживала Речь Посполитая во второй половине XVIII в., раскрывается как время внутренней анархии², к которой приводила политика амбициозных магнатов и их всевластие³, то есть, шляхетская демократия⁴, само польское дворянство представляло из себя настоящую «пятую колонну»⁵, своими действиями шляхтичи подрывали общественно-политический порядок, в свою очередь это часто приводило к блокировке работы Сейма⁶, все это соответственно «раскачивало стабильность»⁷. Весь XVIII в. демонстрируется как «период грызни и возни», эпоха «типичных польских внутренних разборок»⁸. Речь Посполитая предстает как «забагованное государство, в котором ничего

¹ См.: Станислав II Август Понятовский // istorionet URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zYINOXkAMps> (дата обращения: 10.12.2022); Раздел Польши. Три катастрофы польского государства // История без лженауки. LETA. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EaPKuugZNhw> (дата обращения: 10.12.2022); Первый раздел Польши: кто делил и какие интересы преследовал? // 365 дней тв. URL: https://www.youtube.com/watch?v=K_Fhcd0Cbjk (дата обращения: 10.12.2022); Внешняя политика Российской империи второй половины XVIII столетия // История.рф. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7JHXSpqmFnY> (дата обращения: 10.12.2022); История Беларуси, 7 класс: Политический кризис в Речи Посполитой // Минский городской институт развития образования. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7JHXSpqmFnY> (дата обращения: 10.12.2022); Граница. Часть 6 Разделы Речи Посполитой // ВоенТВ Беларуси. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fJky4Lq9k5k> (дата обращения: 10.12.2022).

² См.: Разделы Речи Посполитой на пальцах // Dantesev. URL: https://www.youtube.com/watch?v=F1Kg_M1k7c0 (дата обращения: 10.12.2022).

³ См.: История Польши на карте. Раздел Речи Посполитой // История на карте. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Gj4mGYamBFo> (дата обращения: 10.12.2022); Дискуссия. 250 лет первому разделу Речи Посполитой. Андрей Буровский и Михаил Мягков // Лекторий Достоевский. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=roXjdLaLoXU> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ См.: Польский вопрос в русской мысли // Philoso FAQ. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dcVgVPU6_hE (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ Что получила Россия от раздела Речи Посполитой // Радио комсомольская правда. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BV7KEXOfCt0> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ См.: Дискуссия. 250 лет первому разделу Речи Посполитой.

⁷ История Польши на карте. Раздел Речи Посполитой.

⁸ Первый раздел Речи Посполитой // Redroom. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GTG0EsScQyU> (дата обращения: 10.12.2022).

не работало»¹, которая находилась в «политическом летаргическом сне»². Она оставалась страной с «элементами ярко выраженного варварства»³. Речь Посполитую сравнивали с «постоялым двором и трактиром для иноземных войск»⁴. По мнению ютуберов, «страна стала беспомощной, и соседи практически без военных действий разделили ее»⁵. Государство к концу XVIII в. стало «рыхлым и слабым»⁶.

Человек с ником «Den Zh» под одним из видеоконтентов известного блогера написал следующее: «...беды Польши проистекают...из недальновидности, жадности, эгоизма и геополитической тупости польских элит...либерум вето в сейме, рокош...,армии магнатов, религиозная нетерпимость...вот главная...причина развалов...Польши»⁷.

В совокупности, XVIII в. для Речи Посполитой описывается как время анархии и опустошающих военных действий с соседними государствами и между самими поданными, эпоха слабой страны, обескровленной шляхетскими вольностями и взятками, не способной ответить на манипулирование извне и провести до конца свои начинания⁸.

¹ Россия делит Польшу и громит турок // История России для чайников. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y4u7rII2c5E> (дата обращения: 10.12.2022).

² Екатерина Великая: Фавориты и Внешняя Политика // МИНАЕВ.LIVE. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=htsudVpnDdo> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Польша. Раздел // Istorionet. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z7LqnelMxx0> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Политический кризис Речи Посполитой и ее разделы // Одиссея. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-HxY1_PGIWI (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ История Беларуси 18 // Телеканал Беларусь 24. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BOX_8h8qNJQ (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ Дискуссия. 250 лет первому разделу Речи Посполитой. Андрей Буровский и Михаил Мягков // Лекторий Достоевский. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=roXjdLaLoXU> (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ История Польши на карте. Раздел Речи Посполитой // История на карте [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=Gj4mGYamBFo> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ См.: Разделы Речи Посполитой на пальцах // Dantesev [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=F1Kg_M1k7c0 (дата обращения: 10.12.2022); Урок истории в 7 классе «Внешняя политика Екатерины-II» // Наталья Борисова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MLpuzZ9fGew> (дата обращения:

Шведский потоп, восстание Б. Хмельницкого и гражданские войны, Северная война привели Речь Посполитую в неустойчивое состояние, требовалось немедленное реформирование страны¹. Свое влияние продемонстрировала «домашняя война» конца XVII начала XVIII вв.², хотя во многих роликах этот фактор игнорируется³. Таким образом, в Речи Посполитой XVIII в., по выражению М. Мягкова и А. Буровского, царил Смута⁴. В русскоязычном Youtube признается, что Речь Посполитая была географически большим государством, но слабым с политической точки зрения⁵. Больше всего внимания уделяется политической нестабильности и золотым вольностям, слабому аппарату власти и военным неудачам. Это рассматривается и современной историографией⁶.

Дискуссионной является и проблема обозначения страны-виновника. Часть авторов высказывается о доминирующей роли России в ликвидации государственности Речи Посполитой⁷. Другая часть блогеров указывает на

10.12.2022); Россия Екатерины Великой. Передача вторая // 365 Дней ТВ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iveLx32orSg> (дата обращения: 10.12.2022).

¹ См.: Очень краткая история Польши для начинающих. Ч 8. Разделы Речи Посполитой // Тарас Мошовский. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iveLx32orSg> (дата обращения: 10.12.2022); История Польши на карте. Раздел Речи Посполитой.

² См. подробнее: *Слесарунас Г.* Феодальная война 1697–1702 годов // Вялікае княства Літоўскае. Мінск, Беларуская энцыклапедыя. 2006. Т. 2.

³ См.: Исключения, например: Кризис и разделы Речи Посполитой // История Беларуси. Умскул. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FLQx4oDgoA0> (дата обращения: 10.12.2022); Политический кризис Речи Посполитой и ее разделы // Одиссея. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-HxY1_PGIWI (дата обращения: 10.12.2022); Первый раздел Речи Посполитой // История Беларуси. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=g-2x7g5evxs> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ См.: Дискуссия. 250 лет первому разделу Речи Посполитой.

⁵ См.: Первый раздел Речи Посполитой // Истории. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=amXjz4Q5RbU> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ См.: *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 52–53.

⁷ См.: Политический кризис Речи Посполитой и ее разделы. История Беларуси. Подготовка к ЦТ // Одиссея. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-HxY1_PGIWI (дата обращения: 10.12.2022); История Беларуси, 7 класс: Политический кризис в Речи Посполитой // Минский городской институт развития образования. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D3l-9sDZ3lo> (дата обращения: 10.12.2022); Екатерина II: политические игры, военные победы и личные драмы // Правое полушарие Интроверта. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X-jfA9nGCBg> (дата обращения: 10.12.2022); Речь Посполитая. Вся история за 10 минут // Veritas Vincit.

интересы Пруссии, часто в тандеме с Австрией¹ и их фактический шантаж Российской империи турецким вопросом или уже совершенным вводом войск в Речь Посполитую², указывают на попытку России сохранить польско-литовские земли в качестве буферной зоны³. Некоторые ролики демонстрируют Пруссию как инициатора разделов, но при этом выделяется причастность в первом разделе оставшихся стран⁴. В последнем случае позиция Пруссии выступает как отправная точка, но при этом внешнеполитическое вмешательство России было задолго до этого момента. Чаще всего указывают на петровские времена⁵.

URL: https://www.youtube.com/watch?v=Wt3045Lc_HQ (дата обращения: 10.12.2022); Политический кризис и разделы Речи Посполитой // Королевство Истории. URL: https://www.youtube.com/watch?v=JIRNjSZ_25c (дата обращения: 10.12.2022); Романовы. Екатерина Вторая. Великая. Фильм Пятый. Документальный Фильм // Star Media. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OkMy0f4SSGw> (дата обращения: 10.12.2022).

¹ См.: Внешняя политика Екатерины II // Учи уроки с Райаном Гослингом. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UfBb6491V4I> (дата обращения: 10.12.2022); Внешняя политика Екатерины II // Готовимся к ЕГЭ по истории. [URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zhFOiPi5pG4> (дата обращения: 10.12.2022); Екатерина Великая: Фавориты и Внешняя Политика // МИНАЕВ.LIVE. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=htsudVpnDdo> (дата обращения: 10.12.2022); История Государства Российского. Все серии подряд. 431–470 серии // Star Media. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ebh_aA3STg8 (дата обращения: 10.12.2022).

² См.: История. Последствия разделов Речи Посполитой // TutorOnline. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p7nJxhvM030> (дата обращения: 10.12.2022); Внешняя политика Екатерины II // Учи уроки с Райаном Гослингом. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UfBb6491V4I> (дата обращения: 10.12.2022); Станислав II Август Понятовский // istorionet. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zYINOXkAMps> (дата обращения: 10.12.2022)

³ См.: Россия Екатерины Великой. Передача вторая // 365 Дней ТВ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iveLx32orSg> (дата обращения: 10.12.2022); Первый раздел Польши // Зигмунд Кованко. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=09pFK8-9x0c> (дата обращения: 10.12.2022)

⁴ См.: Екатерина Великая: Фавориты и Внешняя Политика.; Первый раздел Речи Посполитой. // Redroom. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GTG0EsScQuY> (дата обращения: 10.12.2022); Польша. Раздел // Istorionet. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z7LqnelMxx0> (дата обращения: 10.12.2022)

⁵ См.: Польша. Раздел // Istorionet. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z7LqnelMxx0> (дата обращения: 10.12.2022); Разделы Речи Посполитой. Елена Денисова. Школа юного историка // Исторический факультет БГУ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ocfi4i4vfoE> (дата обращения: 10.12.2022)

Заинтересованность Российской империи в польских делах можно обнаружить и в науке¹.

Периодически в Youtube встречается идея собирания исконно русских или восточно-славянских земель, их объединения, защита от гнета². Эта концепция выходит из представлений конца XVIII в. В дальнейшем эта идея продолжает существовать в общественном сознании уже XIX в.³. Впоследствии она сохранилась и в XX в.⁴. Третья часть блогеров размышляет о более-менее равной ответственности между странами-участницами разделов⁵.

В современных российских учебниках более распространена позиция о том, что союзные России страны предложили произвести раздел, а Россия была вынуждена согласиться в связи с угрозой возможного политического и военного столкновения⁶. В свою очередь, перекладывание ответственности на Австрию и Пруссию и идея возвращения исконных

¹ См., например: *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004. С. 13–38.

² См.: Александр Суворов. Все битвы генералиссимуса // С Новым Годом. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pQJMXQXNIRA> (дата обращения: 10.12.2022); Дискуссия. 250 лет первому разделу Речи Посполитой; Граница. Часть 6. Разделы Речи Посполитой // ВоентВ Беларуси. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fJky4Lq9k5k> (дата обращения: 10.12.2022); История Государства Российского. Все серии подряд. 431–470 серии // Star Media. URL: [://www.youtube.com/watch?v=ebh_aA3STg8](https://www.youtube.com/watch?v=ebh_aA3STg8) (дата обращения: 10.12.2022).

³ См.: *Каменский А.Б.* в статье «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по руссиеведению. 2016. № 6. С. 220–261; *Аржакова Л.М.* Польский вопрос... С. 23; *Она же.* Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 1. С. 31–39. Описанная идея встречается у Н.И. Кареева, см.: *Кареев Н.И.* «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 382–383.

⁴ См.: *Кручковский Т.Т.* Взгляды Н.И. Кареева на проблематику разделов Речи Посполитой // *Klio polska.* 2018. № 10 С. 124.

⁵ См.: Разделы Польши // Борис Бояршинов со dna российской науки. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0id_73XBRNM (дата обращения: 10.12.2022); Российская империя 5/16 // *khlopovstan.* URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gGjWaMe07wY> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ См., например: История России. 8-й класс: Учеб.: В 2 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 44.

земель исходят из концепции дореволюционной исторической науки¹. Обвинения прусского государства в первом разделе характерно для советской науки², а также современной отечественной историографии³.

Таким образом, дискуссия о первом разделе Речи Посполитой весьма противоречива, однако заметны тенденции, которые мы обнаруживаем и в общественном и научном дискурсах.

¹ *Аржакова Л.М.* Диссидентский вопрос... С. 31–39.

² См.: История Польши: В 3 т. Т. I. М. 1954. С. 321.

³ См., например: *Коршунова Н.* Участие России в разделах Польши: политическая игра или геополитическая необходимость // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2. С. 37–42; *Демидов А.В.* Россия и разделы Польши // Кронос: общественные науки. 2022. № 1. С. 21–22; *Тынянова О.Н.* Первый раздел Польши в фокусе геополитического анализа // Пространство и Время. 2012. № 3. С. 115–124; *Григорьев М.С.* История Украины. М., 2022. С. 134.

Память о русских императорах XVIII в.
в эпистолярном наследии П.А. Вяземского и А.И. Тургенева

М.В. Батшев¹

Для поколения, родившегося в последней четверти XVIII в. и жившего с рождения в атмосфере преклонения перед величием и исключительностью правителей России был характерен интерес к истории XVIII столетия на протяжении всей жизни. Князь П.А. Вяземский родившейся в 1792 г. и А.И. Тургенев, появившейся на свет в 1784 не были исключением.

В их переписке, длившейся несколько десятилетий, и занявшей четыре тома «Остафьевского Архива» и один том «Архива братьев Тургеневых», тема истории XVIII в. и правителей России этого времени фигурировала очень часто. Их интерес чаще фокусируется не на самих императорах, а на разнообразных документах, связанных с тем или иным царствованием. Больше всего внимание Вяземского и Тургенева привлекают различные виды источников личного происхождения, созданные в прошлом (XVIII) в. Их интерес к документальным памятникам минувшего столетия был не просто умозрительным, не шедшим дальше простого ознакомления с текстом того или иного документа, но они часто создавали для себя копии интересных им памятников, присваивая себе таким образом историю прошлого века, века их родителей.

Делятся в письмах собственными юношескими воспоминаниями о знаменитых деятелях конца прошлого века, с которыми были близко

© Батшев М.В., 2023

¹ *Батшев Максим Владимирович*, старший научный сотрудник РНИИ Культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

знакомы их родители. А.И. Тургенев в одно из писем вспоминает книгоиздателя и масона, близкого знакомого своего отца Н.И. Новикова: «Я видел его в нищете, видел его прежде, при выпуске из крепости Павлом в Бороде»¹.

Их интерес не ограничивается документами. Они сообщают друг другу о новых исторических трудах по истории XVIII в. Эти работы не всегда пользуются у них одобрением: «Свиньин читает главы из истории Петра I, лучше писать бы ему историю Лжедмитрия»². Тургенев слушал в Москве чтение этого же произведения. «Я слушал в историческом обществе – вступление в историю Петра I Свиньиного и Архивские замечания на оное Малиновского и прагматические Антона Антонского. Жалею, что и я сделал одно: о мужественном виде младенца Петра – исправлять не должно гения – писателя»³. Тургенев в другом письме сообщает своему другу, что во Франции пишут новую историю Петра Великого⁴.

В отличие от исследований, художественные произведения о Петре воспринимали очень спокойно. Тургенев зимой 1821 г. сообщал своему адресату, что на публичных чтениях в Академии ему стало скучно и он не смог присутствовать на чтении поэмы Воейкова о Петре Великом. Князю Вяземскому стихи Воейкова понравились о чем он написал в письме к своему другу: «Стихи Воейкова очень хороши, но не слишком ли он превозносит жертву, принесенную Петром Великим? Побуждение его не совсем ясно, то есть не озарено исторической достоверностью»⁵. Произведение их общего друга В.А. Жуковского о Петре, вызывает у них

¹ Остафьевский Архив князей Вяземских СПб., 1899. Т. III. С. 202.

² Там же. С. 230.

³ Архив братьев Тургеневых. Выпуск 6-й. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. С. 89.

⁴ См.: Остафьевский Архив князей Вяземских СПб., 1899. Т. III. С. 185.

⁵ Там же. Т. II. С. 165.

восторг: «Читал ли четверостишие Жуковского на Саардамскую хижину Петра I? Прекрасно»¹.

В отличие от стихотворений, историческая проза об эпохе Петра вызывает у Тургенева симпатии: «Повести об увеселениях Петра Великого, Корниловича, любопытны, особливо для жителей Фонтанки, на которой он угощал по указу верных своих подданных»². Значимым фактом памяти об императорах являлись литературные произведения не только на русском языке. В одном из писем Тургенев отправляет своему адресату французское стихотворение, в котором фигурируют Петр I, а также Павел I и его супруга Мария Федоровна, совершающие свой вояж по Европе под именем графов Северных.

В своей переписке они обсуждают разные произведения о событиях XVIII в. В том числе «Записки» французского путешественника Сегюра: «Он за неимением фактов и за неумением понимать Екатерину и Россию, будет умничать и сегюрничать. Впрочем, собери, что сказано о ней дедом его, принцем де Линем, Вольтером; и напиши он умно брошюрку об этом, и то в наше время будет новинка»³. В письме от 11 августа 1820 г. А.И. Тургенев уделяет много внимания своими впечатлениями от прочитанной им рукописи дневника секретаря Екатерины Храповицкого: «Будучи ежедневно и беспрестанно при ней и пользуясь ее доверенностью, а что еще важнее и доверенностью ее Захара, записывал *ipsissima verba* все, что видел и слышал с рабскою и почти с лакейскою верностью»⁴. Рассуждая дальше о прочитанном он пишет: «Сколько живых еще подлецов, сколько подлецов уже мертвых, но бессмертных по милости сих записок»⁵. Его очень заинтересовало содержание дневника. Он показал

¹ Там же. Т. IV. С. 75.

² Остафьевский Архив князей Вяземских СПб., 1899 Т. II. С. 326.

³ Там же. Т. III. С. 315.

⁴ Там же. Т. II. С. 45.

⁵ Там же. С. 46.

его своему непосредственному начальнику Александру Николаевичу Голицыну и тот подтвердил ему достоверность сообщаемых там сведений.

Находясь в 1818 г. на службе в Варшаве, Вяземский много размышляет об особенностях мировосприятия образованного сословия России, отталкиваясь в своих размышлениях от царствования Екатерины II, обращается к событиям недавнего прошлого. По его мнению, это мировоззрение не изменилось за несколько десятилетий: «На нас от рождения нашел убийственный столбняк: ни век Екатерины со всею уродливостью своею, век, много обещавший, ни 1812 год – ничего не могло нас расшевелить»¹. Находясь, в гуще Варшавских событий, связанных с созданием конституции, князь Вяземский в одном из писем бросает ему упрек: «Вы помните век Екатерины, а своего не знаете»².

Воспоминания о правителях прошлого столетия иногда приходятся просто «к слову». В одном из писем Тургенев, рассказывая о новостях прибегает к такому приему: «Хотя сегодня и *бабий праздник*, как говаривала Екатерина, то есть Рождество Богородицы»³.

Встречая сюжеты из истории XVIII в, не стесняются своего незнания и спрашивают у адресата: «Когда была Неаполитанская королева в Петербурге в царствование Павла? Я никогда не слышал о том»⁴.

Чаще всего из правителей России XVIII в. в их письмах фигурирует Петр I. Вяземский в длинном письме к своему другу, написанном в январе 1836 г, рассказывая о разных новостях, среди прочего упоминает о планах строительства железных дорог: «Я и сам полагаю, что в России еще много можно сделать материального добра до железных дорог. Но ведь мы и так уже с легкой руки и с здорового кулака Петра пошли: росли не годами, а днями, то есть, не мерным шагом, а скачками, что видно так на роду

¹ Остафьевский Архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. I. С. 107.

² Там же. Т. II. С. 81.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же. Т. III. С. 174.

написано»¹ Петра вспоминают благодаря его нраву и запечатлевшихся в массовом сознании его черт. Размышляя о ссылке Пушкина Вяземский пишет: «Как дубине Петра Великого, которая не сошла с ним в гроб, бояться прозы и стихков какого-нибудь молокососа?»². Образ петровский дубины выступает для обоих авторов значимым элементом памяти о нем. Александр Иванович осматривал в 1837 г. в Новгороде различные реликвии. Описывая в письме увиденное, он упоминал среди прочего: «поддельную дубинку Петра I, коей он преобразовывал любимых бояр своих и империю»³.

В другом месте Вяземский цитирует приписываемую императору пословицу «Не суйся среда, прежде четверга».

А.И. Тургенев находит в деятельности преобразователя правовые акты созвучные его взглядам: «Я стараюсь подкрепить себя указом Петра Великого, который начинается: «обычай в России есть продавать людей как скотов» и пр. Он велел Сенату заняться придумыванием средств к исключению сего обычая»⁴. Он сокрушается, что за 100 лет законодательство не шло вперед в этом вопросе.

А.И. Тургенев, планируя уйти в отставку с государственной службы, хочет сделать значительный поступок, сравнимый с преобразованиями Петра I: «Сим заключу законодательное мое поприще, устроив огромную, но распавшуюся храмину купечества, как сказал Петр I о своем городском положении»⁵.

А.И. Тургенев, сталкиваясь в своих странствиях по Европе с потомками соратников Петра I, сообщал об этом своему другу. В Женеве в 1833 г. он знакомится с наследником Лефорта: «Лефорт, не потомок друга

¹ Там же. С. 288.

² Там же. С. 74.

³ Остафьевский Архив князей Вяземских СПб., 1899. Т. IV. С. 3.

⁴ Там же. Т. II. С. 20.

⁵ Там же. Т. III. С. 118.

Петра, (ибо у него детей не было), а наследник его имени и бумаг, и портрета Петра I, весьма примечательного»¹.

С Петром и его заслугами перед Россией они сравнивают деятельность Н.М. Карамзина. В преклонении перед масштабом его личности они согласны друг с другом, но суть его заслуг перед Россией видят по-разному. Вяземский считал его единственным представителем собственно российского просвещения, а Тургенев единственным представителем европейского.

Обратимся теперь к памяти о правлении императрицы Екатерины Великой. Говоря о ее царствовании, вспоминали об одном из ее главных правовых деяний – «Наказе комиссии для составления нового уложения». Это наказ, как писал Тургенев, своей нормой о том, что никто не может быть наказан без суда, очень благотворно повлиял на судей. Пользы от него было значительно больше, чем от перепечатки судебныхников и уложения. Этому принципу екатерининского наказа они противопоставляют произвол решений императора Павла².

Ее царствование и ее деяния пользовались у Вяземского неизменной симпатией. Его друг в отношении императрицы был не так восторжен. В одном из писем Александр Иванович Тургенев вспоминает фразу из манифеста императора Александра о том, что он собирается царствовать по заветам своей великой бабки. В эпистолярном диалоге с Вяземским о иезуитах вспоминает о том, на каких льготных условиях Екатерина разрешила остаться в России ордену иезуитов.

В другом письме делится воспоминанием из семейной истории: «Когда Екатерина, в старости своей, сослала нас в Симбирск, и тамошний губернатор, из излишней угодливости, не пускал нас в самый город,

¹ Архив братьев Тургеневых. Выпуск 6-й. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. С. 277.

² См.: Остафьевский Архив князей Вяземских СПб., 1899. Т. II. С. 116.

а держал в деревне, Вязьмитинов по приезде своем; туда в качестве наместника, обошелся с батюшкой как старый сослуживец и приятель его: вызвал в город – и с тех пор мы дышали свободнее. В то время этот поступок имел свою цену, и мы его не забудем»¹. В 1837 г. изучая в Московском архиве донесения русских послов из Франции во времена Екатерины, Тургенев с одной стороны называет ее великой и опередившей свое время, и добавляет, что, размышляя об этом он периодически даже забывает историю ссылки их семьи в ее царствование.

О Екатерине вспоминали, когда пытались разобраться в собственном отношении к происходящему вокруг них. Так поступает Вяземский, оказавшись в 1818 г. в Варшаве на службе он размышляет в письме к Тургеневу о разделах Польши, вспоминает о плане Наполеона воссоздать Польшу и выводит отсюда правильность политики Александра по созданию Царства Польского.

Эпоха Екатерины II, виделась Вяземскому необходимой для исторического просвещения читающей публики, и он удивляется почему популярный журнал 1820-х гг. «Сын Отечества» не публикует материалов о той эпохе.

Они вспоминают крылатые выражения императора Павла. В некоторых случаях воспоминания о царствовании императора Павла облекаются в красивые образы. Так, князь Вяземский, считая царствование императора Александра, продолжением царствования Екатерины, пишет: «Царствование Павла походе на грозу, которая отделяет времена года и в самую середину лета надолго оставляет в воздухе осеннюю свежесть и прохладу»². Несмотря на в целом негативные воспоминания о царствовании императора Павла, в воспоминаниях о нем встречаются и позитивные истории. Вяземский в одном из писем вспоминает о эпизоде,

¹ Там же. Т. I. С. 329.

² Остафьевский Архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. I. С. 289.

когда император, проезжая по Казанской губернии увидел сделанный специально к его приезду мост и потребовал его разобрать, чтобы он ездил также, как и его подданные.

В 1836 г. А.И. Тургенев отправляет князю Вяземскому фрагмент воспоминаний Ф.В. Ростопчина о смерти императрицы Екатерины II и о восшествии на престол императора Павла.

В их переписке кроме Петра Великого, Павла I и Екатерины II другие правители России XVIII в. практически отсутствуют. Исключение составляет императрица Елизавета Петровна. Так, узнав, что в одном из немецких архивов найдены новые документы об истории ее царствования, Тургенев незамедлительно информирует своего друга¹.

В одном из писем, написанных в 1832 г. Тургенев рассказывает Вяземскому о редких книгах, которые попали к нему в руки. Общее у этих изданий было то, что все они изданы в России при разных императорах прошлого века.

Воспоминания о истории XVIII в. и о различных обстоятельствах прошлых царствований являются частью общей памяти российского дворянства представителями которого были князь Петр Андреевич Вяземский и Александр Иванович Тургенев. Как видно из представленных в статье фрагментов переписки о правителях России прошлого века они вспоминали в самых разных случаях. Воспоминания и размышления о событиях XVIII в. помогали им отразить отношение к современной им действительности. Очень показательным в этом отношении одно из писем Вяземского из Варшавы, в котором он рассказывал о произволе, который творил великий князь Константин Павлович и сравнивал это с политикой императора Павла².

¹ См.: Архив братьев Тургеневых. Выпуск 6-й. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. С. 352.

² См.: Остафьевский Архив князей Вяземских СПб., 1899. Т. III. С. 150.

Официальный имперский дискурс
в восприятии российского дворянина в середине XIX в.

Н.М. Селивёрстова¹

XIX век был веком империй, которые переживали свой расцвет и время славы. Российская империя продолжала расширять свои границы, вела активную внешнюю политику, утверждая представление о себе как о могущественной державе как вовне своих пределов, так и внутри государства, среди подданных.

Официальный дискурс российского государства отражался в правительственных документах, прессе, в публичных речах императоров и высших должностных лиц. В то же время, в 30–40-е гг. XIX в. в России складываются основные течения общественной мысли, в это же время в среде образованной публики формируется общественное мнение. В исторической литературе время зарождения самого «общества», дворянского по своему социальному составу, относят ко второй половине XVIII в., либо к началу XIX в.² Так что совершенно очевидно, что в середине XIX в. в России кроме официальной точки зрения на различные вопросы внутренней и внешней политики существовали и другие. В социологии выделяют начальные этапы формирования общественного мнения, когда на основе индивидуальных мнений и обмена между ними,

© Селивёрстова Н.М., 2023

¹ *Селивёрстова Наталья Матвеевна*, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева.

² См.: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009; *Она же.* Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.

и только после этого, происходит выработка общей точки зрения, присущей определенной социальной группе.

В России первой половины XIX в. важность персональной оценки текущих событий, составляющих актуальную повестку дня, со стороны представителя образованного общества, повышалась уже тем, что круг лиц, его составляющих, был весьма ограничен. При этом само общественное мнение было «полифоничным», далеким от единообразия. Как об этом пишет Т.В. Андреева, в общественном мнении дореформенной России сочетались «либерально-консервативные воззрения просвещенной бюрократии и генералитета, просветительско-либеральное мировоззрение интеллектуальной элиты, патриархально-консервативное сознание большинства мелкопоместного дворянства и среднего чиновничества»¹.

Общественное мнение формировалось не только по отношению к вопросам внутренней политики, но и ключевым событиям внешней политики, среди которых значимое место занимает Крымская война. Это было то событие, которое общественное мнение не могло обойти стороной.

Изучению российской общественной мысли периода Крымской войны посвящено достаточное количество исследований. В их ряду нельзя не отметить работы Е.В. Тарле², Ш.М. Левина³, Е.Л. Рудницкой⁴. В данной статье автор не ставит себе задачу дать всеохватывающий анализ восприятия официального дискурса периода Крымской войны всем спектром российского общественного мнения, но пытается дополнить и разнообразить общую его картину, продемонстрировав неоднозначность и противоречивость присутствовавших в нем точек зрения.

¹ Андреева Т.В. Тайные общества в России... С. 131.

² См.: Тарле Е.В. Крымская война: в 2 томах. М.-Л., 1950.

³ См.: Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974.

⁴ См.: Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. М., 2007.

Следует отметить, что дополнительным фактором, воздействующим на умы образованного российского общества, был тот факт, что в середине XIX в. внешняя политика России, направленная на постоянное расширение своих границ, вошла в состояние конфронтации с консолидированным либеральным общественным мнением Европы. Лишь небольшое меньшинство консервативно настроенной европейской аристократии сочувствовали Николаю I и его внешней политике¹. Те из российских дворян, кто регулярно ездил за границу, читал иностранные журналы, газеты, были хорошо знакомы с господствовавшей там системой оценок.

В отчете III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 1853 г., год начала войны, граф А.Ф. Орлов пишет о единодушной поддержке передвижения русских войск в Придунайские княжества, и подлинном восторге, которое вызвало начало военных действий во всех сословиях Российской империи. «Русские увидели новые доказательства тех неутомимых забот и попечений о поддержании православия, о благе, чести и славе России, которые они привыкли видеть в продолжение последних 28 лет...»². Только в Царстве Польском и в Литовских губерниях наблюдалось некоторое беспокойство, ожидания вмешательства в войну европейских государств и связанные с этим надежды на обретение независимости, названные автором отчета «несбыточными мечтами».

В истории русской общественной мысли первой половины XIX в. имя П.Я. Чаадаева занимает особое место. Появление его «Философических писем» стало катализатором дискуссии, способствовавшей размежеванию основных направлений общественной мысли. Известный мемуарист Д.Н. Свербеев так описывает образ мыслей П.Я. Чаадаева, который он проявлял

¹ См.: *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. I. М.-Л., 1950. С. 11.

² «Россия под надзором»: Отчеты III отделения 1827–1869: Сб. документов. М., 2006. С. 436.

в беседах: «На вечерах у меня Чаадаев... в немногих словах выражал все свое негодование на Россию и на всех русских без исключения... Он обзывал ...высших властей военных и гражданских – взяточниками, дворян- подлыми холопами, духовных – невеждами, все остальное – коснеющим и пресмыкающимся в рабстве. Однажды, возмущенный подобными преувеличениями, я напомнил ему славу нашей Отечественной войны и победы над Наполеоном и просил пощады русскому дворянству и нашему войску во имя его собственного в этих подвигах участия. «Что вы мне рассказываете! Все это зависело от случая, а наши герои тогда, как и гораздо прежде, прославлялись и награждались по прихоти, по протекции»¹. Несмотря на свой скептицизм и критическое отношение к официальному патриотизму, П.Я. Чаадаев горько переживал события Крымской войны, ее начало и бесславное окончание, которое произошло незадолго до его кончины. «Чаадаева раздражало, что признаваемые им в отношении тогдашней России вполне неуместные «претензии» на превосходство перед Европой предъявляет уже не одно только правительство, а вся страна в целом»². Но настолько ли единым было это общественное мнение, против которого восставал П.Я. Чаадаев?

В конце николаевского царствования анонимным автором была написана записка о царящем в России деспотизме на французском языке, переданная пастору англиканской церкви в Москве, с тем чтобы тот ее передал посланнику Британской империи в Санкт-Петербурге лорду Вудхаузу. Как в предисловии к записке объяснял сам автор текста, состояние здоровья и другие обстоятельства помешали ему посетить Петербург и лично вручить этот документ в руки адресата.³ Эта записка была написана в конце 1855 года, затем она дорабатывалась, особенно

¹ *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М., 2014. С. 377.

² *Левин Ш.М.* Крымская война и русское общество // Очерки по истории русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. М., 1974. С. 315.

³ ГАРФ. Ф. 109. Д. 79. Л. 3.

после заключения Парижского мирного договора, но соображения безопасности вынудили ее автора не медлить более с доработкой текста и передать ее в руки незнакомого ему иностранного подданного. Целью автора было опубликование этой записки за границей, тем не менее текст все же попал в III отделение.

По всей видимости автором был достаточно неплохо образованный дворянин, проживающий в Москве, который противопоставляет свою личную позицию официальной. Прежде всего, он изобличает царящий в России деспотизм, вскрывает его исторические корни. Именно здесь, с его точки зрения, кроется причина царящего в России безмолвия даже среди тех, кто не одобряет политику власти. «Ни государственные крестьяне, которых грабят власти, ни буржуазия, униженная своей нищетой, ни купечество, ни дворянство, которое наше деспотическое правительство довело до вырождения, одним словом ни один класс русского по происхождению населения» не имеет никакого отношения к Турции и ничем не спровоцировал единодушное негодование и вражду со стороны народов Запада¹. Виновным в Крымской войне автор записки называет императора, который был движим тщеславием, своими безудержными стремлениями и химерами сознания.

«Под гнетом деспотов русские подданные никогда не помышляли о политике, но теперь,... когда Родина умоляет о спасении, они должны подняться на высоту цивилизованных народов и навести порядок, как вовне страны, так и в ее пределах», – пишет автор записки².

Кроме того, автор считает, что все имеют право знать подлинные причины войны. Согласно официальным газетам, Турция выступила против Веры, Царя и Отечества, то есть посягнула на самое святое. Но вопросы защиты христианского населения Турции автор текста считает

¹ ГАРФ. Ф. 109. Д. 79. Л. 12–12 об.

² Там же. Л. 13.

разумным решать в рамках согласованных действий всех христианских держав Европы, а не одной России. «И как мы можем искоренить зло за пределами нашей страны, – вопрошает автор, – если оно укоренено в нашей почве?»¹.

Он обвиняет в развязывании Крымской войны персонально Николая I, приводя сведения о беседе императора с английским послом Г. Сеймуром, текст которой был опубликован на всех европейских языках, кроме русского. В ходе этой встречи Николай I раскрыл свои подлинные намерения, лежащие в основе агрессивной политики Российской империи, и это далеко не стремление облегчить участь угнетаемых христианских народов: «...il était évident que l'Empereur désirait posséder Constantinople et la Turquie, sans vouloir pour cela reculer devant aucun sacrifice»². Чтобы облегчить реализацию этого проекта Николай I предлагал Египет Англии, в чем получил отказ со стороны правительства Великобритании.

Автор записки с прискорбием отмечает, что в этой беседе императора с посланником королевы Виктории проявилась решимость Николая I реализовывать свои цели и воевать до последнего ружья и последнего солдата. Народ России обречен приносить в жертву свое имущество, свои жизни, своих детей, невзирая на кровавые слезы своих близких. При этом автор текста подчеркивает, что собственно России чужды цели этой войны, а ее развязал представитель Голштинской династии, немецкой по происхождению, претендующей на то, чтобы называться династией Романовых. И почему же, с точки зрения автора записки, Николай I так стремится завладеть Константинополем? Потому что его сын Константин достиг зрелости, и поэтому может править в Константинополе³.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Д. 79. Л. 15 об.

² «Очевидно, что император стремился завладеть Константинополем и Турцией, не желая ради это отступать ни перед какими жертвами» (фр.) (Там же).

³ Там же. Л. 17 об.

Как мы видим, автор записки демонстрирует критический негативный взгляд на имперскую политику Николая I, осознавая при этом, какой опасности он подвергается, причем предпринятые им меры предосторожности при передаче текста записки в руки подданного английской короны уже после восшествия на престол Александра II свидетельствуют о том, что его страх перед властями не стал меньше со сменой монарха. Кроме того, в данном случае интерес представляет оценка официальной пропаганды как искусственной и лживой, скрывающей подлинные цели внешней политики Российской империи. В записке автор ссылается на зарубежную прессу, с содержанием которой, он судя по всему знаком, говорит и о других читателях зарубежной периодики. Среди зарубежных газет он выделяет такое издание, как газету «Le Nord» и два-три подобных ей издания, говоря о том, что их позиция в отношении Крымской войны в корне отличается от точки зрения, транслируемой остальной европейской прессой¹. Эта газета, как известно, издавалась за границей на деньги российского правительства и была задумана как специальный орган, направленный на западную аудиторию, в попытке воздействовать на международное общественное мнение. Следует отметить, что выраженная в анонимной записке оценка Крымской войны и официального нарратива, ее касающегося, не были распространены в дворянской среде.

Среди современников событий, в том числе и принадлежащих к высшему сословию, подавляющее большинство не дистанцировало свою точку зрения на события и цели Крымской войны от взглядов, транслируемых правительством, а многие с радостью восприняли идеи Константинопольского проекта несмотря на то, что он не получил официального статуса. Так, последовательным сторонником

¹ ГАРФ. Ф. 109. Д. 79. Л. 10 об.

и пропагандистом идеи создания новой христианской империи с центром в Константинополе был Ф. И. Тютчев¹. Подобных воззрений придерживался и историк М.П. Погодин, выходец из крестьянского сословия. Он писал: «Настоящая война есть крестовый поход России... Восстановить Патриарший Константинопольский престол во всем его величии, возвратить Восточной церкви вселенское ее значение...»².

Большинство славянофилов, таких как братья Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков также стояло на крайне патриотических позициях, особенно в начале войны, до падения Севастополя. Настроенный более нейтрально А.И. Кошелев, однако, описывал совсем другие настроения, которые были распространены в среде славянофилов и близких к ним людей: «Высадка союзников в Крым, в 1854 году, последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время. Общественное и даже народное настроение, хотя бессознательное, было в том же роде»³.

Принято считать, что русское дворянство в массе своей с воодушевлением восприняло призыв правительства к созданию ополчения, и с рвением вступало в его ряды. Так, например, об этом пишет Н.А. Качалов, избранный в 1855 г. предводителем дворянства Белозерского уезда Новгородской губернии: «В дворянском собрании было большое патриотическое настроение, и все лучшие помещики поступили в ополчение»⁴.

¹ См.: *Карцов А.С.* Русский консерватизм во внешнеполитических взглядах Ф.И. Тютчева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2006. № 3. С. 125.

² *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1899. Т. 13. С. 128.

³ *Кошелев А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 58.

⁴ *Качалов Н.А.* Записки тайного советника. М., 2012. С. 250.

Иное отношение к манифесту об образовании государственного ополчения, обнародованному в начале 1854 г., зафиксировал в своих воспоминаниях А.И. Кошелев. «Несмотря на то, что войны против мусульман за единоверцев и единоплеменников всегда встречали в России народное сочувствие, манифест об ополчении принят был всеми сословиями не только холодно, но даже с тяжелым чувством... В дворянских собраниях заметно было то же: шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться; а кого освобождали лета, здоровье или особенные семейные обстоятельства, те, с едва скрываемою радостью, отказывались от чести и долга защищать свое отечество»¹. А.И. Кошелев, по всей видимости, свидетельствует о настроениях рязанского дворянства, поскольку именно в Рязанской губернии находилась большая часть его имений.

Одним из известных мемуаристов середины XIX в. был граф М.Д. Бутурлин. Представитель древнего и знатного рода, он вместе со своей семьей долго жил за границей, затем вернулся в Россию, в то время как другие члены его семьи остались в Италии и приняли католичество. Он в течение своей жизни находился и на военной, и на гражданской службе. В 1853 г. он поступил на должность чиновника особых поручений к рязанскому губернатору П.П. Новосильцеву. М.Д. Бутурлин свидетельствует о несколько иных настроениях, царящих в дворянском обществе Рязанской губернии, нежели тех, о которых писал А.И. Кошелев.

В своих мемуарах, относящихся к событиям 1854 г., он пишет: «Севастопольские события, отступление от невзятой Силистрии и поспешное очищение нашими войсками Придунайских княжеств уязвляли донельзя национальное чувство: ...но что же это такое, спрашивали мы друг у друга, что и с турками мы не совладаем и отступает

¹ См.: *Кошелев А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева... С. 58.

перед ними?»¹. Далее он упоминает возможность взять русскими войсками Константинополь и победить таким образом в войне. М.Д. Бутурлин никоим образом не осуждал официальные власти, но переживал неудачи России и искал пути выхода из сложившейся ситуации. Когда мемуарист описывал, как в Рязани была воспринята весть о кончине Николая I, он признается: «Вопреки Крымским военным неудачам общественное мнение края так твердо верило в гениальность государя Николая Павловича, что, узнав о его кончине, мы считали Россию пропавшей без него и со страхом спрашивали друг у друга: что теперь будет с нами?»². И далее в примечаниях он добавляет, что подобное отношение Николай I заслужил тем, что был русским вполне царем и не давал предпочтения иностранцам в ущерб своим подданным.

В отношении М.Д. Бутурлина можно сказать, что его приверженность официальной оценке Крымской войны и внешней политики России была делом осознанного выбора, а не происходила от ограниченного кругозора и недостатка информации, поскольку он черпал ее в 1853–1856 гг. из разных источников: получая письма из-за границы, общаясь с пленными англичанами, которые проживали в Рязани, входя в круг знакомств губернатора и будучи связан с знатными петербургскими дворянскими семьями.

Приведенные примеры, которые можно дополнить другими многочисленными свидетельствами, говорят о том, что в обществе существовали вполне сформулированные оценки Крымской войны и официального дискурса, касающегося этого важного события, характеризующего имперскую внешнюю политику России. Но эти оценки были далеки от единодушного безоголдного одобрения, а сильно отличались в зависимости от социального статуса, места проживания,

¹ Записки графа М.Д. Бутурлина: В 2 т. М., 2006. Т. II. С. 261.

² Там же. С. 275.

общественно-политических склонностей его выразителей, других факторов. Общество в лице его отдельных представителей осмысливает и прочувствует сложную политическую ситуацию, в которой оказалась Россия. Именно этот процесс лежал в основе будущего стремления к преобразованию Российской империи в царствование Александра II.

Политика Османской империи во второй половине XIX в.
в отношении многонационального православного населения

*О.А. Моисеева*¹

К середине XIX в. положение Константинопольского патриархата оставляло желать лучшего несмотря на церковные права и привилегии Вселенской церкви, данные султаном после завоевания Константинополя в 1453 г. Требовались значительные реформы для улучшения жизни многонационального православного населения. Первая половина XIX в. знаменуется подъемом национального сознания и освободительным движением балканских народов. В результате Османская империя и Константинопольский патриархат лишились большей части своих европейских владений, так как политическая независимость подразумевала независимость церковную – Греция отделилась в 1833 г. (церковная независимость признана в 1850 г.), церковь Сербии и Румынии были фактически автономны, а после русско-турецкой войны 1877–78 гг. были официально признаны (Румынская церковь получила признание только в 1885 г.). Особые отношения у Константинополя были с Болгарской церковью – известный греко-болгарский церковно-политический конфликт, продолжавшийся до середины XX в. – признание болгар схизматиками, приведшее к потере еще одной церковной провинции. Таким образом, финансовое положение патриархии к 1870-м гг. пришло в упадок². Реформы, проводимые Портой, не изменяли условия жизни

© Моисеева О.А., 2023

¹ *Моисеева Ольга Алексеевна*, студентка 2-го курса магистратуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

² См. подробнее о финансовом положении: *Лебедев А.П.* История греко-восточной церкви под властью турок: от падения Константинополя (в 1453 г.) до настоящего

христиан и церкви, наоборот, зачастую становилось хуже. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. смогла удовлетворить лишь часть чаяний многонационального населения Турции, многие христиане были не довольны итогами войны, а именно тем, что Македония, Фессалия, Эпир и Крит остались под владычеством Турции. Нерешенные территориальные, политико-национальные вопросы привели к борьбе за оставшиеся балканские территории на всем протяжении конца XIX – начала XX в. с привлечением иностранных послов. В результате, Греция получила Фессалию и часть Эпира, а за Македонию боролись Болгария, Греция и сам Константинопольский патриархат. Что касается мусульман, то они были возмущены дарованием свобод и прав независимости православному населению наравне с правоверными, «огнем и мечем выразили свой гнев... беспощадно избивая мирных, беззащитных и невинных христиан»¹.

Еще в декабре 1876 г. в Константинополе состоялась конференция, по итогам которой Порты обещала полное политическое и религиозное равенство «христиан с магометанами в Боснии, Герцеговине и Болгарии, а для Сербии и Черногории – уступки некоторых небольших округов»², но чтобы избежать выполнения решений, османское правительство заявило, что вводит конституцию, призванную на самом деле не проводить преобразования, и которая на деле имела лишь канцелярский характер. Однако дипломатическая затея Османской империи не удалась. После русско-турецкой войны 1877–78 гг. Босния и Герцеговина перешла под управление Австро-Венгрии, Северная Болгария получила автономию,

времени. СПб., 1903. С. 360–375; *Венедиктов В.Ю.* Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского патриархата во второй половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 92–104; О финансовой помощи России Константинопольскому патриархату: Россия и Православный Восток: Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г.П. Беглери к проф. И.Е. Троицкому 1878–1898 гг. Изд. подготовила Л.А. Герд. СПб., 2003. С. 288–297.

¹ *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX веке: Опыт исторического исследования. СПб., 1904. С. 372.

² Там же. С. 363.

а Восточная Румелия осталась частью Турции; Черногория, Сербия и Румыния получили независимость, Порта была обязана теперь соблюдать принцип религиозной свободы в широком смысле и провести реформы и улучшения на территории всей империи. Христиане, таким образом, должны были получить религиозные, общественные и политические права. Патриарх Иоаким III в конце 1879 г. предоставил такрир с предложениями реформ, касающихся официального введения национальных языков, пропорционального назначения национальной численности населения в провинциальные судьи и местные органы власти, а также равной безопасности жизни, чести и имущества всего населения¹. Константинопольский владыка обратил внимание и на надежду о сохранении самоуправления и привилегий православной Константинопольской церкви, дарованные ей еще Магомедом II. Народ был рад избранию патриархом Иоакима, на него возлагали большие надежды по улучшению жизни. Вскоре в декабре 1879 г. Иоаким был приглашен на аудиенцию к султану, где рассказал о современном состоянии церковных и народных дел. Общество восприняло это как знак того, что султан благоволит новому патриарху, люди начали присылать многочисленные прошения, письма и доклады с пожеланиями к реформе². Впрочем, если посмотреть на свод законов, которые были изданы в ответ на все нужды и просьбы христианского населения, то ни один из законов напрямую не затрагивает проблемы православного народа и не изменяет их положения³. Так, например, еще в 1877 г. рассмотрение религиозных христианских дел было передано из министерства иностранных дел в министерство юстиции (исповеданий), что никак не меняло привычного порядка. В 1880 г. издан закон о внесении всего населения

¹ См. подробнее еще о предложенных реформах: Православный восток в минувшем году // Церковный вестник. 1880. № 3. Ч. 2. С. 2.

² См. подробнее: *Соколов И.И.* Указ. соч. С. 374–375.

³ Там же. С. 376–377.

в государственные книги сведений о рождении, браке и смерти, а также информации о месте жительства, профессии для получения особого тескере для совершения сделок с имуществом, при приеме на общественную должность и т. п.

Пользуясь предписаниями Берлинского трактата о религиозном равенстве, Порта открыто начала проводить политику ущемления древних прав и привилегий церкви, борьба за которые началась с конца 1840-х гг. В результате к 1878 г. изменился порядок избрания в Константинопольские патриархи¹, добавился новый тип административного учреждения – Смешанный совет, состоящий, в частности, из восьми мирян. Через него «миряне получили реальную возможность воздействовать на церковную политику. Полномочия совета были весьма обширными: он ведал даже тем, насколько хорошо патриарх заботится о принадлежащих Церкви святынях и их имуществах»², если они узнавали о нарушениях, то должны были докладывать патриарху и Синоду и предлагать меры воздействия на виновных. Несомненно, это являлось нарушением канонов и вмешательством мирян в дела церкви, что вело, как пишет Л.А. Герд, к ее политизации, а под влиянием греческого национализма произошло принижение авторитета Константинополя³. Кроме того, «к концу 1880-х гг. наблюдается тенденция господства в патриархате на протяжении многих лет одних и тех же опытных архиереев (например, Ираклийского митрополита Германа, Дерконского Каллиника и др.), что отчасти напоминает возрождение времен геронтизма»⁴.

¹ См. подробнее: *Лебедев А.П.* История греко-восточной церкви... С. 340–342; *Соколов И.И.* Патриарший кризис в Константинополе: из современной церковной жизни на православном греческом Востоке // *Христианское чтение.* 1905. № 5. С. 748–749.; *Заграничные известия* // *Православное обозрение.* 1878. Т. 3. С. 400-401.

² *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке. М., 2006. С. 47.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 48–49.

Ограничения продолжались и после войны, в 1880 г. министр юстиции издал тескере о том, что теперь все дела, связанные с утверждением в наследстве по завещанию православных и слушания разбирательств между наследниками проходили в турецких судах, тогда как раньше это было в ведении епархиальных архиереев. Протест Иоакима по поводу посягательств на церковные прерогативы не был удовлетворен. Помимо посягательств на исключительное ведение патриархом греческой печатью, Порты вывела из-под контроля Константинопольского владыки школьное образование, назначив инспектора-турка в православные школы для надзора за учебной программой и учебниками¹.

Следующие меры по ограничению Вселенской церкви были в области митрополичьих привилегий, указываемых в бератах², а именно была изменена статья о праве священнослужителей подвергаться патриаршему суду по гражданским делам, теперь же они должны были судиться по мусульманским законам в турецком суде. В ответ на такийр патриарха Иоакима от 19 февраля 1883 г., в котором он напоминал о преимуществах церкви, министр юстиции заявил, что «в силу проведенных в Турции судебных реформ бераты митрополитам и впредь будут издаваться»³ в новом измененном виде. На протест патриарха Порты ответила 31 мая следующим образом, что правительство никоим образом не ограничивает и не нарушает права церкви своими нововведениями. 14 июля последовал еще один доклад Константинопольского патриарха, «в котором исторически обосновывал право православной Церкви на самоуправление, выразив надежду, что Порта восстановит

¹ См. подробнее: *Герд Л.А.* Указ. соч. С. 203.; *Соколов И.И.* Указ. соч. С. 379–380.

² См. подробнее про привилегии в бератах: *Мансуров П.Б.* Константинопольская церковь. Очерк основных начал строя ее в XIX веке. Ч. I: Центральное управление. М., 1909. С. 17–22.

³ *Герд Л.А.* Указ. соч. С. 204.

поколебленное положение Церкви»¹. Османское правительство же не думало менять своих решений, поэтому переписка патриарха с Портой продолжалась до марта 1884 г.², когда Иоакиму был выдан берат по старому образцу с приложением (министерское тескере)³, где описывались нововведения касательно суда. Несогласие Синода с такой формулировкой дополнения привело к окончательному отречению 30 марта 1884 г. Иоакима III, т.к. Смешанный совет упрекал его в уступчивости Порте⁴. Что касается суда над клиром, то под воздействием Синода Портой было принято решение еще согласовать вопрос с законами государства, на этом борьба временно прекратилась. Таким образом, именно на 1883 г. приходится первый пик борьбы Константинопольского патриарха с Портой за права церкви. Итоги борьбы, как следует из написанного выше, были не в пользу патриархата. Сама же Вселенская церковь считала, что это счастливый конец борьбы.

Решение по преданию суду клира разрешилось в конце сентября 1884 г., когда патриархия получила новый тескере министра юстиции о неподсудности православного духовенства светскому суду, восстановив тем самым права церкви.

Новый конфликт турецкого правительства с патриархией произошел при другом патриархе Дионисии V (1886–1891 гг.). В 1888 г. вновь встал

¹ Там же. С. 206.; см. подробнее про содержание доклада: Там же. С. 206–207.

² См. подробнее переписку: Официальная переписка Константинопольской патриархии с Оттоманским правительством о правах и преимуществах греческого духовенства в Турецкой империи // Христианское чтение. 1884. № 42. С. 230–232.

³ В тескере «указывалось, что в случае совершения преступления священником, монахом или монахиней они должны сначала быть лишены сана архиереем, а затем быть переданы светской власти и содержаться в государственной тюрьме» – Герд Л.А. Указ. соч. С. 207; см. подробнее: Иностранное обозрение // Церковный вестник. 1884. № 19. Ч. 2. С. 1.

⁴ См.: Летопись общественной жизни. За прошлые полторы недели в России и за границей // Церковный вестник. 1884. № 15. Ч. 2. С. 12.

вопрос о подсудности клира светскому суду¹. На этот раз гонениям с привлечением к гражданскому суду подверглись греческие иерархи² в Македонии, которая со второй половины 1880-х гг. становится «яблоком раздора» на Балканах. Патриарх Дионисий вел себя пассивно и не встал, как до этого патриарх Иоаким III, на их защиту и защиту прав церкви. В 1889 г. Порта предписала особым тескере, «чтобы впредь патриархат никаких решений вовсе не принимал, так как вслед за сим патриаршему суду имеет быть оставлено значение только простого мирового посредника и отнюдь не более»³, еще один указ обязывал Дионисия «чтобы митрополиты не издавали впредь окружных посланий к своим паствам о сбое пожертвований на строительство храмов школ и богоугодных учреждений»⁴. Турецкое правительство в принципе недружественно относилось ко всем проявлениям выражения прав церкви патриархом, например, делам брачным, бракоразводным, по духовным завещаниям и др. Кроме того, было «введено ограничение касательно участия представителей христиан в местных судах: теперь их присутствие разрешалось только в течение двух месяцев»⁵. Еще в сентябре 1889 г. патриарх направил министру юстиции такрир по поводу прав и привилегий церкви, но ответа так и не получил. «В патриархате господствует полный застой»⁶, – сообщает в своем письме Беглери от 2 ноября 1889 г. Синод и Смешанный совет требуют «от патриарха энергического действия, а в противном случае подать в отставку»⁷, составленное совместное

¹ См. про издание циркуляра от 28 июня 1888 г.: Вести с православного Востока // Церковные ведомости. 1888. № 39. Ч. 2. С. 1078; РГИА. Ф. 797. Оп. 58. 2 отд. 3 ст. Д. 128. Л. 2 об.-3; Россия и Православный Восток... С. 119–121, 123–128, 130, 132.

² См. подробнее какие архиереи подверглись гонению: Там же. С. 121–132, 143–147; Вести с Востока // Церковные ведомости. 1888. № 19. С. 375–376; Там же. № 28. С. 519–520.

³ Россия и Православный Восток... С. 148.

⁴ Герд Л.А. Указ. соч. С. 215.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Россия и Православный Восток... С. 172.

⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. 2 отд. 3 ст. д. 128. Л. 8 об.

прошение на имя султана так и не дошло до адресата несмотря на угрозы патриарха обратиться за помощью в этом деле к России.

С начала 1890 г. борьба за права и привилегии церкви соединяется с другой не менее важной проблемой Константинопольского патриархата, а именно желанием Порты выдать бераты болгарским епископам Македонии и Фракии, что вынудило Дионисия проявить инициативу. Однако великий визирь заверил, что выдача бератов болгарам не должна беспокоить патриарха. Препирательства между патриархатом и Портой, в результате, привели к тому, что Синод во главе с патриархом 3 октября 1890 г. подписали «протест ко всем автокефальным церквям, следствием чего был интердикт – прекращение богослужений во всех церквях, исключая крайние случаи совершения крещений, причащений и отпеваний»¹. Естественно, народ был шокирован введенными мерами, турецкому правительству пришлось отреагировать, чтобы не допустить усложнения ситуации, созданием новой комиссии. В итоге великий визирь пригласил к себе первенствующих членов Синода для сообщения решения султана, пришел только митрополит Герман Ираклийский, которому передали, «что султан был готов издать приказ об изгнании всех членов Синода из Константинополя, но его великодушие и всегда примирительный характер не оставили ему приступить к этому и не только этому, но и приказал мне [великому визирю – *О.М.*] сообщить вам от его имени, что от сего часа можете располагать Вашими правами и привилегиями как вы их понимаете, и дайте немедленно приказание по всем церквям возобновить»² служение. Митрополит поблагодарил, но настоял, чтобы это было закреплено официальным указом, великий визирь согласился при условии, что в документе не будет ничего о бератах болгарским епископам, Герман сказал, что не может самолично принимать

¹ Герд Л.А. Указ. соч. С. 221.

² Россия и Православный Восток... С. 198–199.

решение и должен обсудить это на заседании Синода. На этом переговоры прекратились, т.к. Синод категорически был не согласен с дачей бератов, в свою очередь, Порты уже более не собиралась уступать в этих вопросах. Переписка по решению этого дела продолжалась в течении трех месяцев, ни одна из сторон не собиралась уступать. Уже в декабре в преддверии Рождества народное недовольство достигло пика и могло превратиться в «нежелательные для турецкого правительства формы»¹, вследствие чего Порте пришлось уступить, 24 декабря был выпущен султанский ираде, подтверждающий права и привилегии церкви в прежнем объеме². Богослужения в церквях возобновились, Константинопольская патриархия вышла победительницей в этой затяжной борьбе. «Греческий историк Д. Мавропулос пишет, что султан уступил только после получения телеграммы от императора Александра III с угрозой объявления войны Турции, если вопрос о правах церкви не будет решен»³. Впрочем, это никак не подтверждается архивными данными. Итак, после борьбы 1890 г. турецкое правительство больше не претендовало на ограничение церковных прав. Лишь в годы патриаршества Неофита VIII Порты подняла вопрос организации и устройства греческой школы, причем, он разрешился довольно быстро и благополучно для патриархии⁴.

В целом Порты, отказавшись от идеи полного подчинения Константинопольской церкви своей власти после неудачи с патриархом Дионисием, бездействовала и не принимала никаких мер по улучшению жизни и положения ни православного населения, ни церкви и ее клира, права и свободы которых были номинальны, и с высокой периодичностью грубо нарушались. Нельзя сказать, что борьба христиан с правительством

¹ Герд Л.А. Указ. соч. С. 224.

² См. подробнее о содержании ираде: Соколов И.И. Указ. соч. С. 388.

³ Герд Л.А. Указ. соч. С. 224.

⁴ См. подробнее: Соколов И.И. Указ. соч. С. 389–390.

и мусульманами полностью прекратилась, она лишь приобрела другой характер – частный и местечковый, вдали от высоких верхов и политики.

Таким образом, положение православного населения к началу XX в. значительно не изменилось, несмотря на «все уверения Порты и узаконения, идущих из Константинополя, произвол и насилие господствуют повсюду. Христиане по-прежнему не имеют личной и имущественной безопасности, лишены права заступничества перед законом»¹, номинально участвуют в местных общественных советах, т.к. всегда находятся в меньшинстве и избираются турецкой властью. Православные не могли свидетельствовать в суде наравне с мусульманами, не имели политических прав, платили унижительные и повышенные налоги, оставались в положении райи и т. д. К этому стоит добавить и многочисленные известия о недовольствах мусульман и притеснение ими христиан, грабежи частной собственности, монастырей, осквернение святынь, истребление населения, похищение и насильственное обращение в ислам и многое другое происходило на территории Константинопольского патриархата, например, в Адрианопольской епархии, а особенно в Албании и Македонии². Так, в мае 1885 г. на болгаро-македонской границе происходили стычки между болгаро-инсургентами и турецкими войсками, и, как справедливо замечает «Церковный вестник», «это последнее обстоятельство указывает, что необходимо, наконец, принять меры к улучшению положения

¹ Соколов И.И. Указ. соч. С. 392.

² См. подробнее: Там же. С. 390–392; Про гонения мусульманами болгар в Македонии в ноябре 1884 г., феврале 1885 г., июль 1885 г.: Летопись общественной жизни. За прошлую неделю в России и за границей // Церковный вестник. 1884. № 46. Ч. 2. С. 21; Там же. 1885. № 6. Ч. 2. С. 121; Там же. 1885. № 29. Ч. 2. С. 468.

Македонии»¹. Македонские болгары отправили в Порту меморандум с требованиями реформ².

В целом, положение Константинопольской патриархии в исследуемый период можно охарактеризовать словами константинопольского посла А.И. Нелидова: «в среде Константинопольской церкви царствует глубокое смятение, свидетельствующее о внутреннем ее разложении, и трудно предвидеть, каким образом она выйдет из этих затруднений»³.

¹ Летопись общественной жизни. За прошлую неделю в России и за границей // Церковный вестник. 1885. № 21. Ч. 2. С. 355.

² См. подробнее про требования: Там же. С. 355.; *Aarbakke V. Ethnic Rivalry and the Quest for Macedonia 1870–1913. Boulder, CO, 2003. P. 62.*

³ *Венедиктов В.Ю.* Указ. соч. С. 104.

«Православный вопрос» в Туркестанском крае

М.Е. Шушкова¹

Туркестанское генерал-губернаторство (с 1886 г. – Туркестанский край) с 1867 г. входило в состав Российской империи вплоть до ее крушения. За время существования Туркестана, его территория значительно расширилась и в начале XX в. состояла из пяти областей: Сыр-Дарьинской, Ферганской, Семиреченской, Самаркандской и Закаспийской. Хивинское ханство и Бухарский эмират находились под протекторатом Российской империи.

В российской историографии утвердилась точка зрения, что присоединение данного региона к России являлось сложным интеграционным процессом, который можно выразить через определенную терминологию. Имперская политика в отношении Центральной Азии, с одной стороны, рассматривалось как «завоевание», а, с другой стороны, как «добровольное подданство». Российские ученые видели в этом прогрессивное значение, а центральноазиатские историки – негативный оттенок. Россию обвиняли «в геноциде, колониальном захвате, уничтожении самобытности народов Туркестана»².

Основной особенностью системы управления Туркестанским краем было объединение гражданской и военной власти в руках генерал-губернатора. Таким образом, Туркестан находился под контролем

© Шушкова М.Е., 2023

¹ *Шушкова Маргарита Евгеньевна*, кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

² *Брежнева С.Н.* Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX в. – начало XXI в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 14.

Военного министерства, а не Министерства внутренних дел, как это было в губерниях Центральной России, что приводило к систематическому ведомственному противостоянию. Этот важный политический и управленческий аспект оказал огромное влияние на комплексное развитие всех сфер жизнедеятельности края¹.

Первым туркестанским генерал-губернатором был К.П. фон Кауфман (1867–1882), который внес неоценимый вклад в развитие региона. Последним – генерал А.Н. Куропаткин, более известный как военный министр Российской империи (1898–1904). Перед администрацией Туркестанского генерал-губернаторства была поставлена важная цель – «умиротворение края» с последующей интеграцией в общеимперское пространство посредством решения как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических задач.

Значительное внимание со стороны государства уделялось экономической политике Туркестана: предполагалось, что край со временем превратится в хлопковую базу Российской империи путем аграрной колонизации центральноазиатского региона. Правительство видело в этом определенную миссию, поскольку решалась проблема «аграрного голода» в Центральной России. «С геополитической точки зрения массовое переселение крестьян в Азиатскую Россию позволяло укрепить ее территории “русским элементом”»². Результатом проводимой имперской политики в данном регионе стало появление большого числа крестьян, активно прибывающих в край в поисках «лучшей доли». Краевой

¹ См.: Шушкова М.Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

² Лысенко Ю.А. Акторы социально-экономической модернизации Центрально-Азиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сборник науч. трудов междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М., 2019. С. 43.

администрации пришлось в срочном порядке решать вопрос религиозного быта русских крестьян-переселенцев.

Необходимо учесть, что «в областях Степного и Туркестанского генерал-губернаторств на рубеже XIX–XX в. проживало 90,29% мусульманского населения страны»¹. На духовную жизнь коренного населения региона сильнейшее влияние оказывали исламские религиозные центры Бухарского эмирата, Хивинского ханства и, оформившееся в начале XX в., движение джадидов. После Андижанского восстания 1898 г., «мусульманский вопрос» стал ключевым в региональной политике Туркестана. Как писал известный востоковед, академик В.В. Бартольд: «...оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения»². Нельзя не согласиться с Т.В. Котюковой, что «в Туркестане, в отличие, например, от Степного края, существовал не один, а два “мусульманских вопроса” применительно к кочевому и оседлому населению, поэтому некоторые имперские стратегии и практики в отношении первых и вторых отличались»³. В целом, имперское правительство вместе с краевой администрацией опасалось, что мусульманами Туркестана будут предприниматься попытки интеграции в общероссийское мусульманское движение. В некоторой степени массовое переселенческое движение русских крестьян, являвшихся носителями

¹ *Лысенко Ю. А., Лысенко М. Ф.* Правовое положение мусульман центральноазиатских окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета.* 2016. № 2. С. 110.

² *Бартольд В. В.* Сарт // *Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии.* М., 1964. С. 528–529.

³ *Котюкова Т. В.* Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России в отношении кочевого населения Туркестана в конце XIX в. (специфика «мусульманского вопроса» и «православного ответа») // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сб. науч. трудов междунар. семинара. Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г. М., 2019. С. 81.*

преимущественно православных традиций, в Степной край и Туркестан подразумевало ограничение исламизации региона. Позиция К.П. фон Кауфмана в отношении ислама заключалась в его последовательном «игнорировании» по принципу «ни гонений, ни покровительства»¹. Он считал необязательным создание Духовного управления мусульман Туркестана, по аналогии с Оренбургским магометанским духовным собранием. Вместе с тем, по утверждению Ю.А. Лысенко, «православие заняло второе после ислама место по числу своих приверженцев. Это обстоятельство поставило перед Русской православной церковью задачу создания в регионе системы административно-территориального управления православным населением и условий, необходимых для реализации его религиозных потребностей»².

У истоков православия в Туркестанском крае стоят две исторические фигуры: Константин Петрович фон Кауфман и Стефан Васильевич Скольский (архиепископ Софоний), первый архиепископ Туркестанский и Ташкентский (1871–1877). В мае 1869 г. Константин Петрович просит обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А. Толстого учредить на территории генерал-губернаторства отдельную архиерейскую кафедру и определить местом пребывания Туркестанского епископа областной город Семиречья – Верный (ныне г. Алматы, Республика Казахстан). Эта рекомендация была вполне обоснованной, так как именно в Семиреченской области на тот момент проживала подавляющая часть православного населения края. Тем не менее, в научной литературе существуют разные точки зрения по вопросу учреждения архиерейской кафедры в г. Верном, а

¹ Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад, 1946. С. 312.

² Русская православная церковь в центральноазиатских окраинах Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): Сб. документов и материалов. Барнаул, 2017. С. 12.

не в Ташкенте – столице Туркестанского генерал-губернаторства. С одной стороны, Главный начальник края [генерал-губернатор] опасался ущемления авторитета генерал-губернаторской власти, а с другой стороны, позиция Кауфмана объяснялась «нежеланием раздражать мусульманское население недавно присоединенного к империи города»¹. В целом, по мнению Т.В. Котюковой, политика «игнорирования» проводилась в Туркестане не только в отношении ислама, но и в отношении православия².

Со временем создалась ненормальная ситуация, когда архиерейская кафедра была, по сути, на окраине Туркестанского края и к тому же с 1891 по декабрь 1897 г. Семиреченская область находилась в составе Степного генерал-губернаторства и 16 лет кафедра вообще располагалась за пределами Туркестана. Лишь в декабре 1916 г. центр Туркестанской епархии переместился в Ташкент, а Верненская кафедра стала Семиреченским и Верненским викариатством.

Официальную историю Туркестанская епархия ведет с момента издания указа Святейшего Синода от 17 июня 1871 г.³, хотя первые православные священники пришли в тогдашний Туркестанский край в составе русских войск, участвовавших в завоевании края. Основным содержанием работы по налаживанию религиозного быта православного населения, помимо храмового и монастырского строительства, стала организация религиозно-просветительской и миссионерской деятельности, включая проведение внебогослужебных бесед, создание школ и библиотек.

¹ Туркестанская епархия в документах и комментариях. 1867–1918. Ташкент, 2017. С. 22.

² См.: Котюкова Т.В. Политика «двойного игнорирования» в имперском дискурсе России... С. 90.

³ См.: Синодальный указ об учреждении Туркестанской епархии // Туркестанская епархия в документах и комментариях. 1867-1918. Ташкент, 2017. С. 64.

Организация православной жизни в Туркестанском крае имела несколько особенностей. Во-первых, внушительные размеры канонической территории Туркестанской епархии: в начале XX в., после присоединения Закаспийского благочиния она составляла более 1 684 901 кв. верст¹. Соответственно, благочиния также были велики и включали в себя целые области равные по размерам среднестатистическим российским епархиям. Естественно, в таких условиях благочинные не всегда имели физическую возможность побывать во всех удаленных уголках Туркестана хотя бы раз в год.

Во-вторых, епархия обладала сложной церковной структурой, которая включала в себя, кроме обычных благочиний, военные и железнодорожные благочиния, имеющие свое церковное начальство. Наглядной иллюстрацией служит рапорт градо-Ташкентского благочинного протоиерея о. Алексея Маркова, который писал: «в городе Ташкенте всех приходских храмов четыре: военный собор, градский [то есть городской] собор, градская Сергиевская и Благовещенская железнодорожная церкви и столько же самостоятельных благочиний. Такое явление не может вредно не отзываться на служебных взаимных отношениях о[тцов] благочинных, а пребывание епархиального Архипастыря в удаленном от гор. Ташкента гор. Верном лишает его возможности нормировать правильное течение служебной деятельности местного духовенства»². Как следует из отчета о состоянии Туркестанской епархии за 1915 г., «засилье» военного элемента с генерал-губернатором во главе обнаруживается в том, что голос местного архиерея мало слышится и принимается во внимание. Даже военное духовенство, опираясь на меч своих полковых генералов, не считается со своим епархиальным

¹ См.: *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец, 1996. С. 10.

² Туркестанская епархия в документах... С. 46.

начальством: захватило наилучшие храмы, законополучительные должности, вторгается в епархиальные приходы и т. д.»¹.

В-третьих, как было сказано выше, важным направлением деятельности Русской православной церкви в Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. стала организация миссионерских структур для проведения религиозной пропаганды среди мусульманского, старообрядческого и сектантского населения региона. Тем не менее, одним из основных факторов, препятствовавших миссионерской деятельности, был языковой барьер². Как писали Туркестанские ведомости в 1916 г., «ни одного среди нас, туркестанских пастырей, нет аборигена страны. <...> Группа таких мечтателей-пастырей, сошедших только вчера со школьной скамьи, отправилась в Туркестанский край, надеясь здесь принести большую пользу, предполагая, что здешняя паства, оторванная от своих родных, больше чувствует свою тоску и жажду обновления. Приехав сюда, мы с сердечною болью почувствовали, что мечты нисколько не соответствовали действительности. Ни условия жизни, ни народ, ни обстановка – не напоминали нам ту Россию, те села, где мы провели и дни младенчества, и дни юности»³.

В-четвертых, паства в Туркестане отличалась большим разнообразием. «Состав наших поселений поражает своей разнородностью – нигде в России вы не встретите такие разнообразные типы и характеры, как здесь. В каждом значительном селе вы встретите великоросса, малороссов, зырян, мордву и сибиряков. Все это собрался народ, ушедший из России в поисках лучшей земли⁴. Кроме того, особенность религиозно-

¹ Русская православная церковь в центральноазиатских окраинах Российской империи... С. 121.

² См: Туркестанские епархиальные ведомости. 1908. № 11. С. 361.

³ Задачи пастырского служения в Туркестане // Туркестанские епархиальные ведомости. 1916. № 6. С. 63.

⁴ Там же. С. 64.

нравственного состояния православного населения привело к созданию местных обычаев и традиций, не существующих в Центральной России. Так, «Туркестанского епархиального архиерея по городам и станицам встречают повсюду с конвоем казаков, а Главного начальника края [Туркестанского генерал-губернатора] и военных губернаторов [Семиреченской, Ферганской и Сыр-Дарьинской областей] встречают и провожают колокольным звоном и церковными парадами, как положено встречать только Высочайших особ»¹.

В тоже время, личный состав Туркестанского духовенства был малоопытным, не знавшим особенностей края. Ситуация осложнялась отсутствием нормального быта и скудностью денежного содержания. В редких случаях, приходилось «брать в клир отбывших военную службу трапезников, церковных сторожей, сельских писарей и т.п. лиц»².

Таким образом, на протяжении 50 лет существования Туркестанского генерал-губернаторства велась планомерная религиозная политика в отношении православного населения края, которая была призвана, на первом этапе, урегулировать мирное сосуществование представителей ислама и христианства. В связи с этим, меры, включающие теоретическое изучение исламской религии, которые предпринимались генерал-губернаторской властью, осуществлялась с большой осторожностью и взвешенностью. Со своей стороны, мусульмане этого этнорегиона прекрасно понимали, что православие в Российской империи является господствующей религией, поэтому ее представители пользуются особым статусом и привилегией на территории Туркестана. Понятно, что это самым непосредственным образом влияло на характер межрелигиозных и этноконфессиональных отношений ислама и православия в Русском

¹ Русская православная церковь в центральноазиатских окраинах Российской империи... С. 121.

² Там же. С. 118.

Туркестане. В целом, по признанию большинства исследователей, исламо-православные отношения в Русском Туркестане были достаточно терпимыми¹.

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые попытки со стороны Русской православной церкви, на территории Туркестана церковно-приходская система оставалась слабо развитой. В своих отчетах и докладах архиереи неоднократно сообщали о недостаточности (а порой и об отсутствии) православных храмов и «кадрового голода» в отношении священно-церковнослужителей, что являлось препятствием в условиях развития идей панисламизма и пантюркизма, на пути успешного продвижения православной миссии среди коренного населения. Важным специфическим инструментом религиозной политики со стороны государства и краевой администрации стал отказ от активного вмешательства в духовную жизнь населения Туркестана.

¹ См.: *Волков И.* Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межцивилизационного сотрудничества в Средней Азии // *Исламоведение*. 2016. № 2. С. 10.

Формирование общественного мнения в России
в конце XIX – начале XX в. по вопросам взаимоотношений
с соседними империями¹

*М.В. Медоваров*²

Анализ взаимного влияния внешней политики и прессы остается одним из приоритетных направлений исследований в истории России. В этой связи следует совершить экскурс в методологические подходы к данной теме, который позволит перейти к проблеме формирования отношений русского общества к соседним, граничившим с Россией империям Гогенцоллернов, Габсбургов, Османов, Каджаров, Цинов.

Зарубежные историки обращались к данной теме редко и обычно без особого успеха. Первопроходцем следует считать русскую немку И. Грюнинг, которая поставила вопрос о том, что царское правительство в 60–80-е гг. XIX в. умышленно давало большую степень свободы прессе в обсуждении внешнеполитических вопросов, иногда прикрываясь ей как ширмой, но не идя на уступки при принятии решений³. В целом подход Грюнинг страдал вульгарным социологизмом: так, она приписывала российским либералам защиту интересов крестьян и кустарей как причину их «миролюбивости» на международной арене⁴.

© Медоваров М.В., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

² *Медоваров Максим Викторович*, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

³ См.: *Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten vom Berliner Kongreß bis zum Abschluß des franco-russischen Bündnisses. Inaugural-Dissertation. Berlin, 1927. S. 13, 44–48.*

⁴ *Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten. 1878–1894. Berlin, 1929. S. 201.*

Политически ангажированными плодами Холодной войны являются американские монографии М. Петровича и Э. Тадена о возникновении панславизма в России¹, равно как и апологетический чешский труд на ту же тему². Освещение тех или иных внешнеполитических событий в русской прессе упоминается в книге Д. Схиммельпеннинка³, что важно для изучения отношения российского общества к Японской империи, но и в этом случае общий методологический вопрос о взаимовлиянии прессы и внешнеполитического курса руководства России не ставился. В целом ряде обобщающих трудов по истории внешней политики России об общественном мнении и позиции прессы даже не упоминается⁴.

Безусловно, общественное мнение – величина трудно определяемая и не сводящаяся к периодической печати. Помимо газет и журналов, его формируют разнообразные общества, кружки, салоны, университеты, отдельные издания публицистики, речи политиков и сановников. Как отмечает Н.С. Гусев, нельзя считать общественное мнение и печатные публикации синонимами, следует учитывать целевую аудиторию прессы, ее социально-классовый состав, за мнение которого политики вели борьбу⁵. «Неопубликованную» часть общественного мнения изучать намного труднее.

На протяжении всего XIX в., впрочем, влияние прессы возрастает. Трудность заключается в том, чтобы определить меру отражения уже готового общественного мнения в печати и меру

¹ См.: *Petrovich M.V. The Emergence of Russian Panslavism, 1856–1870. New York, 1956; Thaden E.C. Conservative Nationalism in Nineteenth Century in Russia. Seattle, 1964.*

² См.: *Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964.*

³ См.: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.*

⁴ См.: *Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006; Он же. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: В 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М., 2018.*

⁵ См.: *Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 12–16.*

сознательного влияния редакций газет и журналов на общественное мнение. К 1914 г. в России сложились прочные и устоявшиеся оценки Германии и Австро-Венгрии, Турции и Ирана, Китая и Японии, но так было не всегда: эти оценки во многом были плодом десятков лет неустанной работы журналистов. Как отмечал Н.Е. Кутищев, «изучение общественного мнения России, концентрированным выражением которого является печатное слово, позволяет не только полнее понять суть происходивших событий в международной жизни, но и показывает тот богатый опыт плюрализма мнений, борьбы точек зрения, который был накоплен русской прессой и публицистикой и свидетельствовал о высокой культуре этого жанра выражения общественного мнения русского общества»¹.

Б.Н. Есин отмечал: «Журнал занят, в основном, формированием общественного мнения, газета – его отражением»². Это высказывание представляется особенно верным для конца XIX в., когда журналы в России отчасти принимали на себя роль отсутствующих политических партий. Для начала XX в. более точными представляются слова Е.Г. Костриковой: «В рассматриваемый период именно газетам, как более оперативным и доступным, принадлежала ведущая роль в формировании у современника представления о происходящем в мире. Пресса различных партий не только отражала, но и формировала общественное мнение»³.

Для последней трети XIX в. применение подобной оценки к российским газетам и журналам было бы, пожалуй, чрезмерно смелым. Историки, занимавшиеся этим периодом, чаще делали акцент на первых шагах различных периодических изданий по формулированию своего

¹ *Кутищев Н.Е.* Восточный вопрос в последней четверти XIX в. и российская печать. Иркутск, 1992.

² *Есин Б.И.* Русская газета второй половины XIX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1973. С. 377.

³ *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. М., 1997. С. 4.

отношения к тем или иным государствам и отношениям России с ними¹. Некоторые газеты и журналы годами колебались и публиковали разные точки зрения, прежде чем были вынуждены сделать окончательный выбор между агитацией за союз с Германией или Францией, с Китаем или Японией.

Для конца XIX в. лучше говорить, как В.М. Хевролина, о «робком устремлении» либеральной буржуазии и интеллигенции к надеждам на «влияние общественного мнения» на внешнюю политику России. По ее оценке, в царствование Александра III либералы печатно выступали за нейтрализацию авторитарных тенденций во внешней политике России «гласностью, контролем представительных учреждений, влиянием общественного мнения», что на тот момент было нереалистично². О ситуации конца XIX в. историк пишет: «Правительство в то время не расценивало общественное мнение как силу, могущую оказать действительное влияние на внешнюю политику, хотя и было вынуждено учитывать в некоторых вопросах позицию влиятельных политических группировок. <...> В целом русское общество еще не было готово оказывать серьезное влияние на правительственную политику. В его недрах не сформировались организованные политические силы, могущие заставить самодержавие считаться со своими требованиями»³. Однако, как подчеркивает В.М. Хевролина, уже в это время периодическая печать и публицистика «будили общественное самосознание, формировали общественное мнение, создавая политические силы, которые заявили

¹ См.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974; *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956; *Кутищев Н.Е.* Восточный вопрос в последней четверти XIX в. и российская печать. Иркутск, 1992.

² См.: *Хевролина В.М.* Проблемы внешней политики в общественной мысли страны // История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999. С. 333.

³ Там же. С. 343.

о себе на политической арене в начале XX века»¹. По словам историка, «настрой, психология общества сами по себе имели значение, и правительство вынуждено было с ними считаться»². Император Александр III сказал по этому поводу: «Если потеряется доверие нашего общественного мнения во внешнюю политику [sic!], тогда все пропало»³.

Роль первой русской революции как важнейшего рубежа в изменении характера взаимодействий периодической печати с министерством иностранных дел отмечают многие исследователи, хотя эта веха не была первой (предыдущим поворотным моментом была роль М.Н. Каткова в 1863 г. и массовая кампания русской прессы в 1876–1877 гг. – первые два случая реального влияния общественных настроений на внешнюю политику пореформенной России). Историография вопроса частично рассмотрена Е.Г. Костриковой⁴. Она же убедительно показала, что перемены в этой сфере начались еще в 1902 г. с созданием по инициативе С.Ю. Витте Торгово-телеграфного агентства (с 1905 г. – Санкт-Петербургское телеграфное агентство)⁵, а в ходе революции с 1906 г. резко ускорились. Поворотным моментом явилось создание новым министром иностранных дел А.П. Извольским при помощи А.А. Гирса Отдела печати МИД⁶. Это было сделано для преодоления «полного разлада в делах внешней политики между народным настроением и дипломатическим ведомством, руководящим этими делами. Последнее как бы кичилось своей независимостью от того, что принято называть мнением страны, забывая, что лишь в нем оно может почерпнуть авторитет и нужную силу»⁷.

¹ Там же.

² *Хевролина В.М.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. С. 313.

³ Там же.

⁴ См.: *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идейная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 14–17.

⁵ См.: *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия... С. 69–89.

⁶ Там же. С. 103–121.

⁷ Там же. С. 105.

Несмотря на отсутствие монополии на информацию у этого отдела и на слабую управляемость частных и партийных газет, речь шла о веянии времени, типичном для думской монархии. Неслучайно В.Н. Виноградов о периоде после 1905–1907 гг. сказал: «Появился и фактор, которым Зимний дворец пренебрегать не мог – общественное мнение и печать»¹. В 1908 г. старейший корреспондент А.Н. Веселитский-Божидарович воскликнул о «Новом времени» А.С. Суворина: «Оно не отражает общественное мнение, оно просто делает его!»²

После смерти П.А. Столыпина давление прессы на внешнеполитический курс правительства усиливалось и особенно ярко проявилось в период Балканских войн и Первой мировой войны. В ноябре 1912 г. «Новое время» поучало МИД: «Во всех государствах, с которыми нам приходится иметь дело, печать как всегда, усердно и энергично сотрудничает со своими дипломатами в настоящих трудных обстоятельствах, облегчая их задачу соответственной подготовкой общественного мнения»³. Более правые органы печати, особенно славянофильского толка, по сравнению с «Новым временем» нападали на курс С.Д. Сазонова еще более решительно и, как показали И.В. Бестужев и Е.Г. Кострикова, в заметной степени связывали ему руки в попытках сближения с Германией и Турцией.

Не только Сазонов, но и Николай II при вступлении в Первую мировую войну в 1914 г. прямо ссылались на русское общественное мнение⁴ – ситуация, которая была немыслима в начале русско-японской войны десятью годами ранее. Правда, выше мы упоминали о случае 1877 г.,

¹ Виноградов В.Н. Двадцатый век. Россия: возвращение в Европу // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 256.

² Там же. С. 129.

³ Там же. С. 147.

⁴ См.: Кострикова Е.Г. Русско-германская «газетная война» // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 418–425.

но тогда, объявляя войну Турции, Александр II не мог подумать о публичной ссылке на общественное мнение как мотив своих действий, хотя оно уже ярко проявляло себя. Между тем в Европе и США к началу XX в. общественное мнение, формируемое буржуазными кругами в том числе через прессу (но также через лоббирование), регулярно вступало в противоречия с планами глав государств и дипломатов. Теперь это явление пришло и в нашу страну. Случай 1914 г. говорил о том, что Россия по степени влияния прессы на внешнеполитические решения уже не уступала Германии, Франции, балканским странам, США и, вероятно, опережала Великобританию.

В отечественной историографии наиболее исследован вопрос о позиции русской прессы, общественных кругов, Государственной Думы относительно ведущих европейских держав в период с 1905 по 1917 гг.¹ Своеобразны исследования о внешнеполитических взглядах политических партий и группировок: монархистов, кадетов, октябристов и прогрессистов². В центре внимания неизменно оставался неуклонный упадок прогерманских и проавстрийских группировок в эти годы и формирование устойчивого общественного мнения России против Австро-Венгрии (с 1908 г.), а затем (с 1911 г.) против Германии и (с 1912 г.)

¹ См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906–1910 годах // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 60–76; *Бестужев-Лада И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века (Россия перед вызовами новой эпохи). М., 2011; *Он же.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1985; *Он же.* Внешняя политика России 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; *Урибес-Санчес Э.* Российское общество и внешняя политика // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 371–406.

² См.: *Белянкина В.Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых (1907–1914 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005; *Воронкова И.Е.* Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010; *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Он же.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002.

Турции¹. Определенную ценность при изучении этой темы сохраняют монографии 70–80-х гг. об отношениях дворянской и буржуазной общественности с российской властью в целом². Большой интерес представляет изданная И.С. Рыбаченок антология аналитических записок и публицистических статей по вопросу об ориентации внешней политики России на Дальний или Ближний Восток между 1880 и 1905 гг.³, хотя обобщающих исследований на эту тему все еще остро не хватает.

Особняком стоят работы об отношении к славянам и неославизме⁴, о русской прессе в период Балканских войн 1912–1913 гг.⁵, однако за ними постоянно уходила на задний план тема Австро-Венгрии и перспектив ее распада или дальнейшего существования в восприятии русского общественного мнения. Пока что можно говорить лишь о первых подступах к этой теме⁶.

Обширная историография русинского («москофильского») и украинского движения в Галиции, Буковине, Закарпатье освещает почти

¹ См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 75. М., 1965. С. 44–85; *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны. 1910–1914. М., 1985.

² См.: *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *Он же.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьей ионьской системы. Л., 1988; *Он же.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; *Он же.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981; *Он же.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990.

³ См.: *Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: документальная публикация / сост. И.С. Рыбаченок.* М., 2004.

⁴ См.: *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1917 годов // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 3–11; *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге (1858–1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

⁵ См. работы Е.Г. Костриковой и А.А. Чемакина, а также: *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020.

⁶ См.: *Медоваров М.В.* Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 69–77.

исключительно период 1907–1914 гг. Предыдущая эпоха последней четверти XIX – первым годам XX в. в этом аспекте оказывается незаслуженно обойденной вниманием¹, в связи с чем нами начата серия очерков по освещению проблематики «Зарубежной Руси» в российской печати 1890-х гг.² В результате установлено, что за пределами узкого круга поздних славянофилов и малороссийской церковной печати интерес российской общественности к Галиции был поначалу крайне мал. Не столько объективный рост русинского движения (оно было сильно и раньше), сколько постоянное распространение славянофильских взглядов по мере ухудшения русско-австрийских отношений привело к тому, что между 1909 и 1914 гг. галицко-буковинский вопрос станет одним из самых популярных в русской периодической печати и ляжет в центр внимания нескольких партий и движений³. Эта территориальная проблема окажется главной в русско-австрийском противостоянии, хотя нельзя забывать и о возросшей тогда роли сербского, албанского и македонского вопросов, также непрерывно ухудшавших отношение русской прессы к Австро-Венгрии.

В старых монографиях тема российских оценок албанского и македонского вопроса не ставилась⁴. Позднейшие исследования по освещению албанского национального движения накануне и в период провозглашения независимости (1912 г.) в русском общественном мнении

¹ См.: *Линченко А.А.* «Другие славяне»: образы «западного славянства» в воззрениях русских национал-консервативных панславистов в 70–80-х гг. XIX в. // *Былые годы.* 2018. Т. 50. № 4. С. 1656–1665.

² См.: *Медоваров М.В.* Русинский вопрос в зеркале русских консервативных журналов (1890–1894 гг.) // *Русин.* 2022. Т. 69. С. 73–96.

³ См.: *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000; *Чемакин А.А.* Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб., 2018; *Он же.* Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов. СПб., 2018.

⁴ См.: *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959; *Шофман А.С.* Очерки по истории Македонии и македонского народа. В 2 т. Т. 2. Казань, 1960.

свидетельствуют о поляризации между антиалбанской позицией панславистских и либеральных («Вестник Европы») органов печати и проалбанской риторикой большевиков¹. Часть кадетской и вообще либеральной прессы («Речь», «Русское слово») либо поддерживала создание Албании, либо колебалась², не осознавая в полной мере серьезность австрийского влияния в регионе.

Приведем яркий пример. В 1903 г. австрийские агенты-францисканцы пытались вдохновить албанцев-мусульман на убийства русских монахов в Высоких Дечанах. Но только в 1908 г. эта информация дошла до путешественника-славянофила А.А. Башмакова, и лишь летом 1913 г. он опубликовал ее³. Неудивительно, что только исход Первой Балканской войны вынудил старого германофоба Башмакова выступить с прямым призывом к разрушению Австро-Венгрии: «Сербское племя другого выхода к жизни не имеет и не найдет, как путем освобождения и воссоединения тех 6 миллионов его сородичей, которые ныне страдают под игом Габсбургов»⁴.

Несколько лучше исследовано отношение российской прессы и общественных лагерей к македонскому вопросу – средоточию противоречий множества народов и всех великих держав, хотя и здесь

¹ См.: *Сенкевич И.Г.* Национально-освободительное движение албанского народа в начале XX века // Вопросы истории. 1956. № 6. С. 48–57; *Он же.* Национально-освободительное движение в Албании в 1908-1910 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956; *Искендеров П.А.* Рождение албанского государства // В «пороховом погребе Европы». М., 2003. С. 430–452; *Искендеров П.А.* Российская и европейская пресса о событиях в Албании (конец XIX – начало XX в.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати: К 90-летию со дня рождения А.А. Улуныяна: сб. статей. М., 2014. С. 242–259; *Ариш Г.Л.* Албания, первый год независимости (по материалам русской печати) // Там же. С. 279–287.

² См.: *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос. С. 263–269.

³ См.: *Башмаков А.А.* Через Черногорию в страну диких гегов. СПб., 1913. С. 93, 126.

⁴ Там же. С. II.

остаются белые пятна¹. Однако и здесь подборка органов периодической печати для анализа не всегда репрезентативна, зачастую оказывается случайной².

И.М. Ямбаев установил две константы в восприятии русскими путешественниками и дипломатами македонского населения: утверждение о несформированности его этноязыкового самосознания (болгарского, сербского либо греческого) и о враждебности ему албанцев. Характерно, однако, что интриги Австро-Венгрии до 1908 г. не воспринимались как стоявший за албанским движением в регионе фактор³. А.Н. Сквозников, подробно рассматривающий русскую дипломатию в исторической Македонии, вскользь обращается к русской прессе в связи с Илинденским восстанием («Русский вестник») и межнациональной борьбой в Македонии («Новое время»), зато весьма подробно, с привлечением газет и журналов разной направленности, делает это в связи с Мюрцштегскими соглашениями⁴. Выясняется, что поначалу вся русская пресса, кроме скептически настроенного «Русского богатства», положительно воспринимала договоренности с Австро-Венгрией; следовательно, враждебный образ империи Габсбургов тогда еще не сложился. Разрыв Австрией Мюрцштегских соглашений в 1908 г., который произошел еще до окончательно похоронившей их младотурецкой революции

¹ См.: *Германов С.* Руската общественост и революционото движение в Македония и Одринско. 1893–1908. София, 1992; *Исаева О.Н.* Македонский вопрос и Россия // Новая и новейшая история. Вып. 15. Саратов, 1995; *Бурбыга В.А.* Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн. 1908–1912 гг. // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 123–141; *Ямбаев И.М.* Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». С. 297–321; *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010; *Учаева Н.А.* Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

² См.: *Гуринова О.Н.* Македонский вопрос в международных отношениях 1913–1920 гг. Харьков, 2015.

³ См.: *Толева Т.* Австро-Венгрия и становление албанской нации: 1896–1908. М., 2018.

⁴ См.: *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века... С. 78, 86 – 89, 99 – 100, 127–134.

и Боснийского кризиса, спровоцировал первую полноценную антиавстрийскую кампанию в русской печати¹. Все газеты, кроме крайне правого «Гражданина» В.П. Мещерского и столыпинского официоза «Россия», выступили против Австро-Венгрии единым фронтом, потребовав возобновления борьбы за Балканский полуостров.

Русско-австрийское противостояние на Балканах и в Галиции, таким образом, в 1908–1913 гг. превратилось в фактор, определивший переход даже прежних австрофилов на позиции ожидания распада Габсбургской монархии и создания на ее месте славянских государств, притом что единого мнения об их желательных границах среди российских публицистов и дипломатов не было. Даже крайне правые, упорно агитировавшие за союз с Германией, вплоть до начала Первой мировой войны призывали поделить с ней Дунайскую монархию². Идея расчленения Австро-Венгрии, во времена «России и Европы» Н.Я. Данилевского (1869 г.) бывшая достоянием узкого кружка, спустя сорок лет широко распространилась во всем русском обществе (см., например, реакцию на план И.В. Каменского в 1912 г.)³.

С накалом враждебности к Австрии нельзя сравнивать отношение к Германской империи, которая в целом воспринималась как прочная, хотя федеративные тенденции в ней подчас и отмечались русскими мыслителями. Полемика приверженцев доктрины об опасности продвижения «германизма» вглубь России с германофилами продолжалась с 1890-х по 1914 г.⁴

Колебания русского общественного мнения между 1878 и 1914 гг. по вопросу о сохранении Османской империи под покровительством России либо же ускорении ее распада до сих пор не были предметом

¹ Там же. С. 108–110.

² См.: Медоваров М.В. Кризис Австро-Венгрии... С. 74–75.

³ См.: Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. С. 49.

⁴ Там же. С. 34–47.

специальных исследований. Ремарки на этот счет разбросаны по разным работам, и исследование русско-турецких отношений сквозь призму общественного мнения остается задачей на будущее. То же самое можно сказать об Иране, особенно в период революции, русско-английской интервенции и мировой войны, то есть с 1906 по 1916 г.

Что касается восточных соседей России, то формирование внятной позиции русской прессы по вопросам отношений с Китайской и Японской империями, прогнозов их будущего шло замедленными темпами. Часто встречавшиеся в историографии обобщения о прояпонской позиции либеральных периодических изданий и прокитайских симпатиях консерваторов являются значительным упрощением и огрублением ситуации, вызванным эпизодическим обращением к единичным ярким статьям вне контекста газет и журналов в целом¹. Наши исследования показывают, что до японо-китайской войны 1894–1895 гг. наблюдался устойчивый рост интереса к Восточной Азии и проблеме борьбы за влияние в Корее, который ускорился в ходе данной войны². Русские либералы действительно излишне идеализировали японскую вестернизацию и выдвигали проекты расчленения Цинской империи, однако часть либеральных народников с 1895 г. заняла более взвешенную позицию и начала опасаться усиления Японии. Впрочем, ориентация на мнение Европы в либеральной прессе России в данном случае продолжала

¹ См.: *Попов А.* Дальневосточная политика царизма в 1894–1901 годах // Историк-марксист. 1935. № 11. С. 38–57; *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956. С. 647–652, 707–710; *Штейнгауз А.А.* Китай и Корея в русско-японских отношениях в освещении русской прессы и публицистики // Россия и страны Востока в середине XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 19–32; *Хевролина В.М.* Проблемы внешней политики в общественной мысли страны. С. 315–316, 331–332; *Она же.* Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. С. 125–128, 300–303.

² См.: *Медоваров М.В., Соколов Ю.В.* Русские журналы и политика России в отношении восточных соседей в период японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Российская история. 2023. № 4.

преобладать. Напротив, не все русские консерваторы были симпатизантами Китая, хотя либералы поголовно обвиняли их в этом. Однако чем дальше, тем больше консерваторы становились на позицию поддержки российской экспансии в Корею и на Ляодунском полуострове, что объясняет их дальнейший вклад в заключение союза с Китаем 1898 г. и обострение отношений с Японией¹.

Раскол между консерваторами по поводу отношений с Японией после 1905 г. был рассмотрен И.В. Бестужевым, а дискуссия между либералами в 1908–1910 гг. о дальневосточной ориентации российской внешней политики – Е.Г. Костриковой².

Подводя итог взгляду на Австро-Венгерскую и Германскую, Китайскую и Японскую империи в общественном мнении России, следует заключить, что во всех этих случаях оно сформировалось далеко не сразу. С 1880-х по 1900-е гг. органы прессы колебались в своей позиции относительно Германии и Австрии, Китая и Японии. Лишь после 1908 г. ненависть к Австро-Венгрии и поддержка ее распада становится широко распространенной, наравне со стремлением к мирному урегулированию с Японией. Прогерманские мнения в России имели тенденцию к постоянному ослаблению, хотя оставались заметными вплоть до лета 1914 г., будучи основанными на нереалистичных пожеланиях отказа Германии от поддержки Австрии и Турции.

Влияние прессы на массовую публику постоянно росло, но до 1911 г. общественному мнению не удавалось повлиять на какие бы то ни было внешнеполитические решения российского руководства. Как отмечал Гусев, в 1912–1913 гг. «мнение печати становилось средством

¹ См.: *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М., 2007. С. 96–140.

² См.: *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.). С. 52–54; *Кострикова Е.Г.* Геополитические интересы России и славянский вопрос. С. 24–33.

манипуляции и изменения общественного мнения, в том числе инструментом в руках противоборствующих группировок – групп давления... Одним из методов работы групп давления является воздействие на общественное мнение с прицелом на то, что оно начнет оказывать давление на собственное правительство»¹.

Действительно, после Боснийского кризиса и смерти Столыпина появляются многочисленные свидетельства прямого воздействия влиятельных кругов буржуазии и прессы на министра С.Д. Сазонова, что практически не оставляло ему пространства для дипломатических маневров с соседними империями. Можно согласиться, что «хотя Российскую империю кануна Первой мировой войны сложно назвать государством, в котором общество определяло политику напрямую, руководство страны тем не менее было вынуждено прислушиваться к своим подданным»².

¹ Гусев Н.С. Указ. соч. С. 12–13.

² Там же. С. 13.

Приамурское генерал-губернаторство в начале XX в.
Деятельность генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера
*А.С. Сенин*¹

Приамурское генерал-губернаторство было образовано в июне 1884 г. в составе Забайкальской, Амурской, Приморской областей, острова Сахалин и Владивостокского военного губернаторства (существовало в 1880–1888 гг.). В XIX – начале XX в. должность генерал-губернатора Приамурья последовательно занимали: генерал-адъютант А.Н. Корф (1884–1893 гг.), генерал-лейтенант С.М. Духовской (1893–1898), генерал от инфантерии Н.И. Гродеков (1898–1902), генерал-лейтенант Д.И. Субботич (1902–1903). В июле 1903 г. из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области было образовано Наместничество Дальнего Востока. Наместником был назначен адмирал Е.И. Алексеев. При наместнике был образован особый Комитет Дальнего Востока. В руках наместника были сосредоточены также дипломатические связи с соседними государствами (Китаем, Кореей и Японией). С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. Алексеев стал главнокомандующим всеми морскими и сухопутными войсками на Дальнем Востоке. Из-за разногласий с командующим Маньчжурской армии А.Н. Куропаткиным, подал прошение об освобождении от должности главнокомандующего². В июне 1905 г. наместничество Дальнего Востока было упразднено.

© Сенин С.А., 2023

¹ *Сенин Александр Сергеевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

² См.: Большая Российская энциклопедия: [в 35 т.]. Т. 1. М., 2005. С. 459–460.

В 1904–1905 гг. генерал-губернатором в Приморье был генерал от кавалерии Р.А. Хрещатицкий. 18 ноября 1905 г. приамурским генерал-губернатором был назначен П.Ф. Унтербергер¹. Местом пребывания генерал-губернатора был Хабаровск. Генерал-губернатор командовал войсками Приамурского военного округа, был наказным атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск, возглавлял гражданскую администрацию. Распоряжения по гражданской части он делал через канцелярию генерал-губернатора, разделенную на пять делопроизводств под руководством Правителя канцелярии. По свидетельству самого Унтербергера, в его распоряжении состояли старший и два младших чиновников особых поручений, окружной инспектор школ Министерства народного просвещения, чиновник по дипломатической части, горный инженер, инженер путей сообщения, архитектор и межевой инженер. К генерал-губернатору был прикомандированы чиновники особых поручений от Министерства финансов и Главного управления землеустройства и земледелия².

Местная администрация находилась в руках военных губернаторов Амурской и Приморской областей и острова Сахалин, губернатора Камчатской области³. Областное правление существовало только в Приморской области. В остальных областях были канцелярии губернаторов. Управление войсками осуществлялось через Штаб округа и офицеров окружных управлений. В Приморском крае действовали чиновники министерств: морского, финансов, юстиции, торговли и промышленности; Главного управления землеустройства и земледелия, Государственного контроля.

¹ См.: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. С. 22, 402–403.

² См.: *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг.: Очерк. СПб., 1912. С. 403.

³ Забайкальская область в 1906 г. вошла в состав Иркутского генерал-губернаторства. Камчатская область была образована в 1909 г.

Амурская, Забайкальская, Камчатская и Приморская области состояли из уездов и волостей. В отличие от них Сахалинская область¹ состояла из административно-полицейских участков. Амурское и Уссурийское казачьи войска представляли собой особые автономные военно-административные единицы и занимали сплошные пограничные территории. Земли Забайкальского казачьего войска были разделены наделами крестьян и бурят. Реформы местного самоуправления 1860–1870 гг. слабо коснулись дальневосточной окраины. «Городовое положение» 1870 г., заменившее сословные органы управления всесословными, стало внедряться лишь в конце XIX в. Земства так и не были введены до 1917 г.

Уже в 1861 г. царская власть открыло дальневосточные земли для заселения «крестьянами, не имеющими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желающих переселиться за свой счет»². Отдаленность края, отсутствие удобных путей сообщения, капиталов, дороговизна сырья и техники сдерживало экономическое развитие. Первым крупным инвестором стало государство. Казне принадлежали арсеналы в Хабаровске и Владивостоке, паровые мельницы, типографии, лесопильные и кирпичные предприятия, различные мастерские. Частная промышленность была представлена небольшими мастерскими и ремесленными заведениями. Строительство Уссурийской железной дороги в 1890-х гг. вызвали рост числа предприятий в самых разных отраслях. Возникли предприятия стекольной, металлообрабатывающей, судостроительной, сельскохозяйственной (консервной, винокуренной, пивоваренной) отраслей народного хозяйства. В 1900 г. в крае действовало 4 электростанции, к началу Первой мировой войны – 14. Быстро

¹ Сахалинская область образована в 1898 г.

² История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 231.

развивалась добыча морепродуктов. Помогая отечественным предпринимателям, власти закрывали отдельные районы морского промысла для иностранцев.

Строительство железных дорог увеличило потребность в топливе, ускорило развитие угольной промышленности. В 1905 г. в Приамурском генерал-губернаторстве действовало 12 копей, на которых было добыто 11,9 млн пудов угля. Развивалась золотодобыча. Акционерное общество «Тетюхе» в предвоенные годы строило обогатительную фабрику в районе месторождений свинцово-цинковой руды. На территории Амурской области действовали Амурский, Буреинский и Зейский горные округа. Товарищество Амурского пароходства наладило регулярные перевозки грузов и пассажиров. В 1912 г. из 563 коммерческих пароходов и барж, ходивших по Амуру, 212 судов (37,6%) были построены на дальневосточных заводах и верфях. К началу Первой мировой войны Владивосток вошел в число пяти крупнейших морских портов России. В течение 1898–1909 г. была сооружена Амурская колесная дорога от Хабаровска до Благовещенска, увеличены ассигнования на строительство и ремонт грунтовых и проселочных дорог. В 1914 г. общая протяженность гужевых дорог составила 4600 км. После русско-японской войны в крае появились автомобили. В 1912 г. во Владивостоке был пущен трамвай¹.

В развитие края большой вклад внес Пауль Симон (Павел Фридрихович) Унтербергер. Семья Унтербергеров переехала в Россию из Восточной Пруссии в Ригу в начале 1770-х гг. Дед П.Ф. Унтербергера был известным оружейником, кузнецом и каретным мастером, возглавлял одну из гильдий ремесленников и торговцев. Отец стал одним из

¹ См.: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 638–643; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). С. 309–315.

основателей ветеринарного дела в России. Окончив Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге он некоторое время работал врачом удельного ведомства в Симбирской губернии. За заслуги на государственной службе он был возведен в дворянское достоинство. Почти 40 лет был профессором Дерптского университета.

П.Ф. Унтербергер родился в Симбирске 9 августа 1842 г. Хотя раннее детство прошло в городе на Волге, наибольшее влияние на него оказал дерптский период жизни. Под влиянием отца и дяди, преподававших в университете, их друзей и знакомых у юноши развился интерес к научным знаниям.

После окончания классической гимназии в Дерпте Павел Фридрихович избрал для себя путь военного инженера. В 1862 г. он окончил Николаевское инженерное училище, а в 1868 г. Николаевскую инженерную академию по первому разряду. Талантливого инженера сначала направили в служебную командировку в Западную Европу, а потом оставили при академии для преподавательской и научной работы. Однако молодой офицер стремился на практике проверить приобретенные знания и выпросил вакансию для службы на далекой российской окраине. В автобиографии он писал: «Я отправился на службу в Восточную Сибирь отказавшись от представившихся мне начальником академии и училища привилегированных вакансий в Европейской России. Хотелось посмотреть наш Дальний Восток и вернуться затем через года три обратно... Сложилось в действительности все иначе». Первоначально Унтербергер занимал должность штаб-офицера для особых поручений при окружном инженерном управлении Восточно-Сибирского военного округа. А 1875 г. он был командирован в Китай для изучения строительного дела. Изучал

одновременно военную географию территории Китая и Монголии, фактически выполняя функции офицера Генерального штаба¹.

В апреле 1878 г. Унтербергер был произведен в полковники и назначен заведующим инженерной частью Восточно-Сибирского военного округа. Посетив важнейшие стратегические пункты тихоокеанского побережья, он высказал предложения по их укреплению, в частности, строительству береговых батарей. Унтербергер, понимая, что Владивосток не сможет получить быструю поддержку в случае обострения обстановки на Дальнем Востоке, предложил организовать круговую оборону города. Это означало сооружение ряда укрепленных районов, казарм для достаточного количества войск с соответствующими запасами. В 1879 г. он завершил разработку плана размещения вокруг города оборонительных сооружений. С 1881 г. Унтербергер исполнял должность начальника инженеров Восточно-Сибирского военного округа, а с 1884 г. заведовал инженерной частью только что образованного Приамурского военного округа.

1 октября 1888 г. Унтербергер произведен в генерал-майоры и назначен военным губернатором Приморской области с местопребыванием во Владивостоке. В следующем году он стал первым наказным атаманом Уссурийского казачьего войска². По ходатайству Унтербергера Уссурийское войско получило запасные земли, от эксплуатации которых войсковой капитал за несколько лет вырос с 15 до 500 тыс. руб. Военный губернатор способствовал развитию переселенческого движения, размещению в области переселенцев и казаков из других казачьих войск. В том же 1889 г. Унтербергер добился официального объявления Владивостока крепостью.

¹ См.: Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Губернатор инженер-генерал П.Ф. Унтербергер // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 112–117.

² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 8245. Л. 1–12.

В мае 1891 г. Унтербергер встретил наследника престола цесаревича Николая Александровича, который остановился в резиденции губернатора. Они приняли участие в официальном начале строительства Великой Сибирской магистрали. Вместе осмотрели новые береговые батареи, а 22 мая в селе Никольское Унтербергер представил цесаревичу казачье войско. Как отмечают биографы Унтербергера, личное знакомство с будущим императором, безусловно, оказало большое влияние на его дальнейшую служебную карьеру¹.

В 1895 г., во время мобилизации войск Приамурского военного округа в связи с японо-китайской войной 1894–1895 гг. командовал войсками Приморской области. Благодаря принятым мерам военные действия в Китае не перекинулись на дальневосточные территории России. Позже он напишет: «Только готовность наша отстоять наши владения на Дальнем Востоке, в случае надобности, вооруженной силой обеспечит краю дальнейшее спокойное культурное развитие и установит надежные дружественные отношения с нашими соседями»².

Помимо службы Унтербергер занимался географическими и этнографическими исследованиями. Он объехал Камчатку, Сахалин и Чукотку. Собирал информацию по географии, этнографии, экономике, истории Дальнего Востока. Был одним из первых фотографов-любителей в этом регионе. Сохранились сделанные им фотографии населенных пунктов и представителей коренных народов в национальных костюмах, оленьих упряжек и т. п. Собранные им во время служебных поездок коллекция легла в основу этнографического отдела Музея Общества изучения Амурского края. Унтербергер обобщил результаты исследований в книгах и статьях. Публиковался он в изданиях Русского географического общества, которое присудило ему малую серебряную медаль за работу

¹ См.: Владивосток. 1891. № 19. 12 мая.

² РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 83. Л. 4 об.

«Поездка из Тяньзина в Чжен-Дзян» и малую золотую медаль за книгу «Приморская область, 1856–1898 гг.»

Унтербергеру было суждено служить в годы, когда российская власть проявила повышенный интерес к развитию Азиатской части России, особенно Восточной Сибири и Дальнего Востока. Символом этого поворота к Азии стало сооружение Великого Сибирского железнодорожного пути (Транссибирской магистрали). Во всеподданнейшем докладе Александру III по вопросам сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути С.Ю. Витте писал в 1892 г.: «Для России в особенности важно, что этот переворот в направлении сообщений между Европою и азиатским востоком должен последовать в ее пользу, так как, участвуя в новом сообщении непрерывным рельсовым путем, на протяжении более 10 тысяч верст, она может и должна воспользоваться всеми выгодами не только посредника в торговом обмене произведений востока Азии и запада Европы, но и выгодами крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского востока. Таким образом, с постройкой Сибирской железной дороги значительно усилится роль России на всемирном рынке, и для нее откроются новые обильные источники народного благосостояния»¹.

Ввод в эксплуатацию Транссибирской магистрали, пусть временно по территории Китая, позволил организовать сквозное движение поездов между Европейской частью Российской империи и побережьем Тихого океана. Этот рельсовый путь стал отражением происходивших геополитических перемен в движении на восток, сделал «нереализуемыми многие стратегии, нацеленные на уменьшение влияния России в Азиатско-

¹ Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела. 6 ноября 1892 г. // Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. Т. 1: Пути сообщения и экономическое развитие России. Кн. 2, ч. 1. М., 2004. С. 169.

Тихоокеанском регионе»¹. В записке начальнику Генерального штаба генерал-лейтенанту Ф.Ф. Палицыну в 1906 г. Унтербергер писал, что строительство Амурской железной дороги «составляет вопрос жизни и смерти не только Приморской области, но и всего русского побережья Тихого океана, всего Дальнего Востока и всего нашего престижа в Азии»².

Одной из серьезных проблем, с которой столкнулся Унтербергер, стало незаконное проникновение мигрантов на русский Дальний Восток. Край было мало заселенным. Вдоль Амура и Уссури встречались редкие поселения китайцев, которые занимались хлебопашеством. В конце 60-х-начале 70-х гг. XIX в. на эти земли хлынул поток корейцев, спасавшихся от голодной смерти после нескольких неурожайных лет в Северной Корее. Русская администрация отнеслась к ним сочувственно, и разрешило поселиться в долине реки Сейфун. В последующие годы никто не чинил препятствий корейским переселенцам. По словам П.Ф. Унтербергера «народ этот был смирный, работающий и снабжал, по относительно дешевой цене, продуктами земледелия и огородничества редкое в то время русское население, как городов, так и войск». Их труд широко применялся и первыми русскими переселенцами во время жатвы и сенокоса. Но все более и более увеличивавшееся число переходивших границу корейцев, оседавших преимущественно вдоль Амура и Уссури, стало вызывать тревогу у русских властей, и в начале 90-х годов они провели переговоры с правительством Кореи. Была достигнута договоренность, что переступившие границу до 1884 г. будут приняты в русское подданство, остальным будет предложено в течение двух лет продать свое имущество и вернуться на родину. Временные (сезонные) рабочие подлежали строгому учету. Однако, назначенный в 1893 г. генерал-губернатором

¹ Транспортная политика государства: теория, история, практика: учебное пособие. М., 2020. С. 180.

² РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 117. Л. 8 об.

Приамурья С.М. Духовской придерживался иной точки зрения. Он, не без оснований, считал, что пустынный край желательнее скорее заселить, в том числе выходцами из стран Юго-Восточной Азии. К чему это привело подробно описано в книге Унтербергера.

В отличие от корейцев, китайцы жили без своих семей и особого упорства в сохранении за собой земли не проявили. Но зато они преуспели в торговле и по мере заселения края, сумели занять существенные позиции в этой сфере деятельности в городах и в сельских поселениях. Попытки как-то ограничить ее ни к чему не привели, т.к. внутри- китайская конкуренция вела к снижению цен. Унтербергер писал, что «русским весьма трудно конкурировать в торговле с китайцами, ввиду особой сноровки последних в торговых сделках и несравненно меньших, по сравнению с русскими фирмами, накладных расходах, как по содержанию личного состава служащих, так и скромности жизненных потребностей»¹. Противодействуя наплыву мигрантов, он в то же время поощрял торговлю с Китаем. Когда стало известно о скором отъезде Унтербергера в Европейскую Россию к новому месту службы китайская община г. Владивостока преподнесла ему адрес написанный на китайском языке на шелковой материи: «Его превосходительству Павлу Фридриховичу Унтербергеру за добродетельное управление, признательное китайское общество г. Владивостока», 4 мая 1897 г.»².

Несколько лет П.Ф. Унтербергер служил нижегородским губернатором. После поражения России в войне с Японией обстановка на Дальнем Востоке существенно ухудшилась, и Николай II предложил Унтербергеру вернуться на прежнее место службы. Одновременно за отличие в многолетней государственной службе он был награжден чином инженер-генерала – высшим для военных инженеров.

¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 90.

² Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Губернатор инженер-генерал П.Ф. Унтербергер... С. 117.

После поражения в русско-японской войне в общественном мнении распространились настроения о необходимости свертывания внешнеполитической активности на Дальнем Востоке. Историк Г.В. Вернадский писал о нелогичности наших действий на Тихом океане: упустили незанятую Америку (Аляску) и бросились на перенаселенную Азию. Министр иностранных дел А.П. Извольский считал нужным «повернуться спиной» к азиатам и возвратить центр тяжести русской политики в Европу. Военный министр В.А. Сухомлинов призывал даже не тратить деньги на укрепление Владивостока. Министр финансов В.Н. Коковцов призывал вовсе забыть о Дальнем Востоке и «сидеть смиренно», соизмеряя свои цели с имеющимися средствами. В европейских столицах также пессимистически смотрели на будущее этой части России. Так, высокопоставленный германский чиновник Р. Мартин в 1907 г. предсказывал, что в ближайшие 50 лет Россия потеряет половину Сибири¹.

Конечно, были и другие мнения. Известный полярный исследователь, будущий адмирал, А.В. Колчак в 1908 г. писал, что по отношению к Дальнему Востоку нельзя подходить с точки зрения сиюминутных интересов. Он называл Тихий океан Великим Средиземным морем будущего, а обладание этими берегами должно стать насущной государственной необходимостью². Известный географ и пионер охраны природы А.П. Семенов-Тянь-Шанский в докладе «Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке» в 1908 г. в Клубе общественных деятелей говорил, что пора «проницательно и дальновидно взглянуть на Восток, – туда, где России ее географией и историей поставлены наиболее важные задачи,

¹ См.: *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск, 2004. С. 439–440.

² См.: *Колчак А.В.* Какой флот нужен России? // Военно-морская идея России. Духовное наследие Императорского флота. М., 1997. С. 149.

где ей открыто обширное поле для широкой и блестящей будущности»¹. Посол России в Японии барон Р.Р. Розен в секретной записке в МИД призывал взглянуть на географическую карту и понять, что «Россия не только европейская держава, а прежде всего держава азиатская». Он считал, что на европейском континенте Россия достигла естественных границ, а увлечение «славянской идеей» лишь ослабляет страну. «Россия не нуждается в славянском мире, как славянство не нуждается в России», – подчеркнул Розен. По его мнению, славянские народы «всегда черпали и будут черпать нужные им богатства из западноевропейских, преимущественно германских, источников»². Известный публицист из «Нового времени» М.О. Меньшиков даже писал о русско-китайском союзе, но так называемые «восточники» на закате Российской империи оказались в меньшинстве³.

Унтербергер приложил немало усилий для укрепления военно-стратегического и экономического положения России на далекой окраине империи. В период с 1908 по 1910 г. силами военного округа было построено большое количество казарм, артиллерийских парков, складов и т. п. Значительно были улучшены бытовые условия для военнослужащих. Унтербергер считал необходимым постоянно усиливать владивостокскую крепость и устье Амура. По его указанию был создан ряд укрепленных пунктов вдоль Амура для защиты границы и территории страны и судоходства по реке. Он разработал план мер против захвата Камчатки японцами. Важное значение придавал Русскому острову, где наметил строительство 14 фортов и капониров для обороны побережья. Предложил организовать обширную разведку военного и экономического потенциала

¹ Семенов-Тянь-Шанский А. Наши ближайшие задачи на Дальнем Востоке. СПб., 1908. С. 3.

² Павлович М. «Романтика» и «реализм» в русской внешней политике // Современный мир. 1914. № 1. С. 205, 206.

³ См.: Ремнев А.В. Указ. соч. С. 445.

Японии, Кореи и Китая. Многие из этих идей и проектов были осуществлены в советские годы.

Подводя итоги своей деятельности, Унтербергер высказался за разработку комплексной правительственной программы, «которой должны были бы следовать все министерства... и которая служила бы руководящей нитью при управлении краем каждого последующего генерал-губернатора»¹. Унтербергер при этом считал необходимым, чтобы в обсуждении этого плана мероприятий участвовали (возможно, в специально созванном особом совещании) лица, близко знакомые «с разнообразными условиями жизни края и с делами его управления». Решения этого совещания должны быть утверждены Советом Министров и внесены в Государственную Думу для отпуска соответствующих средств. Отступление от коренных положений программы, при серьезно изменившихся обстоятельствах, должно «производиться тем же порядком, как и установление первоначальной программы»².

Унтербергер писал об усилении ответственности генерал-губернатора Приамурского края «за выполнение определенных задач в определенный срок». Но тогда и полномочия его должны быть расширены. Унтербергер считал, что местные органы центральных учреждений, особенно тех, кто влияют на «поднятие культурной жизни в крае», а это, в первую очередь, министерства торговли и промышленности, путей сообщения и Главного управления землеустройства и земледелия, «должны быть поставлены в более близкую зависимость и подчинение генерал-губернаторам». В случае разногласий между взглядами генерал-губернаторов и представителями этих структур, «голосу первых должно быть отдано предпочтение», конечно, при условии, что их мнение не противоречит основным директивам властей в деле

¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 404.

² Там же. С. 405.

управления краем. По словам Унтербергера, «голосу генерал-губернатора по всем вопросам края должно быть дано веское значение и представления его без особо основательных причин не должны быть отклоняемы или изменяемы в существенной своей части»¹. На должности генерал-губернатора следует назначать лиц, ранее служивших в крае, поскольку им не придется «первоначально знакомиться со своеобразными условиями этой окраины, на что при благоприятных условиях уходит не менее года времени»².

Унтербергер был государственно мыслящим чиновником. Он понимал, что проблемы Дальнего Востока, как и всей Сибири, это проблемы будущего России. Он думал о том, как превратить эту далекую окраину в полноценную часть империи, предотвратить социально-культурную эрозию в результате наплыва представителей других цивилизаций, ведь размывание русского этноса мигрантами грозило вполне предсказуемыми последствиями.

6 декабря 1910 г. П.Ф. Унтербергер был назначен членом Государственного совета. Покидая край, которому он отдал 33 года, он писал: «Я лично не сожалею, что лучшую часть своей жизни провел в Восточной Сибири. Там при большой самостоятельности и правах виден был и результат своей работы, а это возвышает дух и укрепляет веру в собственные силы»³.

¹ Там же. С. 408.

² Там же. С. 409.

³ РГВИА. Ф. 99. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

Отношение В.И. Ленина и других большевиков
к Австро-Венгрии накануне и в первые месяцы
Первой мировой войны (1912–1914 гг.)¹

*С.В. Кузнецова*²

Выбор Кракова в качестве места пребывания и поддержка В. Ленина австрийской социал-демократией и представителями австрийской политической элиты являются важными вопросами при освещении отношения лидера большевиков и его соратников к Австро-Венгрии в преддверии и в начале Первой мировой войны. В июне 1912 г. Ленин вместе с Н. Крупской и ее матерью переехал в польский Краков, который с 1846 г. находился в составе Австрии (Австро-Венгрии). Существенная причина выбора нового места пребывания известна из его письма, адресованного писателю М. Горькому: «Близко граница, используем ее, ближе к Питеру, на 3-й день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается»³. Однако переезд был важен не только для оперативного получения информации, но и для распространения в России новой газеты «Правда», первый номер которой вышел 22 апреля (по юлианскому календарю. – С.К.) 1912 г. Еще раньше близость Кракова к российской границе позволяла организовывать переброску экземпляров «Искры» (1900–1903), хотя стабильно наладить этот процесс не представлялось возможным ввиду дружеских отношений

© Кузнецова С.В., 2023

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006 «Российское общественное мнение по вопросам внешнеполитического курса России и ее места в международных отношениях (конец XIX – начало XX в.).

² Кузнецова Светлана Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 48. С. 84.

Российской империи с Австро-Венгрией и их сотрудничества в поимке русских революционеров, искавших убежище в том числе в Галиции. Однако по мере обострения российско-австрийских отношений в первом десятилетии XX в., особенно после боснийского кризиса 1908 г., австро-венгерские власти становились все терпимей к притоку политических эмигрантов. Да и в целом большая свобода, которой пользовалась Галиция в сравнении с польскими землями, в результате разделов оказавшимися в составе России, тоже говорила в пользу Кракова в качестве нового места проживания лидера российской социал-демократии.

Тем не менее известно, что Ленин все же опасался, перебравшись в Австро-Венгрию, оказаться переданным российской полиции. Его сомнения разведала поддержка представителей польской социал-демократии в лице Я. Ганецкого и депутатов австрийского рейхсрата З. Марека и И. Дашиньского. В итоге его плодотворная работа в Кракове продолжалась вплоть до июля 1914 г., и только последние месяцы перед мировой войной окончательно затруднили пребывание и в конце концов сделали его невозможным. Дело в том, что позиция австрийских властей по отношению к российским политическим эмигрантам изменилась, и теперь они рассматривались как граждане враждебного государства и попадали под полицейский контроль. Так возникла необходимость отъезда, ставшего неосуществимым из-за состоявшегося ареста Ленина в начале августа, после объявления Австро-Венгрией войны России. В ходе обыска на квартире Ульяновых были обнаружены письма в Петербург и рабочие материалы, связанные с изучением хозяйственной жизни Австро-Венгрии и Германии, и на их основании выдвинуто обвинение в шпионаже. На этот раз в защиту Ленина выступили не только представители польской социал-демократии и интеллигенции, но и лично депутат австрийского рейхсрата, член Социально-демократической партии Галиции и Силезии Г. Диаманд и лидер австрийской социал-демократии

В. Адлер. Их совместные усилия привели к тому, что Ленин был освобожден и получил разрешение на выезд из Австро-Венгрии в Швейцарию.

Помимо Ленина в Австро-Венгрии в те же годы проживали Л. Троцкий (1907–1914), Г. Зиновьев (1912–1914), И. Сталин (1913) – первые лица российской социал-демократии, что позволяло им оставаться недалеко от России и одновременно поддерживать сотрудничество с немецкой и австрийской социал-демократией, на которую делалась большая ставка в интернациональной пролетарской борьбе с деспотизмом старых монархий.

Оценки Австро-Венгрии лидерами российской социал-демократии основывались на опыте их личного проживания в стране, но ожидаемо преломлялись через сопоставление австрийских и российских реалий. Общественно-политическая ситуация в Австро-Венгрии интересовала Ленина в первую очередь в отношении национального вопроса, который стал занимать важное место в его работах именно в 1912–1913 гг. Несмотря на то, что применительно к Австро-Венгрии Ленин неоднократно использует эпитеты, указывающие на ее отсталость и косность, очевидно, что пребывание в Кракове позволило ему сформулировать и позитивные оценки страны. Эти емкие, но положительные комментарии в пользу Австрии служили усилению критики в адрес российского правительства. Приведем некоторые из них: «Есть государство, говорили с.-д. (социал-демократы – С. К.), которое имеет большинство населения славянское и которое давно уже пользуется политической свободой и конституционным порядком. Это – Австрия»¹. Или: «Россия в настоящее время представляет из себя страну с наиболее отсталым и реакционным государственным строем по сравнению со всеми окружающими ее

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1973. С. 183.

странами, начиная – на Западе – от Австрии, в которой с 1867 г. упрочились основы политической свободы и конституционного строя, а теперь введено и всеобщее избирательное право...»¹. А также: «Несомненно, что ни один марксист – и даже ни один решительный демократ не станет защищать австрийских коронных земель и русских губерний и уездов (они не так худы, как австрийские коронные земли, но все же очень худы)...»².

Что касается политики в отношении отдельных национальных групп, то, не умаляя притеснений со стороны австро-венгерских властей в отношении других народов, населявших империю, Ленин тем не менее жестко критиковал националистические взгляды представителей российских правящих кругов. Он обвинял их в подавлении украинского национального движения и задавался вопросом «Почему «автономия» не мешает единству Австро-Венгрии?»³. И отвечал на него с позиции своих же оппонентов: «Единству России, извольте видеть, «угрожает» автономия Украины, а единство Австро-Венгрии укрепляет всеобщее избирательное право и автономия отдельных ее областей! Что за странность такая? Не придет ли в голову читателям и слушателям «националистической» проповеди, почему невозможно укрепление единства России посредством автономии Украины?»⁴. О том, что более политически развитые немцы в Австрии и мадьяры в Венгрии тормозят развитие иных национальностей, писал и Сталин в своей известнейшей статье «Марксизм и национальный вопрос», работа над которой велась во время его пребывания в Вене⁵.

Также Ленин открыто высказывался против кадета М. Могилянского, отказывавшего украинцам в праве на отделение от Российской империи,

¹ Там же. С. 314.

² Там же. Т. 24. С. 148.

³ Там же. С. 325.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Сталин И.В.* Соч.. Т. 2. М., 1946. С. 303–306.

и обвинял его в «шовинистической травле украинцев»¹. Таким образом, он, по сути, выступал в защиту теоретика украинского национализма Д. Донцова и его сторонников, признавая их право обозначить свою позицию, хотя и не поддерживал подрывавшие пролетарский интернационализм взгляды. Следует отметить, что сам Донцов в своих политических соображениях ориентировался на союз с Австро-Венгрией, так как видел в нем главное условие для дальнейшего самостоятельного развития украинского народа. В августе 1914 г. он стал одним из руководителей «Союза освобождения Украины», организации украинских эмигрантов, основанной при содействии австро-венгерского министерства иностранных дел.

Второй контекст, в котором можно обнаружить большевистские оценки соседней монархии, это балканские кризисы 1912–1913 гг. и преследуемые в них интересы Австро-Венгрии. О том, что национальный вопрос в Австро-Венгрии сильнее, чем где бы то ни было, связан с внешней политикой, писал Зиновьев. Еще во время австрийской эмиграции он начал работу, вышедшую в 1918 г. в Петрограде под названием «Австрия и мировая война». Оценивая политику империи в отношении балканских народов, Зиновьев считал, что та, опасаясь усиления Сербии и действуя в собственных интересах, выступала в роли «защитницы чужеземного турецкого владычества над южно-славянскими народами»².

В условиях обострения международной напряженности на Балканах актуализировались призывы большевиков к межнациональному сплочению рабочих вне зависимости от амбиций правительств, преследовавших хищнические цели. Большевистская позиция нашла выражение в работах Ленина, который заявлял о «натравливании публики

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1973. С. 337–338.

² Зиновьев Г. Австрия и мировая война. Петроград, 1918. С. 32–33.

на Австрию»¹, обличал правительственные газеты «Голос Москвы», «Новое Время», «Речь», «Русское Слово», и др. в «бесстыдной травле Австрии»² и «науськивании на войну с ней»³ под прикрытием appetитов «разбойничьей династии» Романовых, которая ничем не лучше династии Гасбургов, если даже не хуже. А Троцкий еще в 1908 г. писал, что «как бы ни был пронзителен визг русской славянофильско-патриотической прессы против насилия Австрии над славянством, он не уничтожит того факта, что обе провинции были вручены Габсбургской монархии более 30 лет тому назад и притом не кем иным, как Россией»⁴. И продолжал: «Пролетариат России не может посылать Романова на борьбу с Австрией. Ибо Австрия нам не враг, а Романов нам не друг»⁵. Схожие мысли высказывал, к слову, и меньшевик Ю. Мартов в октябре 1912 г. в статье «Война и австрийские социалисты», в которой выступил против ненависти русских к австрийскому народу, которую так культивировали националисты и другие правые. Он настаивал на том, что большинство австрийского народа принадлежит к рабочему классу, выступающему против войны и за пролетарский интернационализм, и австрийские социал-демократы защищают право балканских народов самим определять свою судьбу – принцип, справедливый для программы социал-демократов и Австрии, и России, и всего мира⁶.

Наблюдая за метаниями российских правящих кругов в выборе внешнеполитического курса и определении союзников в 1912 г., Ленин в известной статье «Ко всем гражданам России», в равной степени осуждая

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. М., 1980. С. 16.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 146.

⁴ Троцкий Л. Соч.. Т. 6 М.;Л., 1926 // Марксистский интернет-архив.

URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm083.html> (дата обращения: 14.02.2023).

⁵ Там же.

⁶ См.: Луч. 1912. 10 X.

внешнеполитические аппетиты как России, так и Австро-Венгрии, тем не менее защищал министра иностранных дел С. Созонова от нападков со стороны правых, а также «либеральной буржуазии» за его умеренную позицию в отношении соседней империи и нежелание идти на открытое противостояние с нею ввиду возможного перерастания напряжения в конфликт еще и с Германией¹. Антиавстрийскую кампанию российского правительства Ленин объяснял «стремлением отвлечь внимание от внутренних дел России и «урвать кусок» Турции»². И несмотря на дальнейшее обострение международной напряженности, он продолжал призывать к интернациональному сплочению рабочих против захватнических амбиций великих держав.

Большевистские антимилитаристские лозунги, обращенные к российским трудящимся, продолжали громко звучать в обстановке общей газетной войны конца 1913 – первой половины 1914 г. Однако патриотический подъем в странах-участницах Первой мировой войны разрушил иллюзии о наднациональном единстве пролетариев. Троцкий, оценивая обстановку в «клерикальной, феодально-милитаристической» Австро-Венгрии, писал: «Австро-Венгрия никак уж не принадлежит к числу тех отечеств, которые привязывают к себе население положительными и очевидными преимуществами своего государственного строя... Тем более поразительным казался “патриотический” подъем масс»³. И тем не менее австрийские трудящиеся и теперь представлялись не предателями интернационального братства, но жертвами пропаганды воюющих правительств.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 22. С. 138.

² Там же. С. 146.

³ Троцкий Л. Соч. М.-Л., 1927. Т. 9 // Марксистский интернет-архив. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm083.html> (дата обращения: 14.02.2023).

Исходя из выше обозначенного, есть основания говорить о сформировавшейся накануне Первой мировой войны «проавстрийской позиции» лидеров российской социал-демократии, но необходимо делать это с некоторыми оговорками. Во-первых, следует толковать ее с точки зрения представления о пролетарском интернационализме и сотрудничестве с австрийской социал-демократией при уличении австро-венгерского правительства в реакционности внутренней и захватническом характере внешней политики. Во-вторых, нужно учитывать, что позитивные оценки некоторых сторон внутривнутриполитической жизни Австро-Венгрии и осуждение представителей российской политической элиты, отстаивавших антиавстрийские настроения, в 1912–1913 гг. и в начале Первой мировой войны служили в первую очередь для усиления критики царского режима, который представлялся еще более отсталым. Вместе с тем исследование сложившейся позиции большевиков в отношении Австро-Венгрии актуально ввиду того, что во многом именно в этот период формировались взгляды, которые затем легли в основу их внешнеполитического курса во время Первой мировой войны.

Правомонархические салоны и Государственная дума
Российской империи: некоторые аспекты взаимоотношений

Д.И. Стогов¹

Революционные события 1917 г., крушение Российской империи и сегодня вызывают интерес как в научных кругах, так и у действующих политиков, писателей, публицистов. Историки исследуют причины Февральской революции, механизмы ее возникновения, пытаются ответить на вопросы, связанные с возможностью предотвращения Февральской революции.

Определенную роль в политическом спектре Российской империи предреволюционного периода играли правые (консервативные) организации – как официальные (партии, союзы, собрания), так и неофициальные (кружки, салоны)².

В начале XX в. в России еще только формировались демократические структуры, политическая система оставалась неразвитой. В этих условиях особое значение имели правые салоны (литературные или политические собрания в узком кругу)³ и кружки. Понятие «кружок» является более обобщенным, чем понятие «салон»⁴. Вместе с тем, салоны обладали рядом характерных признаков: строго определенные дни и часы собраний, определенная регулярность, определенный круг вопросов, который обсуждался на салонных собраниях.

© Стогов Д.И., 2023

¹ *Стогов Дмитрий Игоревич*, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина).

² См.: Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг.: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 5.

³ См.: Салон // Большая советская энциклопедия. Т. 37. М., 1955. С. 625.

⁴ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1988. С. 250.

В начале Первой мировой войны появились новые правые салоны и кружки и исчезли некоторые из существовавших ранее. Главная причина их исчезновения – смерть организаторов крупнейших правых салонов – князя В.П. Мещерского и генерала Е.В. Богдановича. На обломках салона В.П. Мещерского появился кружок его «духовного сына» и наследника Н.Ф. Бурдукова.

Несмотря на достаточно большое количество правых салонов и кружков периода Первой мировой войны¹, только кружок А.А. Римского-Корсакова и отчасти кружок графа С.Д. Шереметева смогли выработать более-менее четкую политическую программу, пытаясь претворить ее в жизнь.

Рассмотрим позицию данных кружков по отношению к Государственной думе Российской империи. Планы относительно дальнейшего существования нижней палаты российского парламента излагались в так называемых «записках» кружка сенатора А.А. Римского-Корсакова, тексты которых направлялись через видных чиновников,

¹ См.: *Стогов Д.И.* Кружок А.А. Римского-Корсакова и его влияние на политику Николая II // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 3. Т. 4. История. С. 32–41; *Он же.* Салон Б.В. Штюмера в системе власти самодержавной России // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2012. № 6. С. 56–60; *Он же.* Кружок графа С.Д. Шереметева в политической жизни самодержавной России // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2013. № 4. С. 69–74; *Он же.* Кружок Н.Ф. Бурдукова в системе власти самодержавной России (1914–1917 гг.) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 3. С. 355–367; *Он же.* Кружок П.А. Бадмаева и его влияние на политику Российской империи в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2013. № 6. Ч. II. С. 165–171; *Он же.* Салон князя М.М. Андроникова и система власти Российской империи // Клио: журнал для ученых. 2006. № 3. С. 127–132; *Он же.* Салон графини С.С. Игнатьевой в политической жизни России начала XX века // Научное мнение. Научный журнал. 2013. № 9. С. 146–157; *Он же.* Салон графини М.Э. Клейнмихель и степень его влияния на политику Российской Империи // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6. Т. 1. С. 479–485.

участников кружка, непосредственно императору. Помимо проблемы существования Государственной думы в них также содержался комплекс мер, которые, по мнению авторов документов, должны были навести «порядок» в стране и сохранить монархический строй.

Активизация кружка наблюдалась весной 1916 г. в связи с усилением думского либерального Прогрессивного блока. Уже в марте 1916 г. в кружке по инициативе бывшего министра внутренних дел Н.А. Маклакова была выработана «записка», в которой царское правительство подвергалось критике за нерешительность. По словам советского историка В.С. Дякина, бывший министр разработал целую программу действий, намереваясь огласить ее при дворе¹.

Прежде всего, участники кружка выдвигали предложение распустить Государственную думу². Кроме того, Н.А. Маклаков предложил отправить в отставку военного министра А.А. Поливанова³ и, вероятно, министра народного просвещения П.Н. Игнатьева, которые считались либералами⁴.

После того, как 1 ноября 1916 г. лидер кадетов П.Н. Милюков произнес знаменитую думскую речь с критикой «камарильи» и царского правительства, кружок А.А. Римского-Корсакова вновь активизировался. Его участник князь Н.Д. Голицын (будущий премьер-министр) передал Николаю II новую «записку», которая, как позже признался еще один участник кружка С.П. Белецкий, была составлена в кружке еще в конце премьерства Б.В. Штюрмера⁵.

¹ См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 183.

² См.: Письмо в редакцию газеты «Биржевые ведомости» // Земщина. 6 марта 1916 г. № 2291. С. 3.

³ См.: Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. 4. С. 140, 156.

⁴ См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм... С. 184.

⁵ См.: Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Л., 1926. Т. 5. С. 247, 248; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 6; Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 446.

Вскоре до императора дошла еще одна «записка» кружка. Ее текст, как уверял Н.А. Маклаков, была составлена участником кружка М.Я. Говорухо-Отроком¹. Вручил ее императору Н.А. Маклаков 8 января 1917 г. на приеме у царя². Впрочем, переписка императора и императрицы не содержит в себе упоминания о данном документе. Сам Говорухо-Отрок, по свидетельству Н.А. Маклакова, еще в январе 1917 г. был уверен, что «записка» так и не дошла до императора, хотя на самом деле царь с ее текстом ознакомился³.

Известный поэт, в 1917 г. являвшийся секретарем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК), был знаком с этой «запиской», и она была опубликована в его книге «Последние дни императорской власти». Блок указал, что «записка» вышла из кружка А.А. Римского-Корсакова, однако не знал ее конкретное авторство⁴. Как утверждал Н.А. Маклаков, текст «записки» был составлен М.Я. Говорухо-Отроком⁵. Впрочем, сам бывший министр признавался, что лично редактировал ее текст. Также в ходе допроса ЧСК он изложил обстоятельства, связанные с передачей документа царю⁶.

Главная идея «записки» М.Я. Говорухо-Отрока – наведение «порядка» в стране путем роспуска Государственной думы, подавления либеральной оппозиции (в том числе думской) и революционного движения⁷. Выборы в Государственную думу, по мысли автора документа,

¹ Текст «Записки» опубликован в книге: *Блок А.А. Последние дни императорской власти*. Пг., 1921. С. 126–140.

² См.: *Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917)...* С. 457.

³ См.: Допрос Н.А. Маклакова // *Падение царского режима*. Л., 1926. Т. 5. С. 287.

⁴ См.: Допрос С.П. Белецкого // Там же. Т. 3. С. 407; Показания С.П. Белецкого // Там же. Т. 4. С. 382; Допрос С.П. Белецкого // Там же. Т. 5. С. 247.

⁵ См.: Допрос Н.А. Маклакова // Там же. Т. 5. С. 286–289.

⁶ См.: Стенографический отчет третьего допроса Маклакова Николая Алексеевича 21 июня 1917 г. в Петропавловской крепости // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Д. 64. Л. 1 об.–2.

⁷ См.: *Дякин В.С. Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России: 1895–1917 / Отв. ред. В.С. Дякин*. Л., 1984. С. 618.

должны были быть одностепенными и непосредственными от городских и уездных бытовых и сословных групп, а функции новой Думы – исключительно законосовещательными. Кроме того, императору рекомендовалось «следить за думой», с этой целью в нижней палате парламента должно было появиться правое большинство, а в распоряжении премьер-министра предполагалось наличие специального лица, ответственного за работу с Думой. Планировалось создание специального фонда «для ведения политики в самой думе»¹.

Главную опасность М.Я. Говорухо-Отрок видел в народном движении, а не в деятельности нижней палаты парламента². Как бы то ни было, уступки либералам автор «записки» полностью отвергал, опасаясь полевения страны. Цель данной «записки», как и предыдущих «записок», состояла в восстановлении неограниченного самодержавия³. С.П. Белецкий считал, что «только нерешительность правительства, борьба за местничество из-за личных интересов помешала провести сразу то, что в записке намечено»⁴.

Помимо «думской проблемы», в «записке» предлагалось назначить на высшие посты чиновников, преданных царской власти, изменить ряд статей Основных законов Российской империи, ввести в Петрограде и Москве военное (или даже осадное) положение, усилить столичные гарнизоны пулеметами для подавления возможной революции, усилить позиции православного духовенства. «Записка» рекомендовала царю закрыть левые органы печати, обновить состав Государственного совета и т.д. В кружке даже составили список лиц, кандидатуры которых были

¹ Блок А.А. Последние дни императорской власти... С. 122–125; 126–140.

² См.: Дякин В.С. Царизм и Первая мировая война... С. 630.

³ См.: Блок А.А. Последние дни императорской власти... С. 126–139.

⁴ Допрос С.П. Белецкого // Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 248.

бы желательными для продвижения в Госсовет, однако в итоге только Г.Г. Чаплинский прошел в верхнюю палату¹.

Несмотря на мнение отдельных исследователей о том, что Николай II положительно воспринял эту «записку»², думается, что это было не совсем так. Ни один из пунктов политической программы М.Я. Говорухо-Отрока не был притворен в жизнь и остался только на бумаге (за исключением, пожалуй, некоторого усиления правой группы Государственного совета и назначения участника кружка А.А. Римского-Корсакова И.Г. Щегловатова на пост его председателя).

Политические идеи М.Я. Говорухо-Отрока и других участников кружка не находили сочувствия у императора. В этой связи историк С.В. Куликов справедливо полагает, что они были слишком радикальными, и Николай II в условиях войны и политической нестабильности не решился претворить их в жизнь³.

Еще одна «записка» должна была быть передана царю через дворцового коменданта В.Н. Воейкова, который на тот момент отсутствовал в Царском Селе. «Записка» осталась в руках у С.П. Белецкого. В ней, по свидетельству чиновника МВД, предлагались конкретные меры по каждому из министерств⁴.

15 января 1917 г. или несколько раньше императору была направлена так называемая «Сводка общих положений и пожеланий»⁵, выработанная в кружке. Текст документа был подготовлен к концу 1916 г.⁶ Авторы «сводки» вновь коснулись «думского вопроса»: они предложили

¹ См.: Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Л., 1926. Т. 4. С. 458; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка. Рязань, 2004. С. 354.

² Степанов А.[Д.] Римский-Корсаков А.А. // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 618.

³ См.: Куликов С.В. Бюрократическая элита... С. 358.

⁴ См.: Допрос С.П. Белецкого // Там же. Т. 5. С. 250; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 959. Л. 9.

⁵ Текст «Сводки» опубликован в «Красном архиве» (1927. № 1. С. 242–244).

⁶ См.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны... С. 270.

пересмотреть Основные законы Российской империи в сторону уменьшения полномочий Государственной думы. Кроме того, предлагалось усилить военную цензуру, ужесточить наказание за клевету, усилить правую периодическую печать за счет создания новых газет и журналов, обновить кадровый состав Совета министров, усилив его «правую» составляющую, реорганизовать Министерство иностранных дел, чиновники которого, по мысли участников кружка А.А. Римского-Корсакова, должны были быть «русскими по духу», провести реформу правоохранительных органов и т. д.¹

Еще одна «записка», составленная под руководством М.Я. Говорухо-Отрока, прямо предлагала изменение статуса о Государственной думе и выборах в нее, а также введение военного (или даже осадного) положения. В.И. Старцев датировал документ 16 января 1917 г.² Дата его передачи установлена по дневникам Николая II³. Н.А. Маклаков утверждал, что он лично отдал документ царю, подробно рассказав следователям об истории передачи этой «записки» императору⁴.

8 февраля 1917 г. царь поручил Н.А. Маклакову написать манифест о роспуске думы еще до ее отзыва, то есть до 14 февраля⁵. Однако, судя по

¹ «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных членами главного совета Союза русского народа – обновленческого и направленных А.А. Римским-Корсаковым министру внутренних дел А.Д. Протопопову (не позднее 15 января 1917 г.) // Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 614–616; Программа союза русского народа перед Февральской революцией // Красный архив. М., 1927. Т. 1. С. 242–244; Допрос А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Л., 1925. Т. 2. С. 289.

² См.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.: борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия». Л., 1977. С. 230.

³ См.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны... С. 270. 16 января 1917 г. в 6 часов вечера император принял у себя Н.А. Маклакова (Дневники императора Николая II. М., [1992]. С. 620). В дневнике царь ничего не пишет о записке, но, судя по всему, именно в этот день Маклаков и передал документ императору.

⁴ См.: Допрос Н.А. Маклакова // Падение царского режима. Л., 1926. Т. 5. С. 286–287.

⁵ См.: Стенографический отчет третьего допроса Маклакова Николая Алексеевича 21 июня 1917 г. в Петропавловской крепости // РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Д. 64. Л. 6; Семенников В.П. Политика Романовых накануне революции. От Антанты – к Германии. М.; Л., 1926. С. 66.

тому, что дума так и не была распущена императором, составленный правыми проект манифеста о роспуске нижней палаты парламента не имел политических последствий.

Стоит отметить, что несмотря на то, что тексты «записок» были опубликованы еще в 1920-е гг. в советских изданиях, их оригиналы в нашем распоряжении отсутствуют. Они нами не найдены ни в личном фонде императора Николая II (ГАРФ, ф. 601), ни в фондах правительственных учреждений Российской империи, ни в фонде 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства), ни в личных фондах А.А. Блока в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук (ф. 654) и в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 55). Это обстоятельство вызывает ряд вопросов: сохранились ли где-либо оригиналы этих документов или же они были по каким-то причинам уничтожены, насколько оригиналы этих документов текстуально соответствуют (соответствовали) публикациям в «Красном архиве» и в книге «Последние дни императорской власти» и т. д.

Тем не менее, проанализировав содержание дошедших до нас опубликованных текстов некоторых «записок», можно сделать вывод, что главные требования участников кружка А.А. Римского-Корсакова сводились к роспуску Государственной думы и к пересмотру «Основных законов Российской империи» в сторону уменьшения прав нижней палаты. Эти меры, касавшиеся судьбы нижней палаты российского парламента, в сочетании с другими мерами, такими как введение осадного положения и ужесточение контроля над печатью, фактически привели бы к установлению в России военной диктатуры при сохранении основ монархического строя. Предложения кружка по наведению «порядка», хотя, как правило, и принимались императором к сведению, но так и не получили реализации на практике.

Участники кружка члена Государственного совета графа С.Д. Шереметева, существовавшего еще с 1900-х гг., были последовательными противниками реализации законодательных полномочий Государственной думы.

В 1910-е гг. правым стало известно о том, что император проявляет определенное недовольство деятельностью депутатов Третьей Государственной думы. Примерно в это же время усиливается деятельность кружка С.Д. Шереметева, существовавшего и ранее. Граф считал, что необходимо объединить так называемые «чистые» организации правых (без Союза русского народа и без Русского народного союза имени Михаила Архангела). Как и члены кружка А.А. Римского-Корсакова, участники кружка С.Д. Шереметева считали важным пересмотр Основных законов Российской империи в сторону уменьшения полномочий Государственной думы (оставление за ней исключительно законосовещательных функций) и восстановления неограниченного самодержавия¹.

Бывший министр внутренних дел А.Н. Хвостов в ходе допроса ЧСК в 1917 г. рассказал, что кружок графа С.Д. Шереметева пытался влиять на политику Николая II через А.П. Сабурова. Тот вскоре занял пост вице-директора Департамента общих дел МВД. Он обещал графу, что соратники вдовствующей императрицы Марии Федоровны и самого С.Д. Шереметева (который являлся, ко всему прочему, обер-егермейстером высочайшего двора), особенно из провинции, могут быть привлечены на службу по Департаменту общих дел².

Вместе с тем, в нашем распоряжении отсутствуют какие бы то ни было сведения о влиянии кружка С.Д. Шереметева на политику

¹ См.: Письмо С.Д. Шереметева Ф.Д. Самарину 20 января 1909 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Папка 208. Д. 25.

² См.: Показания А.Н. Хвостова, 25 августа 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1023. Л. 6 об.

Николая II. В частности, статус Государственной думы не был изменен. Недоверие С.Д. Шереметева к Г.Е. Распутину не способствовало усилению кружка графа. Как свидетельствуют камер-фурьерские журналы императора, Николай II в последние годы правления вообще не принимал у себя С.Д. Шереметева.

Подведем некоторые итоги. Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что в годы Первой мировой войны влияние правых салонов и кружков на политику императора заметно упало. Те из них, которые последовательно выступали за ограничение полномочий Государственной думы (кружки А.А. Римского-Корсакова и С.Д. Шереметева) и даже за введение военной диктатуры (кружок А.А. Римского-Корсакова), потерпели полное фиаско. Дума не только не была распущена, но фактически активно включилась в феврале 1917 г. в процесс подготовки отречения Николая II¹.

Отметим также, что правые салоны и кружки, тем не менее, участвовали в формировании официальной идеологии монархизма, формировали общественное мнение при дворе; лидеры и участники правых салонов и кружков пытались устранить разногласия в среде монархических партий, однако они так не смогли объединить правых в единую организацию.

Предметом научной дискуссии может являться вопрос о теоретической возможности претворения в жизнь политической программы кружка А.А. Римского-Корсакова. Могла ли она предотвратить надвигающуюся революцию? На наш взгляд, вряд ли. Нерешенность аграрного, рабочего, национального вопросов, массовое недовольство широкими слоями населения затянувшейся Первой мировой войной, неспособность ни одного из многочисленных предреволюционных

¹ См.: *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: В 2 т. СПб., 2017.

составов царского правительства решить хотя бы одну из перечисленных проблем – факторы, которые объективно предопределили грядущий революционный взрыв февраля 1917 г. Роспуск (с последующим изменением статуса в сторону законосовещательного) Государственной Думы, возможно, отсрочил бы надвигающуюся революцию, но, скорее всего, еще больше бы ожесточил широкие слои общества против самодержавия. Крушение Российской империи в сложившихся трагических условиях оказывалось неизбежным.

Падение Российской империи: Февральская революция
в оценках современных англоязычных историков

*И.А. Суздальцев*¹

Февральская революция произошла 105 лет назад, однако ее изучение по-прежнему вызывает интерес у англоязычных историков, особенно с момента начала открытия российских архивов в 1990-е гг. За несколько последних десятилетий увидел свет ряд монографий и статей, в которых исследователи пытаются разобраться в требующих переосмысления, либо ранее недостаточно изученных вопросах Февральской революции, главным образом касающихся того, была ли она внезапной, либо же явилась следствием тщательной подготовки, а также, какие политические силы главным образом способствовали свержению монархии.

В советской историографии изначально господствовала тенденция о руководящей роли в революции РКП(б), однако, в 1960–1980-е гг. благодаря научному вкладу Э.Н. Бурджалова, В.И. Миллера, Е.Д. Черменского и др. утвердилось представление о стихийном характере Февральской революции и центральной роли в ней Петроградского Совета². В западной историографии также высказывался тезис о ее стихийности³, революция называлась народным бунтом⁴, в ряде регионов считалась бескровной⁵, заявлялось, что, например, в Баку она вызвала

© Суздальцев И.А., 2023

¹ Суздальцев Илья Алексеевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории, ГБОУ Школа №1381 (г. Москва).

² См.: Николаев А.Б., Ляндрес С.М. Февральская революция и Государственная дума в исследованиях российских историков последних лет // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2016. №. 9. P. 108–109.

³ См.: Chamberlin W.H. *The Russian Revolution*. Vol. 1 (1917–1921). N.Y., 1935. P. 73.

⁴ См.: Johnson C. *Revolutionary Change*. Boston: 1966. P. 152.

⁵ См.: Wade R.A. *Red Guards and Workers' Militias in the Russian Revolution*. Stanford, 1984. P. 242; Raleigh D.J. *Revolution on the Volga: Saratov in 1917*. Ithaca, 1986. P. 85.

атмосферу празднования и эйфории¹. Подчеркивалось, что либералы, после непосредственного участия в осуществлении Февральской революции, в провинциальных городах быстро оказались на периферии политики²; либо, что они не принимали в ней действенного участия³. Ряд историков пришел к выводам о планировании революции либералами, входящими в различные общественные организации (Земгор, военно-промышленные комитеты и др.), часть из которых вошла во вновь созданные в феврале и марте органы власти⁴.

Современная историография (как отечественная⁵, так и англоязычная) характеризуется сменой акцентов – все большее количество историков считает, что наиболее авторитетным политическим центром в стране в февральские дни являлись Государственная дума и политики либеральных взглядов, входящие в Земгор и др. организации. Среди них – М. Рэндл (Эксетерский университет, Великобритания)⁶ и П. Холквист (Пенсильванский университет, США), который приходит к выводу, что через учреждения, созданные Временным правительством, граждане стали участвовать в политике на местном уровне на протяжении большей части 1917 г.⁷ С. Ляндрес (Университет Нотр-Дам, США), проанализировав интервью участников событий, пишет, что вопреки

¹ См.: *Suny R.G.* The Baku Commune, 1917–1918. Princeton, 1972. P. 69–70.

² См.: *Raleigh D.J.* Revolution on the Volga. Ithaca; London, 1986. P. 9–12.

³ См.: *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: the Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974. P. 46; *Shapiro L.* The Russian Revolutions of 1917: The Origins of Modern Communism. New York, 1984. P. 1–21.

⁴ См.: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism. New York, 1977. P. 34–35; *Siegelbaum L.H.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War-Industries Committees. New York, 1983. P. 40–41.

⁵ Более подробно см.: *Николаев А.Б., Ляндрес С.М.* Февральская революция и Государственная дума в исследованиях российских историков последних лет. С. 106–132.

⁶ См.: *Rendle M.* The symbolic revolution: The Russian nobility and February 1917 // *Revolutionary Russia*. 2005. Vol. 18. No. 1. P. 25.

⁷ См.: *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002. P. 80.

господствовавшему мнению о колеблющихся либеральных и умеренных думских политиках, которых вынуждали становиться революционерами либо повстанцы, либо их более радикальные коллеги-социалисты, председатель Думы М.В. Родзянко, председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков, и другие «революционеры поневоле» (например, П.Н. Миллюков¹) действовали независимо от любого такого давления. По сути, они часто опережали своих коллег-социалистов, задавая тон последующим действиям Петроградского совета. Интервью, по мнению, Ляндреса, подтверждают, что заговор Гучкова был самым передовым из известных заговоров и что четверьмя из пяти его руководителей были либералы Гучков, Д.Л. Вяземский, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко². В другой публикации он отмечает, что переворот готовился в 1916 г. также князем Г.Е. Львовым, однако, генерал М.В. Алексеев – начальник штаба Верховного главнокомандующего, на которого возлагались главные надежды по содействию в осуществлении переворота, в конце концов отклонил план Львова. Ляндрес отвергает существующее в историографии мнение о «мягкости» Львова, приписывая ему такие качества, как настойчивость, выделяя его организаторские способности³. О. Файджес (Лондонский университет, Великобритания) считает, что Львов, изначально возлагавший надежды на верховенство закона, был вытеснен в революционный лагерь из-за политики царского

¹ См.: *Lyandres S. Progressive Bloc Politics on the Eve of the Revolution: Revisiting P.N. Miliukov's "Stupidity or Treason" Speech on November 1, 1916 // Russian History. 2004. Vol. 31. №. 4. P. 457–460.*

² См.: *Lyandres S. The Fall of Tsarism. Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013. P. 269, 272.*

³ См.: *Lyandres S. Conspiracy and Ambition in Russian Politics before the February Revolution of 1917: The Case of Prince Georgii Evgen'evich L'vov // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2015. №. 8. P. 102, 104, 123.*

режима, блокировавшей инициативы патриотических общественных организаций¹.

Убежденным сторонником этой позиции является американский историк Ц. Хасэгава, который пишет, что еще в 1981 г. подверг сомнению тезис о хаотичном восстании масс против установленного порядка, утверждая в том числе, что революция была подготовленным восстанием либералов против царизма. Во вновь изданной в 2018 г. монографии он приходит к выводам о том, что, безусловно, нельзя отрицать участие в революции широких народных масс, а также, что помимо думских либералов, которые все же сыграли основную роль, в ней достаточно масштабно участвовали большевики (главным образом в лице Выборгского райкома партии), эсеры, межрайонцы, меньшевики и беспартийные активисты. Также Хасэгава отмечает, что ряд западных историков ошибся в выводах о ее бескровности – по его данным в стране было убито более 1500 человек². В своей новой статье он также развивает мысль о длительной подготовке восстания, борьбой за власть между Родзянко и Милюковым, а также пишет, что в стране после революции была «тройственная власть», в которую помимо Временного правительства и Петроградского Совета входил еще и думский комитет³.

Однако, часть историков, главным образом из США стоит на позициях, востребованных во второй половине XX в. М. Меланкон пишет, что ни одна из партий не играла главной роли в Февральской революции, однако, активнее всего в эти дни себя проявили эсеры и другие

¹ См.: *Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891–1924.* London, 1996. P. 810–811.

² См.: *Hasegawa T. The February Revolution, Petrograd, 1917. The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power.* Leiden, 2018. P. XII, 99, 644, 645, 661.

³ См.: *Hasegawa T. The Duma Committee, the Provisional Government, and the Birth of "Triple Power" in the February Revolution // A Companion to the Russian Revolution.* Daniel Orlovsky (Editor). New York, 2020. P. 53.

социалисты¹. Р. Маккин отмечает борьбу за власть большевиков, меньшевиков и эсеров, при этом, главной движущей силой он считает студентов, рабочих и служащих². Р. Пайпс называет Февральскую революцию солдатским мятежом, князя Львова – безобидным и ленивым общественным деятелем и отводит главную роль в возникшем «двоевластии» Петроградскому совету, с дозволения которого, как он отмечает, возникло и существовало Временное правительство³. С. Смит также пишет, что Петроградский Совет по сравнению с Временным правительством обладал реальными атрибутами власти, поскольку контролировал армию, транспорт и связь⁴. Д. Мандель (Университет Монреаля, Канада), в переиздании своей монографии, опубликованном в 2018 г. (первые публикации увидели свет в 1983 и 1983 гг.) не отказывается от ранее сделанных выводов о том, что Февральская революция была в первую очередь рабочей революцией и обвиняет историков в том, что они очень часто в своих исследованиях оставляли рабочих на обочине, не уделяя их роли должного внимания⁵. Р. Вэйд (Университет Джорджа Мейсона, США) считает, что революция носила хаотичный характер, а деятельность либеральных и умеренно-консервативных партий была сосредоточена в Государственной думе, а не на улице, где развивались непосредственные события. Думские либералы, по его мнению, приняли участие в формировании правительства только после переговоров с руководителями Петроградского совета⁶.

¹ См.: *Melancon M.* The socialist revolutionaries and the Russian anti-war movement, 1914–1917. Ohio, 1990. P. 4.

² См.: *McKean R.B.* St. Petersburg Between the Revolutions. Workers and Revolutionaries, June 1907–February 1917. New Haven, 1990. 492, 494.

³ См.: *Pipes R.* A Concise History of the Russian Revolution. New York, 1995. P. 81, 84, 94.

⁴ См.: *Smith S.A.* The Russian Revolution: A Very Short Introduction. Oxford, 2002. P. 19, 38.

⁵ См.: *Mandel D.* The Petrograd Workers in the Russian Revolution. February 1917–June 1918. Chicago, 2018. P. 1.

⁶ См.: *Wade R.A.* The Russian Revolution, 1917. Cambridge, 2017. P. 29, 36, 46.

Ряд исследователей рассматривает последствия Февральской революции в губерниях и городах. М. Хикки (Университет Блумсберг, США), поддерживает ранее высказанный тезис Д. Рэйли (см. выше) о потере либералов своих позиций в регионах в течение весны-лета 1917 г., и пишет, что в Смоленске в это время практически все руководящие посты стали занимать умеренные социалисты¹. В Твери, по мнению американского историка Х. Филлипса, достаточно сильны были позиции большевиков, кадетов, меньшевиков; 3 марта Временный исполнительный комитет был создан в основном силами меньшевиков. В Совете рабочих депутатов большинство получили меньшевики и эсеры, то есть, позиции либералов были не самыми прочными². С. Бэдкок (Университет Ноттингема, Великобритания), изучая ход революции в Казанской и Нижегородской губерниях, отмечает, что главные ее участники – политическая элита, рабочие и в некоторой степени солдаты; что у демократических партий был шанс удержать власть, однако, провозглашенные Временным правительством политические преобразования принесли в регионы беспорядок и неразбериху, что быстро поспособствовало разочарованию в их политике³.

Также историками исследуются и другие аспекты Февральской революции. Дж. Уайт (Университет Глазго, Великобритания), изучая публикации В.И. Ленина в начале 1917 г. вопреки известному выводу о том, что лидер большевиков не предполагал застать решающие битвы грядущей революции, отмечает, что в публикации в «Социал-демократе» в январе 1917 г. Ленин предсказывает падение царизма создание нового

¹ См.: *Hickey M.C. Discourses of Public Identity and Liberalism in the February Revolution: Smolensk, Spring 1917 // The Russian Review. 1996. Vol. 55. №. 4. P. 615, 636.*

² См.: *Phillips H. A Bad Business – The February Revolution in Tver' // The Soviet and Post-Soviet Review. 1996. Vol. 23. №. 2. P. 130–138.*

³ См.: *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia. A Provincial History. Cambridge, 2007. P. 2, 238–239, 243.*

правительства Милюкова-Гучкова или Милюкова-Керенского¹. Дж. Дэйли (Иллинойский университет, США), рассматривающий в своей статье вопрос о пулеметной стрельбе в дни Февральской революции с одной стороны приводит воспоминания современников, в том числе посла Великобритании, дочери Е.С. Боткина, градоначальника Петрограда и др., которые утверждают, что пулеметная стрельба велась в ряде районов города; с другой, опирается на отчеты тех, кто расследовал факты стрельбы где утверждается, что на крышах не было найдено ни одного пулемета, кроме нескольких, поставленных в начале войны для стрельбы по немецким самолетам². В итоге, к однозначному выводу автор статьи не приходит. Его соотечественник Дж. Брэдли в обзорную статью, посвященную круглому столу в честь 100-летия Февральской революции включает свое оценочное суждение о том, что 1917 г. был трагедией для России, а Февраль стал частью этой трагедии: он разрушил законную монархию, Российское государство и империю и начал гражданское кровопролитие³, хотя, казалось бы, холодная война давно закончилась, и западная наука не нуждается в таких политических штампах.

Ю. Градскова (Университет Сёдертёрна, Швеция), опубликовавшая статью в британском сборнике «Переосмысление русской революции», пишет, что власть Временного правительства открыла новые возможности для женщин: в апреле 1917 года активистки из разных уголков бывшей империи собрались в Казани на первый Всероссийский съезд женщин-мусульманок, который принял резолюцию в поддержку предоставления

¹ См.: *White J.D.* Lenin, the Germans and the February revolution // *Revolutionary Russia*. 1992. Vol. 5. №. 1. P. 2.

² См.: *Daly J.* Machine Guns, Hysteria, and the February Revolution // *Russian History*. 2009. Vol. 36. P. 144–146, 148, 154.

³ См.: *Bradley J.* The February Revolution // *Russian Studies in History*. 2017. Vol. 56. №. 1. P. 2.

женщинам избирательных прав, права на развод и констатировал необходимость создания по стране отделений женщин-мусульманок¹.

Таким образом, Февральская революция остается актуальной и дискуссионной проблемой в англоязычной историографии: несмотря на то, что все больше историков считают наиболее авторитетным политическим центром в февральские дни Государственную думу, ее либеральных представителей, а также членов либеральных организаций, подход, который существовал еще в середине XX века, представители которого отдают предпочтение Петроградскому совету и социалистическим партиям, также представлен достаточно значительно. Появляется все больше публикаций, в которых историки исследуют события революции в губерниях и городах, а также рассматривают ряд других вопросов, связанных с Февральской революцией, например, о расширении прав женщин и др. В каждом из рассматриваемых в статье направлений в большинстве представлены историки из США, также присутствуют оценки ученых из Великобритании, Канады и, в качестве исключения (так как статья опубликована в сборнике под редакцией историков из Великобритании на английском языке), из Швеции. По нашему мнению, учитывая важность продолжения изучения событий Февральской революции, вызванную необходимостью рассмотрения как новых, так и давно доступных, но недостаточно изученных архивных источников и постановки новых исследовательских вопросов, интерес к этой проблеме не ослабнет и в ближайшее время количество публикаций увеличится.

¹ См.: *Gradska Y.* “The woman of the Orient is not the voiceless slave anymore” – the non-Russian women of Volga-Ural region and “women’s question” // *Rethinking the Russian Revolution as Historical Divide*. Edited by Matthias Neumann and Andy Willimott. London & New York, 2018. P. 155.

Травелоги об африканских странах в пропаганде строительства
польской морской империи. 1920–1930-е гг.

*О.В. Михин*¹

По итогам Первой мировой войны польская государственность была восстановлена после более чем столетнего периода разделов. Новая, Вторая Речь Посполитая обрела выход к Балтийскому морю в 1920 г. С морской экспансией связали развитие польского государства деятели Морской и речной (колониальной) лиги. Она представляла собою проправительственную массовую организацию и существовала в 1924–1939 гг. Наряду с военно-морскими, торговыми и судостроительными вопросами, важной в риторике Морской и речной (колониальной) лиги являлась колониальная тематика, особенно с 1930 г. в связи с переименованием Морской и речной лиги в Морскую и колониальную. Источники организации, в которых пропагандируется строительство польской морской империи, представлены в основном периодической печатью (журнал «Море») и отдельными публицистическими изданиями².

Значимое место в нарративе Лиги занимают травелоги – особая литературная форма, содержащая элементы таких жанров, как «частный дневник, эссе, рассказ, поэма в прозе, черновые заметки», комбинирующая «факт и вымысел». Характерной чертой травелога представляется создание у читателя впечатления реальности путешествия и участия в нем автора,

© Михин О.В., 2023

¹ *Михин Олег Владимирович*, магистрант, библиотекарь отдела формирования фондов Информационного комплекса «Научная библиотека» РГГУ.

² Об истории пропаганды строительства польской морской империи см.: *Białas T.* Liga Morska i Kolonialna, 1930–1939. Gdańsk, 1983; *Grzechnik M.* Aspirations of Imperial Space. The Colonial project of the Maritime and Colonial League in Interwar Poland // CES Open Forum Series. 2019–2020. P. 1–23; *Puchalski P.* Poland in a Colonial World Order. Adjustments and Aspirations, 1918–1939. L.; N.Y., 2022.

чему способствует сочетание научного, публицистического и художественного нарративов¹.

Травелоги были призваны ознакомить читательскую аудиторию (равно как и самих деятелей Морской и колониальной лиги) с малоизвестными им неевропейскими, преимущественно африканскими, культурами, и особенностями управленческих практик европейских колонизаторов. В травелогах познается воображаемое колониальное пространство, выражаются экзотизированные и ориентальные представления о неевропейском населении колоний². Последнее указывает на использование расистского дискурса авторами Морской и колониальной лиги. Мы согласуемся с концепцией Э. Саида о латентном и манифестирующем дискурсах инаковости³, и применяем определение расизма по А. Мемми. Согласно А. Мемми, расизм представляет собою оценку реальных и воображаемых различий, выгодных обвинителю (в настоящей работе – польский интерпретатор зарубежного колониального опыта) и уничижающих жертву (представитель неевропейской культуры). Важен также термин А. Мемми «гетерофобия», который подразумевает фобическую и агрессивную коннотацию культурных и социальных различий⁴. На наш взгляд, гетерофобия выражает как латентный (представление об «отсталости» африканцев, «дикости» их традиций и обычаев, допускающее приобщение коренного населения к европейской цивилизации), так и открытый (восприятие

¹ См.: *Youngs T.* The Cambridge Introduction to Travel Writing. Cambridge, 2013. P. 1–7.

² См.: *Kwiatek A.* Oswoić egzotykę. Obraz rdzennych mieszkańców czarnej Afryki w publikacjach Ligi Morskiej i Kolonialnej ze szczególnym uwzględnieniem miesięcznika „Morze” // *Nauki Społeczne.* 2011. № 2. S. 45–46; *Nadolska-Styczyńska A.* Kultury Afryki adziałania naukowo-oświatowe Ligi Morskiej i Kolonialnej // *Prace Komisji Historii Nauki Polskiej Akademii Umiejętności.* 2007. № 8. S. 200; *Grzechnik M.* Op. cit. P. 14.

³ См.: *Said E.* Orientalism. NY., 1979. P. 201–225.

⁴ См.: *Memmi A.* Rassismus. S. 103, 121; *Wodak R., Reisigl M.* Discourse and Racism: European Perspectives // *Annual Review of Anthropology.* 1999. Vol. 28. P. 178.

неевропейских культур как «варварских», не могущих быть «цивилизованными» («белым человеком») расистский дискурсы.

Мы бы хотели проанализировать травелоги трех авторов Морской и речной (колониальной) лиги – Мечислава Богдана Лепецкого (описывает французский Мадагаскар), Романа Пётровича (описывает итальянскую Ливию) и Романа Фаянса, известного также под псевдонимом Эдвард Черв (описывает Эфиопию и британско-египетский Судан)¹.

Сперва следует обратить внимание на травелог М.Б. Лепецкого, посвященный его научной экспедиции на Мадагаскар. В 1937 г. М.Б. Лепецкий совместно с Л. Альтером из «Еврейского эмиграционного общества» и С. Диком, «инженером-агрономом из Тель-Авива», изучал возможности колонизации острова «человеческим элементом из Польши»², в том числе польскими евреями. Интерес представляет статья «Столица Мадагаскара»³, опубликованная М.Б. Лепецким в 1937 г. в декабрьском выпуске журнала «Море». Автор описывает идиллическую картину взаимовыгодного и мирного сосуществования французской и малагасийской культур, выраженное в дублировании уличных надписей на двух языках и развитии издательского дела на малагасийском языке. В восприятии М.Б. Лепецкого Тананариве представляет собою, с одной стороны, миниатюру Европы, с другой, «этот город насквозь меринский»⁴.

¹ См.: *Ewertowski T. Images of China in Polish and Serbian Travel Writings (1720–1949). Leiden, 2020. P. 41–42, 374.*

² *Lepcki M.B. Madagaskar. Kraj. Ludzie. Kolonizacja. Warszawa, 1938. S. 14.* Важно отметить, что М.Б. Лепецкий к 1937 г. обладал опытом исследовательской работы в Африке. Так, он являлся военным корреспондентом периодического издания «Вооруженная Польша» в Северном Марокко во время Рифской войны 1921–1926 гг. См.: *Puchalski P. Polityka kolonialna międzywojennej Polski w świetle źródeł krajowych i zagranicznych: nowe spojrzenie (1918–1945) // Res Gestae Czasopismo Historyczne. 2018. № 7. S. 76–77.*

³ Речь идет о городе Тананариве, ныне носящем название Антананариву.

⁴ *Lepcki M.B. Stolica Madagaskaru // Morze. 1937. № 12. S. 16.* Мерина – субэтнос малагасийцев, ранее именовавшийся хува. В тексте М.Б. Лепецкого используется старое наименование (Howasi).

Представление о цивилизационной миссии Франции на Мадагаскаре характерно для книги М.Б. Лепецкого «Мадагаскар. Страна. Люди. Колонизация» 1938 г., опубликованной по результатам экспедиции автора на Мадагаскар. Следуя латентному расистскому дискурсу, автор обращает внимание на положительные изменения в жизни малагасийцев при французском колониальном правлении. Так, упоминаются отмена кастовой системы, возросший уровень благосостояния населения. Контрастной представляется М.Б. Лепецкому жизнь малагасийцев до прихода французских колонизаторов, характерной чертой которой, к примеру, было следование жестокому обычаю «божьих судов». В связи с этим европеизация местного населения кажется М.Б. Лепецкому позитивным явлением, которое ведет к «прекращению войн, грабежей и смертей», представляется подобной японской вестернизации¹. Показательным является сетование автора на недостаточное распространение французской культуры на острове, а также на излишне «легкое отношение к половым связям» среди местных жителей. Интерес автора вызывает кейс якобы почетного статуса сексуальных отношений между малагасийскими женщинами и белыми мужчинами², в чем мы видим расистский подтекст подчинения «туземок» «колонизаторам».

М.Б. Лепецкий положительно оценивает французское колониальное правление на Мадагаскаре, видя в нем залог вестернизации местного населения. Более того, автор критикует колониальную администрацию за «либеральную» политику в отношении собственного малагасийцев, блокирующую возможности для европейской (в том числе польской) сельскохозяйственной эмиграции на остров³. В целом, нарратив М.Б. Лепецкого содержит скрытый расистский дискурс о неполноценности

¹ См.: Idem. Madagascar. S. 40, 99, 104–105, 184.

² Ibid. S. 98–100.

³ Ibid. S. 154.

коренных африканских жителей, пребывавших до прихода европейцев в состоянии «дикости».

Мы бы хотели обратить внимание на тревелог Р. Пётровича об итальянской Ливии. Р. Пётрович являлся специальным корреспондентом журнала «Море» в Ливии во время визита в колонию Б. Муссолини весной 1937 г.¹ С мая по август 1937 г. в журнале «Море» был опубликован тревелогический цикл статей журналиста об итальянском правлении в Северной Африке. Примечательно, что, согласно Е. Борейше, Р. Пётрович состоял на жаловании посольства Италии в Польше, то есть пропагандировал итальянский фашистский опыт среди польской аудитории².

Специфической чертой статей Р. Пётровича о Ливии является сосредоточенность автора на проблеме переселенческой эмиграции из Италии в колонию и почти полное игнорирование проблем коренного населения. В первой статье под названием «Итальянская колонизация в Ливии» Р. Пётрович обращает внимание на важность государственного вмешательства в колонизационные процессы. Р. Пётровичу импонируют корпоративистские методы фашистской экономики, представленные в его изложении обязательными квотами на привлечение итальянских работников в концессионных ливийских хозяйствах с последующим созданием этими работниками собственных ферм в колонии. Характерно при этом сопровождение текста Р. Пётровича несколькими фотографиями процветающих ливийских хозяйств, на которых изображены развивающиеся среди пустыни фермы и успешные итальянские колонисты³, что было призвано усилить положительное восприятие

¹ См.: *Piotrowicz R.* Italska kolonizacja w Libii // *Morze*. 1937. № 5. S. 11.

² См.: *Borejsza J.* Mussolini był pierwszy... Warszawa, 1989. S. 208–209. Цит. по: *Puchalski P.* Poland in a Colonial World Order. Adjustments and Aspirations, 1918–1939. L., 2021. P. 153.

³ См.: *Piotrowicz R.* Italska kolonizacja w Libii... S. 11–13.

читателями итальянской колониционной деятельности в Северной Африке.

В следующей статье «Колониционный опыт Италии» Р. Пётрович более подробно фокусируется на социальной и политической стороне итальянской переселенческой эмиграции, отмечая их даже бóльшую важность, нежели сугубо экономическая проблематика. Так, согласно Р. Пётровичу, переселенческая колонизация Ливии способствовала решению итальянской демографической проблемы, обеспечивала связь колонии с метрополией, гарантировала безопасность заморского владения и повышала международный престиж фашистской Италии¹. Затем автор акцентирует внимание на прогрессивном характере итальянского сельскохозяйственного освоения Ливии, указывая на выигрышное сочетание науки, опыта работы в тяжелых климатических условиях и «упорного труда итальянского колониста»².

В связи с личным присутствием в колонии Р. Пётрович отмечает пропагандистские практики позитивной репрезентации итальянского колониального режима в Ливии: встреча Б. Муссолини «полными несколько монотонного энтузиазма арабами»³, а также демонстрация показательного хозяйства одного из итальянских переселенцев⁴. Впрочем, эти случаи не характеризуются Р. Пётровичем в качестве «потемкинской деревни», что указывает на его некритичное восприятие итальянского правления в Ливии.

В целом «итальянский эксперимент» в Ливии воспринимается Р. Пётровичем как практическое доказательство возможности построения

¹ См.: Idem. *Kolonizacyjne doświadczenia Italii* // *Morze*. 1937. №6. S. 20–21.

² Ibid. S. 21.

³ В итальянской колониальной пропаганде Б. Муссолини позиционировался в качестве «защитника ислама», что критиковалось мусульманской общиной. См.: *Wright. J.L. Mussolini, Libya, and the Sword of Islam* // *Italian Colonialism* P. 121–130.

⁴ См.: *Piotrowicz R. Kolonizacyjne doświadczenia Italii...* S. 22.

рентабельных фермерских хозяйств в Северной Африке. Значение итальянского опыта представляется ему «особенно важным для государств, обладающих значительной сельскохозяйственной эмиграционной силой и ищущих для нее выхода в колониальных владениях». Наконец, автор признает, что итальянский колониальный опыт представляет особенный интерес для польской колониальной деятельности, особенно выделяя перспективность развития мелкого фермерского хозяйства в Ливии¹. Этот тезис Р. Пётровича можно сопоставить с опытом parcelляции крупных землевладений во Второй Речи Посполитой, что указывает на потенциальность аграрного освоения Польшей заморских владений².

Р. Пётрович описывает картину успешной переселенческой эмиграции в Ливию. Автор в своих работах фиксирует конкретные действия итальянского правительства по колонизации Ливии: кредитную политику, особенности выращивания сельскохозяйственных культур в суровых климатических условиях и т.д. Нельзя не отметить одобрения Р. Пётровичем как корпоративистских методов фашистской экономики в целом, так и колониальных мероприятий Италии в Северной Африке, в которых он видит решение социальных, экономических и политических проблем режима Б. Муссолини. В связи с этим из повествования автора выпадают проблемы коренного населения Ливии – к примеру, не упоминается жестокое подавление колониальной администрацией восстания Омара Мухтара³.

¹ Ibid.

² О parcelляционной реформе крестьянского землевладения во Второй Речи Посполитой см.: *Błąd M. Reformy rolne Polski Odrodzonej // Ciągłość i zmiana: sto lat rozwoju polskiej wsi. T. 2 / Red. M. Halamska, M. Stanny i J. Wilkin. Warszawa, 2019. S. 1013–1046.*

³ См.: *Polk W.R. Crusade and Jihad: The Thousand-Year War Between the Muslim World and the Global North. New Haven, 2018. P. 133–137.*

Далее мы бы хотели обратить внимание на травелоги Р. Фаянса об Эфиопии и Судане. Будучи военным корреспондентом журнала «Море» при итальянской армии во время войны 1935–1936 гг. в Эфиопии, Р. Фаянс описывал опыт пребывания на оккупированной территории Абиссинии. Затем он продолжил свое путешествие по Северной Африке посещением британско-египетского Судана.

Р. Фаянс восхищается итальянской колониальной армией, подчеркивает благородный образ итальянских солдат и офицеров, их симпатии к Польше¹. Автор описывает колониальное путешествие, не отягощенное военными событиями. Л. Лангнерова в своей рецензии на книгу Р. Фаянса «На полях Абиссинии», публиковавшуюся на страницах журнала «Море» в виде цикла статей, подчеркивает, что материал корреспондента является «ярким и красочным репортажем», а не «трудом об Эфиопии, или книгой об итало-эфиопской войне как таковой»². Подтверждает характер корреспондентской деятельности Р. Фаянса в Эфиопии как колониального путешествия описание автором увеселительных мероприятий в компании итальянских офицеров и туристических поездок по оккупированным итальянской армией территориям³. Таким образом, мы не согласны с утверждением А. Надольской-Стычиньской о том, что Эфиопия описывалась Р. Фаянсом исключительно в контексте боевых действий итало-абиссинской войны⁴.

В представлении Р. Фаянса итальянские колонизаторы приносят в эфиопские города «европейскую культуру, непонятную их жителям и ненавистную им». При этом «то, что она (европейская культура –

¹ См.: *Fajans R. Z armją włoską ku Afryce // Morze. 1935. № 12. S. 14–15; Idem. Z kraju gdzie toczy się wojna // Morze. 1936. № 1. S. 17–19; Idem. Święta w Massaua // Morze. 1936. № 2. S. 23–25.*

² *Langnerowa L. Z ruchu wydawniczego // Morze. 1937. № 1. S. 34.*

³ См.: *Fajans R. Święta w Massaua. S. 23–25; Idem. W miastach Etjopji // Morze. 1936. № 3. S. 20–23.*

⁴ См.: *Nadolska-Styczyńska A. Op. cit. S. 197.*

прим. авт.) объективно лучше, несомненно»¹. Р. Фаянс неоднократно указывает на «отсталость» эфиопской культуры по сравнению с «европейской». К примеру, заслуживает внимания пассаж об эфиопском изобразительном искусстве: в здании дворца раса² хранится «несколько картин, этих типичных эфиопских картин, на которых люди и животные выглядят так, будто они никогда в жизни не двигали ни руками, ни ногами». Схоже описание церкви в городе Адуа: «Чрезвычайно интересные религиозные картины, очень точно иллюстрирующие примитивизм и наивность верований этого народа»³.

В целом Р. Фаянс воспринимает оккупированную Италией Эфиопию как некое туристическое направление, место, где осуществляется «путешествие в страну фантазии». Примером служит древний город Аксум, представляющийся Р. Фаянсу «живым музеем» тысячелетнего прошлого⁴. Восприятие колониального пространства как синонимичного музейной экспозиции свидетельствует о конструировании польской модели колониального мира, которая своей иллюзорностью, наполненной культурными стереотипами, далека от рационального взгляда на глобальные колониальные процессы 1920–1930-х гг. Мы полагаем, что в данном случае применим концепт гетеротопии Мишеля Фуко, предполагающий совмещение воображаемого и реального пространств, идеализацию иллюзорного места, которое отсутствует в действительности (польское колониальное пространство)⁵.

Весной 1936 г. Р. Фаянс покидает Эфиопию и посещает британско-египетский Судан. Он воспринимается автором как слабозаселенная

¹ *Fajans R. W miastach Etjorji...* S. 23.

² Рас – эфиопский аристократический титул.

³ *Fajans R. W miastach Etjorji...* S. 22.

⁴ *Ibid.* S. 20, 23.

⁵ См.: *Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 191–204.*

страна, немало пострадавшая от восстания махдистов, «одной из наиболее кровопролитных трагедий, которые в целом знает колониальная история»¹. Р. Фаянс позитивно оценивает британские меры по реконструкции города Хартума и привнесению европейской культуры в Африку. В целом британская система управления Суданом характеризуется им положительно, кондоминиум «находится под управлением английской администрации, чрезвычайно толерантной и либеральной, делающей все возможное, чтобы привести страну к процветанию». Впрочем, критически оценивается недостаточная представленность британцев в сфере торговли и свободных профессий, в чем автор подспудно видит возможности для польской эмиграции в Судан. Сравнивая коренных жителей Судана с британскими подданными, Р. Фаянс именует первых «пока еще самым примитивным», в то время как коренная суданская элита «более образованная и культурная»².

Итак, мы полагаем, что статьи Р. Фаянса выражают открытый расистский дискурс о культурной отсталости африканского населения по сравнению с европейцами, несмотря на допущение европеизации в некоторых случаях (суданская элита). Колониальное правление в Африке представляется журналисту созидательным и перспективным, в отличие от «примитивных» порядков коренного населения. В целом речь идет об обреченной на неудачу цивилизующей миссии «белого человека» в колониальных владениях. Итальянское вторжение в Эфиопию одобряется автором, в нем Р. Фаянс видит не возможность для привнесения цивилизации в «отсталую» страну, а победу европейской культуры над «варварством». Особенностью травелога Р. Фаянса является позиционирование его пребывания на фронте итало-абиссинской войны

¹ *Fajans R. Sudan // Morze. 1936. № 4. S. 21.*

² *Ibid. S. 22.*

1935–1936 гг. как «колониального путешествия», что дополняет картину иллюзорности польских представлений об африканских странах.

На основе травелогов М.Б. Лепецкого, Р. Пётровича и Р. Фаянса мы приходим к выводу о существовании скрытого, или латентного, и открытого расистского дискурса в пропаганде строительства польской морской империи. В соответствии со скрытым расистским дискурсом М.Б. Лепецкий и Р. Пётрович положительно оценивают европеизацию африканских стран и «цивилизационную миссию» колонизаторов, видя в этом благо для коренных жителей. Открытый расистский дискурс, проявляющийся у Р. Фаянса, выражается в представлении о перманентной «отсталости» африканского населения по сравнению с европейцами.

Для пропаганды строительства польской морской империи ориентальные и экзотичные травелоги об африканских странах служат инструментом вовлечения польской аудитории в воображаемое сообщество польских колонизаторов, гетеротопию польского колониального пространства. Авторы Морской и колониальной лиги конституируют «нормальный» европейский характер Второй Речи Посполитой как потенциальной колониальной державы. Ее представители, в лице журналистов «Моря», осваивают далекие африканские страны концептуально и ищут возможности для практической реализации польского экономического и политического присутствия в Африке.

Проект советской идентичности
и практики комсомольской организации Алтая (1945–1955 гг.)

*Е.Н. Беневаденская*¹

В последние десятилетия в историографии наблюдается рост интереса к дискуссионным проблемам советской идентичности². В гуманитарном научном сообществе обосновывается ценность анализа идентификационных ориентиров населения различных периодов прошлого нашей страны для всестороннего изучения российской ментальности³. Известные отечественные ученые К.Г. Холодковский⁴, Т.В. Тишков⁵, А.И. Миллер и О.Ю. Малинова⁶ в геополитическом и цивилизационном контексте показали роль исторического, географического и цивилизационного факторов в традиционалистской и модернизационной моделях идентичности. Л.П. Репина и И.Н. Ионов фокусируют внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах

© Беневаденская Е.Н., 2023

¹ *Беневаденская Евгения Николаевна*, кандидат исторических наук, ведущий специалист по учебно-методической работе УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета.

² См.: *Бранденбергер Д.Л.* Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. М., 2017; *Clowes E.W.* Centrifugal Forces?: Russia's Regional Identities and Initiatives // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 2016. №. 2. Vol. 5. P. 117–125.

³ См.: *Зиновьев В.П., Жеравина А.Н.* Советская составляющая российской идентичности // *Русин*. 2014. № 4. С. 130–138.

⁴ См.: *Холодковский К.Г.* Самоопределение России. М., 2013.

⁵ См.: *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.

⁶ См.: *Миллер А.И., Ефременко Д.В., Малинова О.Ю.* Политика памяти и историческая наука // *Российская история*. 2018. № 5. С. 128–140; *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015 и др.

использования образов прошлого в формировании национально-государственного нарратива Советской России¹.

Проблемам продуцирования образцов коллективной идентификации позднесталинского периода в периферийных регионах за пределами европейской части нашей страны по-прежнему уделяется незначительное внимание. В контексте имперского подхода у исследователей вызывают большой интерес идеологические причины распада СССР, нараставшие с 1960 гг. В статье на региональных материалах об обучении комсомольцев в системе политпросвещения края 1945–1955 гг. рассмотрено, как реализовывались коммуникативные технологии выработки стандартов мышления молодых граждан, основанные на представлениях и ценностях, предписанных сталинским вариантом коммунизма. В качестве методологической основы мы используем междисциплинарные наработки проектного подхода к изучению советского общества, обоснованного уральскими учеными под руководством Л.Н. Мазур².

После Второй мировой войны в условиях геополитической напряженности в нашей стране остро стояла задача сохранения легитимности правящего режима. Важнейшим ресурсом обеспечения его авторитета и поддержки являлись идейно подготовленные управленческие кадры, способствующие расширению социальной опоры власти. В реализации проекта советской идентичности партийные инстанции прилагали серьезные усилия по вовлечению молодого населения в общественно-государственные комсомольские объединения. За годы

¹ См.: *Репина Л.П.* Введение // Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллект. М., 2020. С. 5–10; *Ионов И.Н.* Имперские, цивилизационные и формационные образы России XIX–XX века: память и идентичность в советской и постсоветской России // Там же. С. 72–114.

² См.: Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика. Екатеринбург, 2018; Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: В 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение. Екатеринбург, 2019.

Великой Отечественной войны на Алтае, как и в СССР, произошло сокращение численности членов Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ). В начале 1941 г. региональная организация насчитывала 91,5 тыс. юношей и девушек, а в июле 1945 г. только 74 тыс. комсомольцев¹.

Системой политического просвещения применялись технологии социального инжиниринга по формированию советского мировоззрения комсомольцев. В 1952 г. на VIII краевой комсомольской конференции отмечалось, что в разных формах политпросвещения занималось более 76 % от общего количества членов организации на Алтае. Одним из ключевых вербальных механизмов перекодировки сознания молодежи еще с конца 1930-х гг. являлось многократное повторение и заучивание «Краткого курса истории ВКП(б)», закрепившего сталинское понимание марксизма, формационную схему развития общества, однозначную трактовку истории революции, Гражданской войны и строительства социализма². В соответствии с общесоюзной практикой содержание занятий и лекций системы партийного просвещения в регионе строилось на основе выпущенных в центре страны учебных пособий, где в доступной форме излагались положения «Краткого курса истории ВКП(б)»³. Анализ тематики этих изданий и вышедших в крае инструктивных материалов⁴ позволяет определить задействованные на Алтае маркеры формируемой общесоюзной идентичности.

Центральным местом памяти был сложившийся еще в 1920-е гг. образ революции и Гражданской войны, показывающий эти события закономерными и прогрессивными, положившими начало основанию

¹ См.: Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул, 1985. С. 344–345.

² См.: *Ионов И.Н.* Имперские, цивилизационные и формационные образы... С. 85.

³ В помощь слушателям политшкол. М., 1953; Наша великая Родина. М., 1953.

⁴ См.: *Макеев Т.* Политшкола – важное звено в системе партийного просвещения: из опыта работы политшкол Алтая. Барнаул, 1950.

социалистического государства. Механизмом укрепления политической солидарности граждан с властью должна была выступать ведущая роль партии, как главного актора исторических процессов в нашей стране с конца XIX в.¹

С середины 1940-х гг. органами пропаганды транслировалась официальная версия нарратива о борьбе с фашизмом в Великой Отечественной войне². Использование ее символического ресурса давало власти аргументы, оправдывавшие выбор 1917–1922 гг. и политического курса первых десятилетий советской власти, позволивший создать сильный государственный строй, который привел к победе над Германией³. В связи с задачами патриотической пропаганды смыслообразующей концепцией конструируемой идентичности стало прославление выдающихся представителей русской науки, культуры и техники и их достижений в более чем тысячелетнем наследии России⁴.

В системе партийного просвещения края послевоенного времени посещаемость молодежью учебных занятий, лекций и семинаров пропагандистов была низкой⁵. По данным на 1950 г., в школах и кружках политграмотности явка составляла 50–60 % слушателей⁶. Без административного нажима молодые секретари горкомов и райкомов, партийные агитаторы и пропагандисты, за редким исключением, не стремились повышать свое политическое образование и методическое

¹ См.: Наша великая Родина... С. 237–278; В помощь слушателям... С. 236–287, 415–456.

² Там же. С. 43–83.

³ См.: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое... С. 88.

⁴ См.: В помощь слушателям... С. 101–134, 163–168, 176–185.

⁵ См.: Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф.П-1. Оп. 76. Д. 36. Л. 19; Оп. 97. Д. 116. Л. 35; Краевое совещание секретарей райкомов партии и ВЛКСМ, первичных партийных организаций МТС, заведующих отделами пропаганды и агитации райкомов КПСС, редакторов районных газет // Алтайская правда. 1954. 1 июля. С. 2.

⁶ См.: Некоторые советы по улучшению работы политшкол // Отдел пропаганды и агитации Алт. крайкома ВКП(б). Барнаул, 1950. С. 3.

мастерство. Двухчасовые занятия, которые рекомендовалось проводить в форме живой беседы, разъясняя большевистскую теорию на примерах местного материала, подменялись формальным чтением текста из учебника, сложного для понимания слушателей¹.

Недостаток подготовленных кадров агитаторов и пропагандистов в Алтайском крае не способствовал трансляции официальных ориентиров идентификации населения. В справке о деятельности кружков политграмотности в Павловском районе в декабре 1955 г. инструктор крайкома Г. Никульшин фиксировал слабый уровень теоретических знаний преподавателей. Начинаящий лектор, автомеханик Павлозаводской машинно-тракторной станции (МТС) Шиляев при объяснении восьмой главы «Краткого курса ВКП(б)» «плохо знал материал, и если старался внести ясность в ответы слушателей, то разъяснял их путано и неправильно». Он не мог раскрыть принципиальные с точки зрения истории партии темы дискуссий о профсоюзах, национальном вопросе и сути новой экономической политики на X съезде РКП(б)². В этом же году в кружке по изучению истории КПСС колхоза «Путь к коммунизму» Шарчинского района комсомольцы вместо прохождения учебной программы читали на занятиях газету «Алтайская правда»³.

В протоколах итоговых собеседований в политшколах во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. подчеркивается слабый уровень усвоения выпускниками азов большевистской идеологии⁴. Молодая барнаульская учительница утверждала, что Первая российская революция 1905 г. совершилась под руководством буржуазии, а ее

¹ ГААК. Ф.П-1. Оп. 90. Д. 219. Л. 143.

² Там же. Оп. 99. Д. 10. Л. 3, 5–6.

³ Там же. Оп. 90. Д. 219. Л. 30.

⁴ Там же. Ф.П-16. Оп. 8. Д. 166. Л. 17, 51.

движущей силой было крестьянство¹. Это противоречило постулатам «Краткого курса ВКП(б)» о рабочем классе как творце революционного процесса. Заведующий отделом кадров и оргработы Тальменского райкома ВЛКСМ Митюхин считал, что «народники – это выходцы из народа, боровшиеся за буржуазию», основателем группы «Освобождение труда» называл не Г.В. Плеханова, а В.И. Ленина². Слушатель политшколы Усть-Пристаньской МТС комбайнер Борисов не мог ответить, когда произошла Октябрьская революция. Не знал дату отмены крепостного права и год рождения В.И. Ленина кузнец-стахановец Любезных. В докладной записке в районную парторганизацию руководитель политчасти Усть-Пристаньской МТС Хачатуров отмечал невежественность молодых обучающихся, подчеркивая, что они и «газету выписывают..., только чтобы ее курить»³. «Посредственное» знание программного материала демонстрировали слушатели группы политической подготовки при отделе милиции Шипуновского района⁴. В мирное время в составе комсомольских организаций Алтая весомую часть составляли малограмотные колхозное крестьянство и рабочие, не имевшие элементарных представлений по истории и теории большевизма⁵.

На протяжении рассматриваемого периода серьезной проблемой оставалось комплектование в районах и городах региона кадров партийного просвещения командным порядком, без учета желания, специальной и общеобразовательной подготовки пропагандистов. Материалы проверок идейно-политической деятельности показывали, что

¹ См.: *Нестерова З., Заруцкая Е.* Выше уровень идейно-политической работы среди учителей // *Алтайская правда*. 1946. 18 дек. С. 2.

² ГААК. Ф.П-1. Оп. 91. Д. 135. Л. 22.

³ Там же. Оп. 80. Д. 101. Л. 3–14.

⁴ Там же. Ф.П-50. Оп. 8. Д. 237. Л. 75.

⁵ По данным отчетного доклада крайкома ВЛКСМ на IV Краевой комсомольской конференции, на 1 июля 1946 г. только 12 % комсомольцев имели начальное и среднее образование [ГААК. Ф. П-482. Оп. 14. Д. 35. Л. 33–34].

в ряде партийных организаций не читались доклады к советским знаменательным и юбилейным датам, не оформлялись красные уголки и информационные стенды¹. Согласимся с современными исследователями в том, что, в отличие от обучения политической грамотности, опирающегося на рациональные приемы, более действенное воздействие на массовое сознание оказывали обладавшие эмоциональным эффектом советские фильмы, демонстрации и праздники². В условиях послевоенной разрухи выполнение задачи овладения новыми поколениями граждан теоретическими основами идеологии осложнялось комплексом трудностей. Немалая часть из них была связана с вопросами повседневного выживания и стремлением властных инстанций рассматривать потенциал молодежи в первую очередь как ресурс в решении хозяйственных задач.

¹ ГААК. Ф.П-1. Оп. 97. Д. 116. Л. 42; Оп. 99. Д. 10. Л. 51.

² См.: Краус Т. Размышляя о советском человеке // Человек советский: за и против. Екатеринбург, 2021. С. 26.

Экономическая «империя»:

Саймон Кузнец об аккумуляции экономических ресурсов

И.Н. Филимонов¹

Термин «империя» таит в себе множество нюансов и может иметь иносказательный подтекст. Для Соединенных Штатов данный термин употребляется в отношении возможного колониализма и некоторой опоры на вооруженные силы как на фактор определенной гегемонии в мире. В плане колониальной политики «империи» США, путь становления государства можно проследить ранее XX в., через войны с индейцами в контексте фронта и волн первых поселенцев. Дискуссия об «империи» через апелляцию к вмешательству Соединенных Штатов в военные конфликты по всему миру и к роли вооруженных сил во внутренней политике государства также имеет место. Более тридцати президентов США имели офицерские, генеральские звания. Уже первый всенародно избранный президент США, Джордж Вашингтон, являлся деятельным участником войны за независимость и главнокомандующим Континентальной армии.

Однако в выбранной теме предлагается обратить внимание на другой, менее освещенный участок строительства «империи» Соединенных Штатов, а именно на аккумуляцию экономических ресурсов в руках Вашингтона, объединенной власти пятидесяти государств в рамках федеративного устройства. Законодательная, исполнительная и судебная власти «империи» управляют страной с ВВП около 25 триллионов долларов. По данным Международного валютного фонда, бюджет данной

© Филимонов И.Н., 2023

¹ *Филимонов Илья Николаевич*, магистрант исторического факультета Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

страны составляет порядка 40% от показателей ее валового внутреннего продукта. Работы лауреата Нобелевской премии по экономике Саймона Кузнецца, автора концепции валового продукта, позволяют проследить путь становления «имперской экономики». В своем исследовании “National Product since 1869”¹ С. Кузнец ставит задачей научное освещение фактов об экономическом росте США, при этом собирая их единым корпусом знаний. Данная книга, как часть деятельности Национального бюро экономических исследований, может помочь дополнить картину истории Соединенных Штатов в контексте ее «имперского» строительства и развития.

Историк-американист Владимир Викторович Согрин, посвятивший данной тематике монографию «Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность»², собирает воедино ряд подходов, констатирующих и опровергающих имперский характер государства Соединенных Штатов. Если абстрагироваться от некоего подобия «собирания земель» на протяжении XIX в., то рассуждения о Pax America, американском мире, сводятся к экономической составляющей: релевантности или иррелевантности данного вида экспансии для империи. Речь идет об институциональных особенностях, некоем менталитете, или о чем-либо ином, характеризующем политико-экономическое поведение Соединенных Штатов как имперское. Владимир Викторович, описывая собственное видение истоков имперского характера США, говорит об архетипе «отцов-пилигримов» и о стремлении Америки к созданию «мира» собственного экономического, политического и социального господства³.

Под констатацией имперского характера может также стоять мнемоническая тактика, связывающая современное понятие «империя»

¹ *Kuznets S. National product since 1869. N.Y., 1946.*

² *Согрин В.В. Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность. М., 2022.*

³ Там же. С. 6–7.

с пренебрежением к собственным гражданам и международным нормам. Термин «империя» в современном информационном пространстве может восприниматься негативно. Реализация данной тактики может быть связана с тем, что Соединенные Штаты не являются империей и не конституируют себя через данное понятие и с данных позиций в настоящее время. С закреплением термина «империализм», имперская политика также ассоциируется с неприкрытой агрессией и колониализмом. То есть термин приобретает политтехнологические коннотации.

Однако крах государства с пятнадцатью процентами мирового ВВП вызвал бы цепную реакцию и не ограничился бы данными показателями. События вроде Долгой и Великой депрессий и решения, похожие на Закон о золотом резерве 1934 г., влекут за собой пересмотр экономической политики как Соединенными Штатами, так и прочими странами, вовлеченными в современную глобальную экономику. То есть остальные страны, прямо или косвенно, находятся в экономической зависимости от масштабов американской экономики. Если абстрагироваться от ангажированности термина «империя», то в его основе, применительно к США, кроется вопрос о причинах и методах экономического доминирования. Стоит рассмотреть экономическое доминирование не как детерминированный факт, который можно ретроспективно экстраполировать на всю историю Соединенных Штатов. Даже если данное государство в итоге приобрело современный уровень своего благосостояния в силу каких-либо устремлений отдельных людей или институциональных особенностей, то изначально это была лишь группа из тринадцати британских колоний на восточном побережье Северной Америки.

Историк-экономист Дуглас Норт говорит о том, что корни экономического успеха США принято искать через призму 1865 г.

и последующих событий¹. Однако ученый говорит о росте экономики с 1790 по 1860 г. как о времени благоприятной среды. Этому способствовало преодоление к 1790 г. теократической атмосферы Новой Англии², о которой говорит В.В. Согрин, интерпретируя эту атмосферу духом «мессианизма» американцев. Д. Норт, как основатель Новой экономической истории и апологет Неоинституциональной экономики, склонен апеллировать к социальной структуре и некоторым отдельным решениям, к возможности индивидуальной погони за обогащением. Важную роль здесь играют рыночные механизмы. Распространение рыночной экономики оказало стратегическое влияние на характер экономического роста³.

Ученый оперирует количественными показателями, защищая свою теорию о ранних истоках американского благосостояния. Более того, данная картина экономического развития хорошо ложится на временные рамки территориального расширения Соединенных Штатов. Однако стоит заметить, что даже по самым оптимистичным предположениям, о которых говорит автор, США лишь вторые. Судя по данным источников исследования, Двенадцатой переписи населения США, к 1860 г. страна отставала от Великобритании на треть в стоимостном выражение производства. Речь идет о 2,808 млн долларов у Великобритании против 1,907 млн у США⁴. Данные показатели у самого автора вызывают недоверие и некоторую долю пренебрежения, так как прямо не относятся к его исследованию. Однако стоит признать тот факт, что это не похоже на экономическое доминирование Соединенных Штатов. Без подобного

¹ См.: *North D.C. The Economic Growth of the United States 1790–1860.* New York, 1966. P. V–VI.

² *Ibid* P. VI–VII.

³ *Ibid*.

⁴ *Ibid* P. V.

доминирования сложно говорить об экономической «империи», при этом не конституируемой в явном виде самой страной.

Дальнейшие рассуждения, находящиеся между «вторым местом» у Дугласа Норта и констатациями Международного валютного фонда, можно найти у Нобелевского лауреата Саймона Кузнецца. Ученый-экономист освещает вопрос национального продукта Соединенных Штатов в границах 1869 и 1943 гг. Работа была издана в 1946 г., и является результатом исследования автора в рамках проектов Национального бюро экономических исследований. Что касается начальной даты, вынесенной в заголовок, то она могла быть выбрана для удобства ввиду принципиального фигурирования 1919 г. как у самого автора, так и у Уильяма Говарда Шоу, с данными которого сверяется ученый. Данные до 1919 г. признаются С. Кузнецом не вполне адекватными по охвату и согласованности, однако это отдается на откуп тем, кто будет использовать эти таблицы и данные, так как сама работа представлена в виде подспорья для студентов, служащих и, как можно предположить, для всех заинтересованных¹. Исследование разделено на четыре части, первая из которых предлагает годовые оценки потоков товаров, услуг, национально продукта, прочих категорий в промежутке 1919–1943 гг. Вторая часть представляет собой десятилетние оценки в промежутке 1869–1938 гг. Третья часть говорит о доле услуг в освещаемой теме. Четвертая же часть представляет собой авторскую проверку и оценку «wealth», что можно назвать благосостоянием страны. Данное рассуждение охватывает промежуток между 1880 и 1939 гг.

Идея внутреннего благосостояния, о которой говорит С. Кузнец, была представлена Бюро переписи населения США в 1922 г. Само благосостояние определяется как материальное состояние или его

¹ См.: *Kuznets S. National product since 1869...* P. XV–XVI.

стоимость в пределах континентальной части Соединенных Штатов. Исследование Бюро строилось на анкетировании, в том числе с целью выяснить стоимость домашнего обихода и носимой одежды жителей страны. То есть речь идет о некой общей аккумулятивной стоимости используемого, в отличие от кумулятивного накопления капитала через товарные потоки. В своих оценках Бюро осуществляло разнообразные и грубые допущения, поэтому С. Кузнец старается абстрагироваться от них¹. Также существуют ограничения оценки благосостояния в виде оценки стоимости улиц и дорог, военного имущества. Так, Федеральная торговая комиссия оценила улицы и дороги в 21,850 млн долларов, однако эти цифры необходимо держать в связке с выгодополучателями от наличия данных улучшений. Стоимость военного имущества является еще более щепетильной темой. Так, за 1912 г. Бюро указывает стоимость ряда кораблей в 402 млн долларов, а в 1922 г. это 1,446 млн долларов, что является стоимостью всего плавучего оборудования по данным Главного управления ВМС Соединенных Штатов².

Из приводимых автором таблиц следует, что в период с 1880 по 1922 г. общая стоимость недвижимого имущества по ряду категорий увеличилась с 15,526 млн долларов до 110,467 млн долларов. Самый быстрый рост происходил с 1900 по 1912 г. – более чем в 2 раза, с 34,836 до 69,721 млн долларов. Данные таблиц отражают рост по всем категориям, включая сельское хозяйство, добывающую промышленность, железные дороги и так далее. В плане стоимости улучшений недвижимости рост также двухкратный, с 29,477 до 58,811 млн долларов. Стоимость оборудования показывает двухкратный рост и с 1900 по 1912, и с 1912 по 1922 г. С 9,282 млн долларов до 20,350 млн, и до 39 650 млн

¹ *Kuznets S. National product since 1869. P. 185–187*

² *Ibid. P. 187–189.*

соответственно¹. С учетом того, что инфляционные и дефляционные колебания до Второй мировой войны в США случались довольно редко, в моменты экономических и военно-политических кризисов, то промежуток между 1900 и 1912 гг. притягивает особое внимание. Возможно, это связано с установлением системы золотого монометаллизма в Соединенных Штатах в 1900 г., однако сам по себе рост экономики тесно связан с предшествующими изменениями и накоплениями, как строительство дорог и улиц связано с дальнейшими приобретениями смежных областей.

Д. Норт же на примере торговых отношений показывает отрицательный торговый товарный баланс с 1790 по 1860 г., без учета редких исключений. А к 1860 г. общая задолженность по данным платежного баланса страны составляла 379.2 млн долларов². Образы экономики у С. Кузнеца и у Д. Норта демонстрируют ситуацию, выходящую за рамки политической истории. Вызывает вопросы не сам долг, а ситуация, в которой он мог образоваться. Задолго до информационной эры долг по платежному балансу США мог приблизиться к 400 млн долларов. А стоимость недвижимости могла удваиваться за десять лет еще до эпохи мировых войн. Дуглас Норт, показывая истоки подобных ситуаций в призме структур и институтов, осветил теоретическую сторону данного явления. Саймон Кузнец продемонстрировал примеры бифуркационных точек, в которых экономическое благополучие США переходило в экономическое доминирование, превращая страну в экономическую «империю».

Рассуждения об архетипах, мессианизме или менталитете могут создать представление о предопределенности и неизменяемости явлений. Экономические институциональные явления могут восприниматься как

¹ Ibid, pp. 201–217.

² См.: *North D.C. The Economic Growth of the United States 1790–1860...* P. 219–220.

нечто само собой разумеющееся, не требующее от обладателя благосостояния усилий. Конечно же, политическая воля и социальные структуры влияют на экономические институты, экономический рост и накопление капитала. Однако их влияние не должно довлеть над экономикой, ставя под сомнение ее субъектность. Ведь если что-то и дает право называть Соединенные Штаты империей, то это исключительно экономическое благосостояние, влияющее на логику политических решений и формирующее социальный состав страны. В свою очередь политическая воля правовых субъектов и социальные структуры также влияют на экономическую ситуацию в стране, поддерживая или нивелируя ее благосостояние.

Проблема Западного Берлина

в контексте советской внешнеполитической доктрины (1958 г.)

*О.С. Мозговая*¹

В рамках послевоенной международной политики СССР признавал за Западным Берлином особый статус, но окончательно этот вопрос урегулирован не был. Зоны оккупации Германии были окончательно утверждены и документально зафиксированы в Ялте и летом 1945 г.² Для советской стороны было бы приемлемым обозначить статус Западного Берлина как «вольного демилитаризованного города». Однако усиленная работа ФРГ, активная пропагандистская работа со стороны Западного Берлина заставили советскую сторону перейти к более решительным действиям.

Так, в беседе с послом СССР в ФРГ А.А. Смирновым, состоявшейся весной 1957 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр и статс-секретарь ФРГ Г. Brentano прямо заявили о праве ФРГ стать ядерной державой³. 25 марта 1958 г. Бундестаг ФРГ принял резолюцию об оснащении бундесвера тактическим ядерным оружием⁴. К. Аденауэр так же не собирался признавать границу Германии с Польшей. 2 июля 1958 г. бундестаг принял резолюцию о намерении обратиться к США, СССР, Англии и Франции с предложением о создании группы «четырех» для подготовки совместных предложений по решению германской проблемы⁵. Данная инициатива

© Мозговая О.С., 2023

¹ Мозговая Оксана Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

² См.: *Dokumente zur Berlin-Frage: 1944–1962*. S. 339–353.

³ См.: *Гриневский О.А.* Берлинский ультиматум Хрущева // *Современная Европа*. 2005. № 4. С. 138.

⁴ См.: *Николаев П.А.* Политика Советского Союза в германском вопросе 1945–1964. М., 1966. С. 257.

⁵ См.: *Гриневский О.А.* Указ. соч. С. 139.

не вызвала одобрения у советской стороны. В беседе с сотрудниками МИД Н.С. Хрущев заявил, что «пора дать хорошую встряску Западу и пустить все дело по другой колее»¹.

4 июня 1958 г. Н.С. Хрущев заявил на VII съезде Болгарской коммунистической партии: «Мы твердо убеждены, что близится время, когда социалистические страны перегонят наиболее развитые капиталистические страны не только по темпам роста, но и по объему промышленного производства»².

10 ноября 1958 г. Н.С. Хрущев в своей речи отметил, что западные державы беспрепятственно пользуются свободным сообщением с Западным Берлином не желая признавать этого³. Он высказал готовность передать ГДР оставшиеся у советской стороны функции по управлению Берлином. Таким образом, Москва, по мнению Запада, старалась при помощи «берлинской проблемы» повысить статус ГДР и заставить правительство ФРГ учитывать мнение Восточной Германии по вопросу «объединения Германии»⁴.

Первоначально инициатива была предоставлена руководству ГДР, которое, после проведения V съезда СЕПГ⁵, обратилось 5 сентября 1958 г. к правительствам СССР, США, Англии, Франции и ФРГ с предложением образовать две комиссии – одну из представителей четырех держав и другую – из уполномоченных ГДР и ФРГ для подготовки проекта мирного договора⁶. Данные предложения были поддержаны только СССР. Более того, отказ сопровождался весьма нелестными комментариями, что правительство ГДР не полномочно говорить от лица германского народа,

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 518.

² Приветствие ЦК КПСС VII съезду БКП. 3 июня 1958 г. // Правда. 1958 г. 4 июня.

³ См.: Правда. 1958. 11 нояб.

⁴ Dokumente zur Berlin-Frage: 1944–1962. S. 339–353.

⁵ См.: V съезд СЕПГ (Берлин, 10–16 июля 1958 г.). М., 1959.

⁶ См.: Николаев П.А. Указ. соч. С. 260–261.

так как не является признанным с точки зрения международного права государством¹.

В начале осени 1958 г. и появляется идея ультиматума. Заместитель министра иностранных дел СССР В.С. Семенов вспоминал, что «по истечении шестимесячного срока ультиматума Н.С. Хрущев не собирался подписывать договор. И он не планировал никаких военных акций против Западного Берлина. Попросту говоря, это был шантаж»².

14 ноября 1958 г. 3 грузовых автомобиля США были задержаны на сутки при въезде в Западный Берлин по причине воспрепятствования осмотра советскими органами. Такие действия были расценены, как попытка советской стороны прозондировать реакцию западных держав на возможный ультиматум. В случае передачи контроля за коммуникациями ГДР страны союзники и В. Брандт рассматривали три варианта ответных действий. Первый – отказ признания власти ГДР и силовое решение вопроса. Второй – отказ от транзита и самоизоляция. Третий – признать зависимость ГДР от СССР и вести переговоры только с советскими органами. Именно этот вариант был для них предпочтителен³.

Советское правительство заявило, что нельзя больше откладывать урегулирование западноберлинской проблемы, и требовало ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине. Предполагалось превратить Западный Берлин в самостоятельную политическую единицу, в вольный город, в жизнь которого не должно вмешиваться ни одно государство. 27 ноября 1958 г. СССР отправил официальные ноты правительствам ГДР, США, Англии, Франции и ФРГ⁴. Главное требование документа состояло

¹ См.: *Гриневский О.А.* Указ. Соч. С. 139.

² Там же. 140.

³ См.: *Беспалов В.А.* Западноберлинский транзит (1945–1971): Дипломатия холодной войны. М., 2015. С. 230.

⁴ См.: *История международных отношений: В 4 ч. Ч. 4, кн. 3.* Минск, 2017. С.286–287.

в следующем, чтобы державы победительницы в течение шести месяцев (до 27 мая 1959 г.) заключили мирный договор с Германией. В противном случае советское правительство намеревалось подписать отдельный мирный договор с ГДР и переложить на ее правительство ответственность за обеспечение особого статуса Берлина и гарантий доступа западных держав в западную часть города.

Западные страны на данный момент не имели с ГДР дипломатических отношений. Бонн считал Западный Берлин частью территории ФРГ, что не признавалось Советским Союзом¹. Таким образом, СССР ставил Запад перед выбором либо признать ГДР и заключить с ней соответствующее соглашение о транзите, либо уйти из Западного Берлина, либо применить силовой вариант решения². Однако противная сторона считала, что нельзя заключить мирный договор не достигнув соглашения о воссоединении Германии с привлечением ООН³.

Особую обеспокоенность сложившейся ситуацией выражало правительство ФРГ. К. Аденауэр настаивал на выработке единой стратегии в отношении СССР, принятие любых условий являлось поражением Запада⁴. В мемуарах Аденауэр настаивал на том, что нельзя было «позволить купить объединение Германии ценой ослабления связей Германии с западным блоком и отказа от достижений европейской интеграции. Ибо в результате появилась бы беззащитная, не связанная никакими союзами страна в центре Европы, и у такой Германии обязательно появилось бы искушение играть на противоречиях между Востоком и Западом»⁵.

¹ См.: *Богатуров А.Д.* Системная история международных отношений 1918–2003. Т. 3. М., 2003. С. 239.

² См.: *Гриневский О.А.* Указ. соч. С. 133.

³ См.: *Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003. С. 115.

⁴ См.: *Богатуров А.Д.* Указ. соч. С. 232.

⁵ *Аденауэр К.* Воспоминания. М., 1966. С. 473–474.

В принципе, Н.С. Хрущев был прав, что ни одна из «великих» западных держав не стремилась ввязываться в военный конфликт из-за Берлина, но и не могла допустить усиление роли СССР в Европе. Даже западногерманский канцлер Аденауэр, когда Даллес, обрисовывая возможные варианты развития событий, назвал ядерную войну, воскликнул: «Боже упаси, только не из-за Берлина!»¹. Западные державы, включая США, оперировали документами о разделе Германии и Западного Берлина, утверждая, что требования СССР противозаконны².

В Советском Союзе были подготовлены два проекта мирных договоров. Один – для заключения мира с обоими германскими государствами. Другой – для подписания его только с ГДР, после того как Запад отвергнет советские предложения. Советское правительство было убеждено, что Запад не пойдет на заключение совместного договора с обоими германскими государствами³. 10 января 1959 г. проект мирного договора с ГДР и ФРГ был вручен нотой правительствам США, Англии и Франции⁴, а также был представлен на рассмотрение обоих германских государств. Правительство СССР предлагало: признание реально существующих границ; вывод всех иностранных войск; выход обоих германских государств из военных союзов; создание национальных вооруженных сил и запрет всех милитаристских и реваншистских партий и организаций. Проект также устанавливал, что только сам немецкий народ может найти решение вопросов, касающихся восстановления единства Германии, включая и определение общественного устройства будущего единого германского государства. Учитывая длительность процесса

¹ Гриневский О.А. Указ. соч. С. 136.

² См.: Беспалов В.А. Указ. соч. С. 234–237

³ См.: Гриневский О.А. Указ. соч. С. 141–142.

⁴ См.: Западный Берлин должен стать демилитаризованным вольным городом // Правда. 1959. 10 янв.

воссоединения, предполагалось временно установить «положение демилитаризованного свободного города на основе его особого статуса»¹.

Советское правительство предложило созвать в течение двенадцати месяцев мирную конференцию всех заинтересованных государств для обсуждения проекта, разработки и подписания согласованного текста договора².

На заседании ЦК КПСС 11 февраля 1959 г. Был рассмотрен план, который запрещал западным державам провозить оружие по земле, а воздушное и сухопутное сообщение должно было производиться с согласия ГДР³.

В ходе дальнейших переговоров и встречи в Женеве между советской стороной и западными союзниками так и не было достигнуто определенных договоренностей. Советская делегация 10 июня 1959 г., после консультаций с ГДР, внесла предложение, предусматривавшее временное урегулирование на основе заключения соглашения о временном статусе Западного Берлина и создание Общегерманского комитета для выработки мер по сближению обоих германских государств и подготовки мирного договора⁴. Советские предложения предусматривали сохранение тремя западными державами на строго определенный срок оккупационных прав при условии достижения соглашения о временном урегулировании вопроса о Западном Берлине на основе следующих принципов: сокращение западными державами до символических размеров численности их войск и вооружений в Западном Берлине; прекращение с его территории враждебной пропаганды против ГДР и других социалистических стран; неразмещение в Западном Берлине ядерного и ракетного оружия. Это соглашение вместе

¹ Гриневский О.А. Указ. соч. С. 143.

² См.: Кайдерлинг Г., Штульц П. Берлин 1945–1975. М.: Прогресс, 1976. С. 290–291.

³ См.: Веттиг Г. Н.С. Хрущев и берлинский кризис 1958–1963. М., 2007. С. 48.

⁴ Там же. С. 59.

с обязательством по сохранению связей Западного Берлина с внешним миром должно было быть новым временным статусом для Западного Берлина. Этот временный статус мог быть гарантирован четырьмя великими державами, а также в приемлемой для всех форме – ГДР. Для наблюдения за выполнением соглашения предлагалось создать наблюдательный орган из представителей четырех держав¹. Однако данная инициатива так же была отклонена. 28 июля Советский Союз и западные державы обменялись новыми рабочими документами, в которых обе стороны излагали свои позиции относительно временного решения. Заметного продвижения вперед не произошло. Женевское совещание министров иностранных дел закончилось 5 августа 1959 г. без подписания какого-либо соглашения.

¹ Германская Демократическая Республика на Женевском совещании министров иностранных дел в 1959 г. Берлин, 1960. С. 35.

«Четвертая власть» в Республике Татарстан
в преддверии распада СССР

И.А. Гузельбаева¹

Одно из масштабных событий последних десятилетий XX в. как отечественной, так и мировой истории – прекращение существования СССР как единого государства, вместе с которым произошел крах социалистической системы. Причины распада СССР разноплановы. Наряду с экономическим, политическим кризисом стоит выделить духовную сферу и ее идеологическую составляющую. Деформация идеологической основы советского государства стала все более отчетливо проявляться при проведении реформ, инициированных с 1985 г. последним генеральным секретарем СССР М.С. Горбачевым. Перемены периода Перестройки вызывали резонанс во всех областях культуры.

Стремительные общественно-политические изменения находили отражение в средствах массовой информации, в первую очередь печатных.

В рассматриваемый период представители СМИ почувствовали себя «четвертой властью». Действительно, граждане имели большое доверие к транслируемым материалам, что было отчасти обусловлено замкнутостью советского информационного пространства. Однако именно в это время данная ситуация стала меняться. Политика «гласности» расширила возможности деятелей культуры и СМИ в плане освещения ранее закрытых тем. Начался новый виток (после периода «оттепели») развития антисталинских настроений в связи с продолжением

© Гузельбаева И.А., 2023

¹ *Гузельбаева Ирина Александровна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана.

реабилитации жертв репрессий, выпуском художественных и публицистических произведений, освещавших тему ГУЛАГа и т.п.

Большой информативностью обладают именно печатные СМИ, на которых будет сконцентрировано внимание в статье. Исследование опирается на сведения русскоязычной периодической печати Казани и ТАССР (ТССР, РТ) конца 1980-х – начала 1990-х гг., сборник комментариев к ним (2000 г.), а также авторские интервью, проведенные в современности (2015–2019 гг.). Акцент сделан на восприятии национального вопроса представителями региональной творческой интеллигенции.

В условиях «холодной войны» президент США Р. Рейган назвал Советский Союз «империей зла» в 1983 г. Можно ли считать СССР империей? Советский Союз появился на обломках Российской империи, как проект социально-политического устройства, противопоставивший себя прежним структурам и порядку. Отечественные исследователи обнаруживают основу советского проекта в идеях Просвещения¹. Культурная политика, проводимая в рамках советской модернизации общества, опиралась на западноевропейскую просветительскую утопию, что выразилось в широких условиях для социальной мобильности; массовом тиражировании элитарного образования; идее прогресса и рационализации². Парадокс советского эксперимента был в том, что на практике можно обнаружить и элементы тотальной демократизации, которая определялась вышеупомянутыми принципами, и, конечно, авторитарный компонент.

Можно встретить определение СССР как «оригинальной формы имперского политико-правового пространства, способа национальной

¹ См.: *Куренной В.* Советский эксперимент строительства институтов // *Время, вперед!* Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 12–34.

² См.: *Кагарлицкий Б.* Советская культурная политика и традиция Просвещения // Там же. С. 60–61.

и наднациональной социально-политической и правовой идентичности»¹. В этом ключе выстраивание империи как системы постулируется имманентным для российского общества. Политический монизм, политико-территориальная унитаризация (с сохранением элементов автономизации) СССР рассматривается в параллели с тем, что было характерно для Руси и России: от Ивана III до Николая II². В рамках данной логики обосновывается важность национального вопроса в условиях реформ Перестройки, нерешенность которого приводит к усилению центробежных политических процессов.

Однако нельзя абсолютизировать национальный фактор. Зачастую его обозначают «миной замедленного действия», заложенной с 1922 г. В противовес такому подходу выстраивается позиция профессора А.В. Шубина: «В 1922 г. была создана модель, которая эффективно подморозила возникшие до этого острые межнациональные конфликты. Сами эти конфликты были неизбежным результатом перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному городскому. Этот переход, известный как модернизация, с неизбежностью ведет к нациестроительству на территориях со смешанным населением, а значит – к столкновениям национальных проектов. Модель СССР не только заморозила это столкновение, но и перенаправила векторы национальных стремлений на общую модернизацию, обеспечила вовлечение в нее широких масс нерусского населения, помогла сплочению советских граждан перед лицом внешних вызовов, включая Великую Отечественную войну»³. То есть советская модель общественного

¹ Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Мордовцева Т.В. СССР: Создание и крушение империи в контексте «общества риска» // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1. С. 51.

² Там же. С. 53–55.

³ «СССР – конструкция, эффективная для своего времени». Беседа с А.В. Шубиным // Историческая экспертиза. URL: <https://www.istorex.org/post/> (дата обращения: 04.01.2023).

устройства рассматривается как ответ на вызовы времени. Модель представляется удовлетворительной для стадии индустриального развития, переход от которой диктовал необходимость пересмотра национально-государственных форм. Перестройка запустила данный процесс, но он оборвался вместе с обострением кризисной ситуации и крахом советской системы в целом.

Зарубежные советологи порой обозначают СССР «империей», однако некоторые оговаривают, что советизация не превратила систему в «тюрьму народов», а страна пошла по пути частичного заимствования разных моделей, хотя и имела схожие черты с другими модернизирующимися империями¹. Известный американский советолог Р. Пайпс, негативно оценивая национальную политику большевиков в раннее советское время, использует определение «красная империя»². Обозначение СССР империей встречается не только в работах социологов и историков по становлению советского государства, но и в трудах политиков, осмысливших распад страны, например, в работе Е.Т. Гайдара³.

Таким образом, вопрос об отнесении Советского Союза к империям остается дискуссионным.

Вопрос характера публикаций региональной русскоязычной прессы Татарстана на последнем этапе перестройки освещен в исследовании в сфере журналистики⁴. Автор подчеркивает, что данное время стало периодом «честной и объективной журналистики». Данный исследователь также показывает, что именно на страницах периодической печати можно

¹ См.: *Hirsch F.* Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca and London, 2005.

² *Пайпс Р.* Русская революция: В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924 гг. М., 2005.

³ См.: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.

⁴ См.: *Исмагилов А.А.* Освещение в республиканской прессе Декларации о государственном суверенитете республики Татарстан // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. 2009. С. 237–242.

было выявить пересечения или расхождения интересов властной элиты и значимой части интеллигенции.

Тема разрешения национального вопроса в 1990-х гг., проблема соотношения в этом роли центральной и региональной власти и других сил поднимается и в зарубежных исследованиях, посвященных именно Татарстану¹.

Можно выделить немногочисленные работы, проблематика которых наиболее близка к обозначенной в статье теме. Так, значимая роль творческой интеллигенции в политических процессах Перестройки показана на примере деятельности писателя Туфана Миннуллина в качестве народного депутата СССР². В работах Л.В. Сагитовой представлен социально-антропологический анализ влияния региональных СМИ в 1980–1990-е гг. на общество ТАССР. Автор уделяет большое внимание репрезентации идеи регионального гражданства, национального вопроса: проблеме развития татарского языка, культуры и традиций³. Исследователь рассматривает место татарской интеллигенции в социальной структуре советского общества, объясняя развитие националистических настроений асимметрией: «социальная структура татар имела больший сдвиг в сторону гуманитарных и творческих профессий, в то время как среди русских было больше специалистов в сфере точных наук, в отраслях, связанных с высокими технологиями. Сложившаяся асимметрия общесоветской и национальной культуры татар стала основанием для ощущения чувства ущербности и второсортности

¹ См.: Уокер Э. Собака, которая не лаяла: Татарстан и асимметричный федерализм в России // Панорама-форум, 1997. № 18. С. 32–88. (публиковалось по: The Harriman Review, 1996, vol. 9, № 4).

² См.: Юнусова А.Т. О чем рассказывают стенограммы (к 85-летию со дня рождения Т.А. Миннуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2020. № 4. С. 131–137.

³ См.: Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России. Серия: «Труды факультета политических наук и социологии». СПб; М., 2003. Вып. 11. С. 77–124.

среди татар, получивших образование на татарском языке и переехавшим жить в город»¹. Автор обосновывает тезис о наличии культурного неравенства в позднесоветское время, в том числе, приводя данные о низком тираже татароязычной периодической печати в республике. Идея о недостатке возможностей для сохранения татарской культуры также развивается известным специалистом по истории Татарстана А.Г. Галлямовой. Она объясняет подъем этнического самосознания татар в позднее советское время прежним «принижением национального в угоду интернациональному»².

Подводя итог проведенному обзору работ, можно выявить отсутствие специального исследования по проблеме отражения национального вопроса в печатных СМИ ТАССР в период Перестройки. Рассмотрение восприятия этого вопроса творческой интеллигенцией в прошлом и современности дополнит картину истории позднесоветского времени репрезентациями памяти в медиасреде.

Перестройка и начавшаяся политика гласности начали транслировать широкой аудитории давно зревшие острые вопросы. Писатель, драматург, общественный деятель Диас Валеев активно выражал свой взгляд на национальный вопрос в периодической печати: «Мы все должны проверить свое национальное и межнациональное «хозяйство». Все ли в нем в порядке? Все ли соответствует уровню переживаемой исторической минуты? Скажем, зададимся вопросом: каким представляется наш город с точки зрения иностранных туристов, тысячами посещающих нас летом? Есть ли в Казани хоть какой-то национальный

¹ Сагитова Л.В. Татарский язык, национальные масс-медиа и нерешенные задачи модернизации // Национальные стратегии развития тюркоязычных стран: материалы V Конгресса социологов тюркоязычных стран. (Алматы, 25–26 апреля 2014 г.). Алматы, 2014. С. 252–261.

² Галлямова А.Г. Кризис национальной самоидентификации татар в советский период // Туган жир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал]. 2020. № 3–4. С. 52–64.

колорит, какой чувствуется, например, в Прибалтике? Почти никакого»¹. Действительно, обзорные экскурсии второй половины 1980-х гг. имели традиционную для официального советского дискурса идеологическую составляющую: акцент на «ленинских местах», истории, связанные с показом «борьбы за идеи социализма», упоминание Героев Советского Союза и рассказ о вкладе Татарии в Победу². В наши дни репрезентации особенностей татарской культуры, истории и традиций в обзорных экскурсиях отводится значимое место.

Спустя примерно десятилетие Л.В. Агеева, которая была журналистом и заведующей отделом науки общественно-политической газеты «Вечерняя Казань» подчеркивала, что рассуждения Диаса Валеева выходили за пределы привычных тем. «После долгих раздумий А. Гаврилов (*главный редактор «Вечерней Казани»*) дал добро сначала на публикацию статьи Д. Валеева, а потом на открытие специальной рубрики. 23 ноября 1988 года Валеев опубликовал в «Литературной газете» статью «Приоритет равноправия», в которой писал о необходимости преобразовать ТАССР в союзную республику»³. Общественная активность писателя Д. Валеева вызвала многочисленные реакции. «Вечерняя Казань» публиковала письма читателей, на которые в дальнейшем давались ответы и комментарии – развернулась бурная дискуссия. Открытость и четкость позиции писателя стали основанием, на котором выросло доверие множества граждан. Показательно, что Д. Валеев вошел в число

¹ Валеев Д. О национальном и интернациональном // Вечерняя Казань. 1988. 9 янв.

² См.: Гиматдинова Г.И., Гузельбаева И.А., Ханбекова Н.И. Коммеморация Великой Отчечественной войны в городских экскурсиях по Казани в 1970–2020 гг. // Историко-культурное наследие как потенциал развития туристско-рекреационной сферы. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции к Международному дню памятников и достопримечательных мест. Казань, 2020. С. 56–58.

³ Республика Татарстан: новейшая история. События. Комментарии. Оценки. Казань, 2000. С. 38.

кандидатур, предлагаемых для выдвижения кандидатами в народные депутаты СССР инициативным центром Народного фронта¹.

На страницах «вечерки» можно проследить полемику между видными представителями творческой и научной интеллигенции. Так, историк Искандер Гилязов высказывал свои соображения по вопросу развития татарской культуры и языка в статье, ставшей, в сущности, ответом писателю Д. Валееву: «Вопрос о двуязычии звучит очень актуально, о нем много говорят, много пишут. Становление двуязычия – процесс объективный и необходимый в условиях нашей страны. Но по-настоящему двуязычных людей в нашем городе наберется не так уж и много: практически в каждом случае будет крен в одну из сторон. Люди пожилые лучше знают татарский язык, а городская молодежь в основной массе родного языка не знает или же знает очень слабо. <...> Разве так уж сложно в детских садах города ввести одно-двухчасовую игру, беседу и тому подобное на родном языке? Одна семья тут не всесильна»². Историк считал, что если в школе не прививается любовь к родному языку, то человек вырастает без уважения и к другим культурам, то есть не может быть «подлинным интернационалистом».

Конкретные количественные данные, связанные с объемами изучения в республике родных языков публично приводит первый секретарь обкома КПСС Г.И. Усманов: «В 1960/61 учебном году в 1458 школах с преподаванием на татарском языке занималось 118.700 учащихся. Через двадцать лет число школ сократилось до 995, число учащихся – до 104.000. В результате принятых мер количество татарских школ в 1988/89 учебном году возросло до 1059, однако отток учащихся предотвратить не удалось – в этих школах занимаются 70.103 учащихся»³.

¹ ГАРТ Ф. П-15. Оп. 15. Д. 1586. Л. 62.

² *Гилязов И.* Бессмертие народа – в его языке // Вечерняя Казань. 1988. 27 янв.

³ Актуальная проблема перестройки // Советская Татария. 1989. 10 янв.

Журналист Е.Н. Чернобровкина поделилась воспоминаниями о перестройке: «В перестройку СМИ развязали руки. А после 1991 г. столько пошло «желтизны», скандалов и т.п. В перестройку начали писать то, о чем раньше было нельзя. Гаврилов сам смотрел письма читателей. Ход Гаврилова: сказал нам, журналистам, чтобы мы писали от имени читателей письма о политических проблемах. Этим мы действительно перенастроили читателей!»¹. То есть для раскрытия актуальных тем читателями понадобилась не только объявленная гласность, но и примеры ее реализации в СМИ.

В СМИ высказывались смелые предположения о перспективах развития страны, переменах, критика существующей системы – все это в духе мыслей, которые выражали экономисты, публицисты, общественно-политические деятели в знаменитом сборнике «Иного не дано».

Завоеванием Перестройки и первых лет постсоветского развития стали: Конституция Республики Татарстан (1992 г.), Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (1994 г.). Окончание его срока в 2017 г. актуализирует сегодня изучение проблем национального развития.

Л.В. Агеева в наши дни с теплом вспоминает позднесоветское время для развития журналистики: «В перестройку мы увлеклись, чувствовали, что «четвертая власть». Были на пике самодостаточности. Мы защищали интересы людей. С 1990-х невозможно стало заботиться о людях. В коммерческих газетах – экономическая зависимость. Работодатели диктовали, нарушая права журналистов. Сегодня зачастую публикации не могут быть поводом для серьезного разговора. Появившиеся

¹ Из интервью с Е.Н. Чернобровкиной (1951–2021 гг.) //Личный архив автора. Интервью проведено 01.06.2016.

негосударственные СМИ должны были быть на стороне угнетенных, а вышло так, что многие журналисты попали под диктат коммерции. Советский журналист стремился решить проблему»¹.

Итак, в работе приводится три периода отражения политики Перестройки в Татарстане: непосредственно в ходе проводимых реформ (1985–1991 гг.), спустя почти десятилетие (2000 г.) и в наше время (2015 г.).

На примере высказываний региональной интеллигенции периода Перестройки рассмотрено обсуждение различных аспектов национального вопроса. Можно проследить положительную оценку в отношении происходивших перемен при их непосредственном восприятии и негативную оценку их последствий в более позднее время. Присутствует также и чувство разочарования при осмыслении Перестройки в XXI в. Некоторые журналисты, например, Л.В. Агеева, стремились сохранить нейтральную позицию в Перестройку. В своих недавних воспоминаниях она с сожалением говорила о потерях «завоеваний Перестройки». Интересы региональной интеллигенции, части общества и власти совпадали в вопросе развития татарской национальной культуры и изменения статуса республики. Иллюстрацией к этому можно считать публикации о проблеме преподавания татарского в образовательных учреждениях. Негативные высказывания о масштабах изучения татарского в школах встречаются и у представителей власти (И. Гумеров), и у интеллигенции (Д. Валеев, И. Гилязов).

Медиа, в нашем случае печатные СМИ, оказали в данный период серьезное влияние на народ, коллективную память как способ конструирования своего прошлого (к примеру, новые ракурсы даже на революцию), а также опосредовали восприятие текущей общественно-политической ситуации в период Перестройки. Это вписывается не только

¹ Из интервью с Л.В. Агеевой // Личный архив автора. Интервью проведено 24.05.2015.

в поле исследований памяти, но и теорию конструктивизма как эпистемологического подхода¹.

Деятели СМИ ощутили себя в Перестройку «четвертой властью». Отчасти это имело основание. С одной стороны, в данный период происходит становление гражданского самосознания, актуальные вопросы выносятся на открытое обсуждение, формируются механизмы более тесного взаимодействия народа и власти. СМИ, в том числе печатные, стимулируют интерес граждан к политике. С другой стороны, политическое сознание интеллигенции и заинтересованной части общества находилось на стадии зарождения в связи с отсутствием политического выбора прежде. Открывшиеся «шлюзы гласности» позволяли СМИ многое, однако ограниченной оставалась возможность критических замечаний в сторону действующей власти, что особо было ощутимо в регионах.

¹ *Пастухов А. Г.* «Холодное очарование» медиа, или о регулируемых величинах в процессе познания и путях формирования медийного общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 219–223.

К вопросу об особенностях использования интернет-ресурсов
в изучении и популяризации дореволюционного прошлого
российских городов

*И.В. Максимова*¹

В условиях разворачивающегося на наших глазах «цифрового переворота» постепенно на первый план выходят новые средства коммеморации прошлого. Данная тенденция, условно обозначаемая как «виртуализация истории и исторической памяти»², придает особую актуальность теме настоящей статьи. В рамках предлагаемой работы мы попытаемся проанализировать информативные возможности, специфику и перспективы использования материалов различных ресурсов сети Интернет в изучении и популяризации истории городов Российской империи. С учетом научных интересов автора раскрытие темы будет осуществляться преимущественно путем обращения к информационным ресурсам, проливающим свет на дореволюционный период истории поволжских городов³.

Перед тем как приступить непосредственно к раскрытию темы статьи, необходимо прояснить некоторые общетеоретические моменты. На современном этапе среди ученых все большую популярность

© Максимова И.В., 2023

¹ *Максимова Ирина Васильевна*, кандидат исторических наук, ведущий специалист по учебно-методической работе, преподаватель Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России.

² См., например: *Грибан И.В.* Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 11. С. 339.

³ В категорию «поволжские города» в рамках данного исследования мы условно включаем не все, а лишь крупные российские города, расположенные на территории, примыкающей к среднему и нижнему течению Волги (узкая трактовка термина «Поволжье»). К их числу относятся: Казань, Симбирск (ныне – Ульяновск), Самара, Пенза, Саратов, Царицын (ныне – Волгоград), Астрахань.

приобретают такие взаимосвязанные категории как «цифровой переворот», «информационный ресурс», «интернет-ресурс», «электронная библиотека»¹. Однако их смысловое содержание до сих пор остается не до конца раскрытым, модифицируется с учетом различных авторских подходов к этим понятиям. Не претендуя на научное осмысление приведенных категорий, ограничимся указанием на их возможные рабочие определения. Так, под «цифровым переворотом» мы будем понимать переворот, связанный прежде всего с ускоряющимся процессом накопления информационных ресурсов, а под «информационным ресурсом» – формы накопления и организации информации, обычно в виде документов и (или) данных, хранящихся в информационных системах. Понятие «интернет-ресурсы», в свою очередь, включает в себя совокупность информационных ресурсов, размещенных в сети Интернет, и выступает синонимом для таких категорий как «веб-ресурс», «веб-сайт», «веб-сервис, сайт». Переход к массовой оцифровке источников в начале XXI в. привел к появлению и развитию в России сети электронных библиотек, общепризнанное определение для которых также отсутствует. В настоящей статье под термином «электронная библиотека» подразумевается информационная система, обеспечивающая обработку,

¹ См., например: *Гарскова И.М.* «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57–75. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31251 (дата обращения: 23.03.2023); *Носевич В.Л.* Будущее профессии историка в условиях «цифрового поворота» // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 90–98. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30767 (дата обращения: 23.03.2023); *Валетов Т.Я.* Электронные библиотеки для исторической науки и образования: современное состояние и перспективы // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей. М., 2016. С. 282–293; *Матвеев М.Ю.* Национальные библиотеки: на пути к цифровому будущему // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2. С. 88–95 и др.

хранение и доступ для широкого круга пользователей к цифровому контенту существующих библиотечных фондов¹.

Возросшая значимость новых средств коммеморации по сравнению с традиционными коммеморативными практиками (памятниками, музеями, библиотеками, архивами, выставками и пр.) обусловлена рядом преимуществ, к числу которых обычно относят следующие. Во-первых, для интернет-ресурсов характерна широта охвата аудитории, прежде всего за счет представителей молодого поколения как наиболее активных пользователей сети. Во-вторых, свободный доступ к значительному массиву информации, включая тексты первоисточников из библиотек и архивов, работа с которыми в очном режиме не всегда возможна даже чисто территориально. В-третьих, реализация принципа интерактивности в работе большинства веб-сайтов (благодаря формам обратной связи пользователи имеют возможность поучаствовать в развитии ресурса, наполнении его актуальным контентом) и др.²

Вместе с тем необходимо указать на возможные «подводные камни» от использования интернет-ресурсов, главный недостаток которых обусловлен качеством предоставляемой информации, в опубликовании которой зачастую принимают участие не профессионалы, а энтузиасты, не всегда обладающие должным уровнем подготовки³. Поэтому дилемма «Интернет – мусорная корзина или кладезь мудрости?», неразрывно связанная с проблемой различения достоверной и «фейковой»

¹ См.: Зуйкина К.Л., Соколова Д.В., Скалабан А.В. Электронные библиотеки в России. Текущий статус и перспективы развития. М., 2017. С. 8.

² См., например: Грибан И.В., Грибан О.Н. Актуальное прошлое: веб-ресурсы как инструмент сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне // Преподавание истории в школе. 2016. № 1. С. 33–34.

³ Данное замечание в большей степени применимо к многочисленным группам в социальных сетях, интернет-форумам, блогам и пр., так или иначе затрагивающим вопросы историко-краеведческого характера. Мы целенаправленно отказались от приведения конкретных примеров для этих разновидностей интернет-ресурсов, отдавая предпочтения более фундаментальным источникам информации – электронным библиотекам и краеведческим сайтам (порталам).

информации, и по сей день не утратила своей злободневности¹. Неслучайно ряд современных авторов подчеркивают взаимосвязь между феноменами «бума авторства» и «информационного шума», следствием чего стало существование нерегулируемого потока «информационного мусора»². Также обращает на себя внимание плохая осведомленность потенциальных пользователей о некоторых действительно полезных и интересных сайтах, что, как правило, вызвано отсутствием или недостаточностью рекламы. Ниже мы остановимся на наиболее удачных, на наш взгляд, интернет-ресурсах, тематически связанных с дореволюционным прошлым городов Среднего и Нижнего Поволжья.

Особое место в современном информационном пространстве принадлежит электронным библиотекам открытого доступа, появление которых способствовало существенному расширению круга доступных информационных ресурсов, а также дало новые возможности по поиску и обработке информации. Среди региональных библиотек подобного типа, содержащих наибольший процент электронных копий печатных документов дореволюционного периода, хотелось бы выделить следующие. Так, электронная библиотека Самарской областной универсальной научной библиотеки вобрала в себя три основных коллекции: «Самарика» (собрание краеведческих коллекций), «Наши раритеты» (собрание коллекций отдела редких книг), «Периодическая печать» (собрание цифровых копий газет и журналов, выходивших на территории Самарского края)³. Портал Национальной электронной библиотеки Республики Татарстан с 2010 г. служит единой точкой доступа

¹ См.: *Афанасьева Л.П.* Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости? // Новый исторический вестник. 2003. № 1. С. 182–212.

² *Дукин Р.А.* Феномен социальных медиа: проблема социологического осмысления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 125.

³ См.: Электронная библиотека СОУНБ. URL: <http://old.libsmr.ru/node/14718> (дата обращения: 23.03.2023).

к ресурсам библиотек республики, обеспечивая свободный доступ к полнотекстовым электронным коллекциям, среди которых обращают на себя внимание коллекции «Татарика» и «Периодические издания Казанской губернии»¹.

Электронная библиотека «Астраханская краеведческая коллекция», формируемая с 2008 г. сотрудниками Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, также отличается разнообразием представленных изданий, применительно к изучаемому периоду интерес для исследователей представляют следующие коллекции: «Памятные книжки Астраханской губернии», «Путеводители по Волге и Астраханскому краю», «Исследования Астраханского края. Путешествия. Экспедиции», «История города Астрахани», «Астрахань православная: история и современность», «Периодические издания Астраханского края» и др.² Важно подчеркнуть, что на виртуальных книжных полках электронных библиотек зачастую встречаются издания, давно ставшие библиографической редкостью. Многие из них выходят за рамки отдельно взятого города. Например, крайне проблематично составить представление о санитарном состоянии и в целом социокультурном облике поволжских городов Астрахани, Самары, Саратова, Царицына без обращения к работе главы русской гигиенической школы первой четверти XX в. профессора Г.В. Хлопина; астраханская электронная библиотека дает нам такую возможность³.

¹ См.: Национальная электронная библиотека Республики Татарстан. URL: <https://kitap.tatar.ru/ru/ssearch/ecollection/> (дата обращения: 23.03.2023).

² См.: Электронная библиотека «Астраханская краеведческая коллекция». URL: <http://aonb.astranet.ru/kk/> (дата обращения: 23.03.2023).

³ См.: *Хлопин Г.В.* Материалы по оздоровлению России: санитарное описание г.г. Астрахани, Самары, Саратова и Царицына с указанием мер, необходимых для их оздоровления: с 33 рисунками в тексте и 4 картограммами. СПб.: тип. Мин. Внутр. Дел, 1911. 295 с. URL: <http://aonb.astranet.ru/dl/?file=http://aonb.astranet.ru/kk/pdf/bx000000304.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).

Для вышеперечисленных библиотек характерен коллекционный принцип формирования и представления ресурсов, что значительно облегчает работу пользователей. Отсутствие жесткой привязки к данному принципу отличает Пензенскую электронную библиотеку, основу которой составляют оцифрованные документы Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова¹. Данное обстоятельство может доставить некоторые неудобства, которые в массе своей компенсируются наличием развитой системы навигации посредством расширенного и атрибутивного поиска.

Богатейшей коллекцией информационных ресурсов по дореволюционному периоду располагает Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского² (далее – ЗНБ СГУ), первое очное знакомство с фондами которой у автора настоящей статьи состоялось более десяти лет назад. Имея возможность сравнивать работу с оригиналами документов и их оцифрованными версиями, мы безусловный приоритет отдаем последнему варианту. И дело здесь не только в существенной экономии времени и денежных средств на проезд и проживание в чужом городе. Работа с некоторыми разновидностями исторических источников, особенно с материалами региональной прессы, требует многократного повторного обращения. Так, первичный просмотр годовых подшивок ежедневной общественно-политической газеты «Саратовский вестник» за 1910–1913 гг., осуществленный в книгохранилище библиотеки до оцифровки, позволил выявить и задействовать при написании кандидатской диссертации весьма ограниченные сведения.

¹ См.: Пензенская электронная библиотека. URL: <https://dl.liblermont.ru/> (дата обращения: 23.03.2023).

² См.: Электронная библиотека On-Line. URL: <http://elibrary.sgu.ru/djvu/books.html> (дата обращения: 23.03.2023); Газеты (электронные версии газет). URL: <https://www.sgu.ru/structure/znbsgu/gazety-elektronnye-versii-gazet> (дата обращения: 23.03.2023).

Вся многоплановость и широта представленных материалов в полной мере смогла раскрыться лишь при последующем пересмотре электронных версий газеты; результатом кропотливой работы стало появление нескольких показательных научных статей¹. К сожалению, список изданий на платформе «Электронная библиотека On-Line», удачно выстроенных по алфавитному принципу, с 01.01.2012 г. не обновляется; при этом обнаружить ссылку на данный информационный ресурс с основного сайта библиотеки фактически невозможно (в отличие от отсылок к электронным версиям газет), а поиск по электронному каталогу ЗНБ СГУ конкретных дореволюционных изданий довольно неудобен.

Закрытие свободного доступа к интернет-ресурсу «Симбирская электронная библиотека» Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина² несколько компенсируется частичным дублированием изданий в электронной библиотеке, размещенной на информационном портале Ульяновского областного отделения Русского географического общества³.

Рассмотренные выше ресурсы электронных библиотек в первую очередь могут вызвать научный интерес у достаточно ограниченного круга

¹ См., напр.: *Максимова И.В.* «Немеркнувший свет»: отражение реакции общественности на уход и смерть Л.Н. Толстого в зеркале региональной прессы (по материалам газеты «Саратовский вестник») // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2020. С. 266–275; *Она же.* Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы). Часть 1 // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2021. Вып. 9. Ч. 1. С. 71–84. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/> (дата обращения: 23.03.2023); *Она же.* Хулиганство как явление повседневной жизни поволжского города накануне Первой мировой войны (по материалам саратовской прессы) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2022. Вып. 10. С. 7–23. URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/> (дата обращения: 23.03.2023) и др.

² См.: Положение об Электронной краеведческой библиотеке отдела краеведческой литературы и библиографии Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина. URL: [<https://uonb.ru/kraevedenie/85-material/401-ekbdoc>] (дата обращения: 23.03.2023).

³ См.: Электронная библиотека. URL: <https://ulrgo.ru/region/elibrary/> (дата обращения: 23.03.2023).

лиц (историков, краеведов и др.). Популяризации историко-краеведческих знаний, по нашему мнению, в большей степени способствуют специализированные краеведческие порталы, сайты. Например, информационный портал «Царицын.рф», зарегистрированный Роскомнадзором в качестве СМИ¹. Бессменным автором и редактором историко-краеведческого интернет-издания с момента основания 25.12.2012 г. стал волгоградский краевед и экскурсовод Р.В. Шкода². Некоммерческий проект «Царицын.рф» во многом является уникальным ресурсом, выполняющим не только информационную и просветительскую, но и коммеморативную функцию. Помимо многочисленных авторских статей, отличающихся качеством подбора материалов и богатым иллюстративным рядом, на портале представлены различные интерактивные разработки. В частности, план г. Царицына от 1909 г. с краткой информацией об исторических районах старого города³; с 2014 г. действует проект «Трехмерный Царицын», в рамках которого осуществляется историческая реконструкция зданий Царицына и довоенного Сталинграда в формате 3D моделей⁴.

Еще один показательный интернет-ресурс по истории и культуре Саратовского Поволжья – некоммерческий проект «Фотографии старого Саратова». Его содержательная наполняемость за более чем десятилетний период существования вышла далеко за рамки главной цели создания сайта: каталогизации многочисленных старых фотографий города. Это стало возможным благодаря существованию и постепенной наполняемости

¹ См.: Царицын.рф. URL: <http://tsarvolga.ru> (дата обращения: 23.03.2023).

² Для современного Волгограда личность Р.В. Шкоды в некотором роде можно считать медийной: автор известен в качестве ведущего короткометражных передач на местном телевидении, таких как «Городские истории», «Царицынские истории», «Город с Романом Шкодой», что придает дополнительную популярность portalу «Царицын.рф».

³ См.: Интерактивная карта районов Царицына. URL: <http://царицын.рф/2013/09/272-tsarplan.html> (дата обращения: 23.03.2023).

⁴ См.: Трехмерный Царицын. URL: <http://царицын.рф/3d> (дата обращения: 23.03.2023).

краеведческими материалами таких рубрик как «Статьи», «Энциклопедия», «Форум»¹.

В непривычном для современного читателя дореволюционном стиле предстает авторский сайт пензенского краеведа, библиофила, филокартиста С.В. Ткаченко «Пенза, которой нет», начавший свою работу 01.08.2008 г. На информационном ресурсе собрана уникальная коллекция фотографий, картографических материалов, газетных статей и иных свидетельств, связанных с дореволюционной историей города². Отдельного упоминания заслуживает краеведческий портал «Пензинские хроники». На портале размещены материалы блогов пензенских краеведов Е.П. Белохвостикова, В.С. Година, А.И. Дворжанского, А.В. Тюстина, В.О. Шпаковского и др.; также интерес вызывают материалы, расположенные в разделах «Хроники», «ЖЗЛ», «Пензенские достопамятности», «Справочник»³.

В заключении необходимо подчеркнуть, что осуществленный краткий обзор подтверждает значительный потенциал веб-сайтов как при проведении научно-исследовательской работы (преимущественно за счет краеведческих ресурсов электронных библиотек), так и в деле популяризации дореволюционного наследия российских городов (упор на историко-краеведческие порталы). При этом мы далеки от абсолютизации интернет-ресурсов и их возможностей, будучи убеждены, что традиционные коммеморативные практики и новые средства коммеморации должны выступать в единой связке, взаимодополняя и обогащая друг друга.

¹ См.: Фотографии старого Саратова. URL: <https://oldsaratov.ru/> (дата обращения: 23.03.2023).

² См.: Пенза, которой нет. Библиографический Альманах Пензенской губернии. URL: <https://www.sites.google.com/site/penzakotoroinet/penza-kotoroj-n-t> (дата обращения: 23.03.2023).

³ См.: Пензенские хроники: краеведческий портал. URL: <http://penzahroniki.ru/> (дата обращения: 23.03.2023).

Научное электронное издание

Будущее нашего прошлого – 8:
империи в историческом дискурсе

Всероссийская научная конференция

Москва, 17 февраля 2023 г.

Сборник статей

Оригинал-макет подготовлен
на кафедре истории и теории исторической науки
исторического факультета ИАИ РГГУ

*Рекомендовано к публикации
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Компьютерная верстка
К.А. Медведев

Подписано к использованию 22.12.2023
Уч.-изд. л. 12,0. Заказ № 1883